

ЕКАТЕРИНА ЧУБАРОВА

М. А. Коршунова

16+

Татяна Коршунова
Екатерина Чубарова

«Автор»

2021

Коршунова Т. А.

Екатерина Чубарова / Т. А. Коршунова — «Автор», 2021

Высшее общество Петербурга воспринимало девицу Чубарову как предмет насмешек. На балу не танцует, музицирует с ошибками, слуха нет, да ещё и правду говорить не стесняется. Зато ей нет равных в бухгалтерии и счетоводстве, а репутация такая безупречная, что страшно приблизиться. Так думала о ней и собственная внучка, пока в 1886 году в её дом не пожаловал гость из Неаполя. Итальянский князь привёз саквояж с мемуарами и письмами своего покойного деда. А в них оказалась подлинная история Екатерины Чубаровой. Так вот почему бабушка никогда не рассказывала о подпоручике Александре Ильине, стрелявшемся из-за неё на дуэли!.. В 1812 году ей было восемнадцать...

Содержание

Часть первая. Петербург. Начало войны.	6
Пролог	6
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	25
Глава IV	36
Глава V	41
Глава VI	48
Глава VII	52
Часть вторая. Путешествие.	58
Глава I	58
Глава II	64
Глава III	75
Глава IV	87
Глава V	97
Глава VI	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Татьяна Коршунова

Екатерина Чубарова

Посвящается памяти моей бабушки Коршуновой Екатерины Фёдоровны

Часть первая. Петербург. Начало войны.

Пролог

В конце февраля 1812 года княгиня Нина Ланевская давала бал. Я помню портрет молодой княгини в картинной галерее Павловского дворца. Высокая, стройная, в лёгком платье à la antique и сапфировой диадеме, с безупречной причёской из тёмно-каштановых завитков. Родинка над крылом изящного носика, узкая переносица, отполированная художником. Маленький рот с выпуклыми губами, которому больше идёт рассуждать, чем улыбаться. И умные янтарно-зелёные глаза. Непросто было заслужить приглашение в её дом!

Я словно вижу этот бал. Свечи, люстры, полупрозрачные платья, золочёные эполеты. У стены под мраморными колоннами – подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка Александр Ильин с приятелем. Оба в парадных тёмно-зелёных мундирах с синими высокими воротниками, офицерские шарфы на поясе золотыми нитями сверкают.

Два женских голоса застрекотали за их спинами:

– Какая у неё нескладная поступь, как у гусыни!

– Вы о той, что подле княгини Нины?

Подпоручик Ильин обернулся: дама в белой токе¹ с кудрявым пером, на лбу – цепь мелких рубинов в два ряда. Не «своих» дама – финляндцев. Отвечала – жена капитана его роты:

– Недаром она никогда не танцует. Дабы на ровном паркете не споткнуться.

Белая тока прикрыла веером смеющийся рот:

– Вы хоть раз слышали, как она музицирует? Для неё что *allemande*, что краковяк – всё на один лад.

– Хи! На арифметический лад.

– Сударыни, перестаньте судачить, – вмешался Александр. – Пощадите наши уши.

– Вы вольны не слушать, подпоручик, – улыбнулось рязанское личико капитанши.

– Я запрещаю вам точить зубки на дочери моего соседа – отставного ротмистра гвардии!

Какой-то штабс-капитан Финляндского полка нашёл случай погеройствовать:

– Господин подпоручик! Извольте умерить ваш тон! Вы говорите с дамами!

– Увы. Будь то не дамы, кому-то давно пришлось бы ответить за свой язычок.

Музыка замолкла – на чистый чеканный голос подпоручика обернулись проходящие пары. Объявили мазурку.

– Не вынуждайте меня.., – прошипел штабс-капитан.

Я давно грезила взять перо и записать: так, как рассказывала моя бабушка про первый и последний скандал в доме княгини Нины Ланевской. Два офицера, пистолеты, задний двор...

И поединок не случился.

«Русые волосы с волной. И глаза голубые», – так вспоминала бабушка своего заступника. И больше ни слова о нём.

Она умерла, когда мне исполнилось четыре года. А эта история почиталась у нас за семейный анекдот: как бабушка утопила в колодце дуэльные пистолеты.

Да-да, неуклюжая, нескладная математичка – это и была моя бабушка, Екатерина Чубарова.

¹ Женский головной убор без полей, наподобие шапочки-кубанки.

Осенью 1886 года мои старенькие родители уехали в Крым лечить гипертоническую болезнь. В тридцать пять лет я была не замужем. Но мне уже позволялось жить одной в Петербургской квартире.

В ненастный октябрьский день я услышала звон дверного колокольчика. Горничная удивила меня:

– К вам господин из Италии.

Знакомых итальянцев у меня не было. Но гостя следовало принять, и я вышла в прихожую.

Высокий брюнет, на вид – лет сорока, держал чёрный шагреновый саквояж. На первый взгляд, его улыбочное лицо с серо-голубыми глазами и аккуратными усами вызывало симпатию.

– Имею ли я честь говорить с внучкой Екатерины Чубаровой? – спросил он меня по-русски.

– Да, моя бабушка в девичестве была Чубарова.

– Позвольте мне представить себя: князь Марко ди Мильяно. Я здесь по просьбе моего покойного дедушки. Я привёз это вам, – он подал мне саквояж. – История вашей бабушки.

– История моей бабушки? Из Италии?

Он едва не выронил шляпу с чёрной лентой, передавая её горничной.

Я пригласила синьора в мою небольшую гостиную. Мы сели в кресла возле чайного столика. Я присматривалась к цвету его волос: чёрных, словно осыпанных золотой пылью. Чёрный галстук, чёрный жилет, чёрный пиджак. Горничная подала чёрный кофе. Князь принял из моих рук чашку с гжельской росписью и улыбнулся:

– Russa фарфор! Дедушка рассказывал о ней.

– Откуда вы узнали обо мне? – спросила я. – Как меня нашли?

– Позвольте – я расскажу... Мой дедушка имел переписку с вашей бабушкой. Он дал мне три адреса...

Синьор вынул из кармана пиджака гладко сложенную бумажку. Я протянула руку.

– Позвольте мне оставить... *Nonno mio*... Это его последние буквы, – он поцеловал бумажку и вернул в карман на груди. – Простите. Дедушка растил меня... Я искал Екатерину Чубарову. Я не был никогда в России и не понимал, куда ехать. Здесь всё далеко: один адрес, другой адрес... Я сказал себе: поеду в *San Pietroburgo* – там мне помогут. Нашёл *Caterininschi canal*. Мне сказал дворник, что в этом доме никто не живёт долгое время. Назвал владельца – его фамилия оказалась как вашей бабушки от мужа.

– Владелец дома теперь – мой отец. А бабушка умерла давно, уж тридцать лет как.

Князь перекрестился слева направо. На мизинце его правой руки блеснул золотой перстень.

– Мой дедушка не получал от неё письма долгое время. Ваша бабушка не жива – он не знал. Через месяц ему исполнилось бы сто лет...

– Это дедушка научил вас так хорошо говорить по-русски?

– Да! Он жил в России восемь лет. Четыре года – в *San Pietroburgo*.

– И в Петербурге познакомился с бабушкой?

– О, я не знаю! – синьор качнул руками вправо-влево. – Возможно, да... Дедушка не сказал мне. Перед смертью он отдал мне этот саквояж и сказал: в нём история об удивительной русской женщине. Он взял с меня обещание отвезти саквояж в Россию и передать Екатерине Чубаровой. Но мне дворник сказал имя вашего отца. Я сделал запрос в адресное заведение, послал карту. Она вернулась мне с вашим адресом.

Чёрный саквояж на соседнем кресле-«ножницах» смотрел на меня латунными гвоздиками, вбитыми в кожу. Круглые замки ловили мой взгляд.

– Могу ли я открыть?..

– О, да! Да! Это всё – ваше!

Я отодвинула чашку, чтобы не пролить на бумаги. Расстегнула. Изнутри пахло тёплым домом. Не ветхостью, не сигарами. Скорее, сухими цветами. Померанцем... или магнолией.

Я вынула письмо.

Бабушкина печать на конверте. Её почерк: мелкие круглые буквы, высокая строчная «н», лёгкий нажим пера и ни одной кляксы. Она могла капнуть чернилами на платье. На бумагу – никогда.

Большие листы, как рукопись романа, писала не её рука.

– Это ведь не итальянский?

– Позвольте мне, – синьор Марко потянул бумаги у меня из рук. – Это наш старый язык.

– Но мне самой не перевести...

– Я помогу вам, – он тронул свою грудь и выставил на меня ладонь. – Это дедушка писал.

– О моей бабушке?

– Да. Да, о вашей бабушке.

– А это что? – под бумагами мои пальцы наткнулись на мягкую ткань. Я вытащила, вернула на коленях: полотенце, кропотливо вышитое шёлковой гладью. Белая нить с серебром...

– О, подарок вашей бабушки! – синьор Марко улыбнулся. – Красиво! Как *russo* зима. Она делала.

А я-то полагала, что бабушка разбиралась только в счетоводстве!

– Не могу поверить... Вы говорите о моей бабушке, будто знали её лучше, чем я. А я впервые вас вижу и совсем ничего не знаю о вашем дедушке.

– Хотите увидеть его? – он достал из внутреннего кармана маленький портрет (за полой пиджака сверкнула золотая цепочка часов). – Здесь молодой дедушка.

В юности я думала, что самый красивый мужчина на земле – граф Николай Адлерберг. Пока однажды не увидела вживую Великого Князя Михаила Николаевича.

Но это лицо... Сказать, что в моём вкусе светлые и широко посаженные глаза, – отныне я была бессильна. Это лицо доказало мне, что личный вкус – ничто против совершенства пропорций, приправленных таким глубинным обаянием, что... нельзя, (честное слово!) нельзя больше считать красавцем кого-то ещё!

На портрете стояла подпись художника. Русские буквы: «А. Вер».

Или, быть может, итальянские «А. Беп»?..

В голове не укладывалось, что с князем ди Мильяно из Италии мы говорили о моей бабушке. Мне казалось, что я знала другую бабушку. Я никогда не видела у неё писем из Италии. Она редко посвящала родных в личные дела, редко рассказывала о себе, о прошлом, о своей молодости. Отец говорил, что не умела рассказывать.

– Как долго вы намереваетесь оставаться в России? – поинтересовалась я.

– Я выполнил долг перед дедушкой, – синьор Марко положил руку на грудь, взглянул на меня и засмеялся. Должно быть, на моём лице он прочитал растерянность. Я не знала, что буду делать с итальянскими рукописями. Прочсть их я не могла и выбросить теперь не могла. Любопытство точило мне душу.

– Я обещал помочь вам перевести записки. В память о дедушке и Екатерине Чубаровой – я не могу покинуть Россию сейчас.

Мне хотелось остаться одной и подумать о бабушке. Синьор Марко остановился в гостинице. Я могла бы предоставить ему комнату в моей квартире, но побоялась впускать в дом малознакомого иностранца.

– Если вам интересно, я готова показать вам Петербург, – предложила я у порога.

Синьор Марко всплеснул руками:

– Буду рад познакомиться с городом, который знал мой дедушка!

К счастью, я перепорхнула тот возраст, когда появление на людях с обаятельным кавалером могло меня скомпрометировать. Напротив, это польстило бы моей репутации. Мы условились встретиться завтра у меня в квартире для перевода мемуаров.

Я осталась одна. По стеклу задробил осенний дождь. Когда я последний раз приезжала в имение, где жила бабушка? Трудно назвать год. Мне вспомнились её портреты тридцатых годов – самые ранние из имеющихся. Полуспущенные рукава-буфы, укороченный подол – на бабушкиной фигуре эти платья не смотрелись. Все смеялись и говорили, что у неё нескладная фигура. Потом появились кринолины, угловатые башмаки, и бабушка в них спотыкалась. Отец подшучивал: ходить, мол, не умела мать. А широкие юбки! От каркасов на конском волосе бабушка попросту избавлялась, а подол укорачивала. Но и обрезанные платья не носила. Безобразная мода пятидесятых – последних лет бабушкиной жизни... Не думаю, что ей понравились бы и мои любимые платья с турнюрами. Да и стойка-воротник душил бы её.

Зато как хороша она была в дымковом платье с высокой талией, струящемся, как греческий хитон! Как легко ступала её маленькая ножка в атласной балетной туфельке с лентами по паркету бальной залы! Как изящны были её руки в высоких лайковых перчатках! Это была её эпоха, её время. Её строгая красота расцвела в годы Наполеоновских войн – когда ни мой отец, ни матушка, ни я сама не могли знать её! В 1812 году ей было восемнадцать...

Глава I

Она стояла с княгиней Ниной Ланевской – в белом ампирном платье, вышитом белыми же цветами. На шее мерцала жемчужная подвеска, в ушах – капельки-серьги. Сложенный веер в руках. Простая античная причёска: пробор и узел на затылке с веточкой белой сирени. Тёмно-русые завитки надо лбом. И глаза – холодно-серые при чёрных ресницах, как Карельские озёра под пасмурным небом.

В зале звучали нежно-весёлые переливы мазурки. Глядя на мелькающие мундиры, фраки и тюлевые платья, Екатерина Чубарова беседовала с княгиней. Они обе не любили танцевать.

– Простите, ваше сиятельство, – подошёл синий ливрейный лакей в пудренном парике. – Барышня к вам молодая – Ильина, Вера Сергеевна. Просят впустить. Токмо без объявления, – он прикрылся ладонью. – Без батюшки они.

– Проводи в залу.

В дверях под алебастровым барельефом показалась девица с пшеничными локонами, убранными в узел, в белом платье с короткими драпированными рукавами. Огляделась. Заприметила хозяйку. И носки её кремовых туфель быстро-быстро замелькали под кистями шёлкового подола.

Она приблизилась к княгине, сделала книксен. Лёгкие завитки вспарили над её широким лбом и опустились на виски, как пуховые пёрышки.

– Здравствуй, Веринька! Отчего ты приехала одна? Здоровы ли родители?

– Благодарю вас, Нина Григорьевна! Матап приболела и не смогла сопроводить меня, – Вера отвечала тихо, а раскосые голубые глаза её бегали по лицам танцующих офицеров. – Катенька, могу ли я поговорить с тобою?

– Что ж, отдаю тебе нашу милую Катрин, – Нина улыбнулась. Величественный шаг – и газовый шлейф платья поволокся за хозяйкой к соседнему кружку неприглашённых дам.

– Катенька, – рука в длинной перчатке сжала её пальцы, – я ищу Александра. Он ведь здесь?

– Да, я видела его... между третьей и четвёртой колонной, – Екатерина оглянулась. Не из-за веера, не из-за плеча (к чему ужимки?). – Его уже нет. А что случилось?

– Стыдно говорить, Катя! – Вера наклонилась к её уху. – Ещё осенью Саша побранился с папá. Причина глупая: папенька не дал ему денег, чтобы выручить приятеля. В Рождество Саша не приехал к нам, на письма наши не отвечает. Матап изводится, не спит который день. Занемогла вот: голова кружится, как с постели встаёт. Потому я и приехала в Петербург одна с гувернанткой – поговорить с ним!

– Я не вижу его в зале. Должно быть, вышел. Но мы можем попросить Нину...

– Не надо, Катя! Я без родителей, слухи пойдут... Лучше, если я уеду. Прошу тебя, как увидишь его, передай, что я привезла ему деньги от матап. Я остановилась у Осининых.

– Я всё скажу ему.

Кавалеры подпрыгивали, хлопая лодыжками. Дамы смотрели на кавалеров. Вдоль стен гудели голоса по-французски. Вера спрянула лицо за веером, смяла у бедра атласную сумочку-кисет и прошла через залу за спинами гостей – в раскрытые двери под алебастровым барельефом.

Лакеи на больших балах – первые шпионы. Где их благородия? Вестимо где: на чёрную лестницу изволили выйти. Какие благородия? Трое их было. Соврал, простите: не трое – четверо! Господина прапорщика молодого с фамилиею немецкой прихватили. Запямятовал... Те ли господа, аль не те – по именам всех не упомнишь.

Екатерина прошла анфиладу комнат. Свернула в узкий коридор. Навстречу несли с кухни в большую обеденную горячие блюда под колпаками, платменажи с солонками, соусницами,

серебряными вилками и ножами, вазы с хлебцами, кёнигсбергскими марципанами, пирамиды тарелок.

– Вы видели здесь офицеров?

– Господа изволили на задний двор пройти, – ответил официант в расшитой галунами ливрее.

Что могли делать четыре офицера на заднем дворе? Неужели дуэль?

Екатерина протеснилась между очередью официантов и каменной стеной. По чёрной лестнице сбежала в холодную темноту. Здесь смердело помойной ямой и отхожим местом. Рука нащупала дверь.

Конюшни, каретный и сенной сарай, запах лошадиного навоза и поленница под навесом. Колодец с поилкой для лошадей. Золотое шитьё и пуговицы парадных офицерских мундиров блеснули на свету масляных фонарей. Александр стоял с приятелем, поручиком Масловым, в семи шагах от штабс-капитана Черевина. Узкоплечий прапорщик Финляндского полка Сеглер пытался воткнуть тесак в утрамбованную ногами и копытами леденелую землю. Дверь скрипнула – все четверо обернулись.

Между прутьями чугунной запертой калитки высунулись руки денщика с дуэльным ящиком.

– Пистолеты, ваше благородие!

Секундант Маслов не успел сделать шаг – Екатерина перехватила полированный ящик, и...

– Что вы делаете? – крикнул подпоручик Ильин.

На дне колодца булькнула вода.

Александр подбежал (Ох как грозно на него смотрели серые глаза!). Заглянул в чёрную глубину. Стукнул кулаком по деревянному срубу.

Слух о дуэли на балу гулял среди гостей. Толпа любопытствующих заполняла улицу через парадную и заднюю двери. Дамы в дымковых платьях жались на морозе под аркой, заглядывали через решётку калитки. Деликатно расталкивая гостей, княгиня Нина спешила к дуэлянтам по чёрной лестнице. Точно звезда загорелась среди грязного двора, фуражных сараев и втоптанной в снег соломы. Между штабс-капитаном и подпоручиком – словно греческая богиня, в лёгком белом платье. При луне мерцала сапфировая диадема. Никакой эмоции, никаких сантиментов и истерик:

– Господа, немедленно остановите поединок!

Князь Пётр Ланевский, полковник лейб-гвардии Семёновского полка, пятнадцатью годами старше жены, вышел последним и остановился позади толпы. Дуэлянты молчали, стреляясь презрительными взглядами.

– Господа, я настаиваю, чтобы вы сей же час примирились, – продолжала княгиня. – В противном случае, мне придётся закрыть для вас двери моего дома. Я жду!

Александр переглянулся с Масловым.

– Я знаю, что вы не станете извиняться перед подпоручиком, господин штабс-капитан. Извиниться должен я, ибо вы себя считаете оскорблённым. Я не признаю своей вины перед вами, но готов сделать вид, что причин для спора у нас с вами нет. Потому что об этом просит Нина Григорьевна.

Штабс-капитан посмотрел искоса:

– Так и быть. Ради спокойствия в доме Ланевских продолжать дуэль я не стану и настаивать на её возобновлении в будущем отказываюсь.

Ильин поклонился, щёлкнув каблуками, и первым ушёл в дом, игнорируя обращённые на него взгляды Екатерины, князя Петра Ланевского и гостей.

Быстрыми шагами он направлялся чередой комнат к бальной зале. Екатерина бежала вдогонку.

– Александр! Подождите!

Он обернулся:

– Что вы хотите мне сказать? Что?! Какого чёрта вы туда явились?

– Я искала вас!

– Зачем?! – подпоручик остановился перед нею. – Вы не понимаете, что наделали! Какой чёрт дёрнул вас утопить в колодце фамильные дуэльные пистолеты? Вы знаете, что мне будет за них от отца? Да он мне до смерти их не простит!

– Вам следовало бы кричать громче, Александр Сергеевич.

Невозмутимый голос, мирная улыбка, сонливый взгляд серых глаз – обезоружили его.

– Простите.

– Ваша сестра в Петербурге.

– Какая сестра?

– Вера! У вас одна сестра! Она приехала к вам сегодня из Москвы – одна.

– Вы шутите?

– Ваши родные обеспокоены, что вы давно не навещали их...

– И Вера обратилась к вам! А вам-то что за дело до меня, до моей семьи, Катрин? –

Александр отвернулся и пошагал в залу.

– Вера остановилась у Осининых, она привезла вам деньги, – сообщила Екатерина вдогонку. – Она просит вас приехать.

– Мне ничего от них не нужно! Я получаю жалование – и мне достаточно! Так и передайте Вере Сергеевне, если взялись служить ангелом-посланником!

Они не заметили, как повзрослели. А кто бы мог подумать, что было с ними пять лет тому назад?.. Всего-то пять лет назад – а они были проще, родители моложе. И кто это считает, что в деревне скучно? Ни княгиня Нина, ни её муж, ни оскорблённый штабс-капитан не знали и представить не могли, как там было весело! А особенно летом, когда в насыщенной зелени садов слышались птичьи голоса. И вместе с птичками щебетали дети в весёлых играх: господские дети, крестьянские дети. Горожане сменяли холодные мостовые на прогретый солнцем ковёр цветущей травы. И усадебные дома наполнялись гостями.

Чубаровы в ту пору жили в родовом имении в Тверской губернии. И всю зиму ждали мая – когда вокруг появлялось столько соседей, что едва хватало лета погостить у каждого и принять у себя в ответ. А особенно ждали, и особенно Екатерина, москвичей Ильиных. Ведь они везли с собой праздник.

Под Вознесение, к Троицкой неделе, по столбовой Тверской дороге въезжали в соседнее имение дормезы и подводы. Младшие Ильины визжали, толкались головами у окошка: наконец! наконец – воздух! Ну почему, почему родители не сажали их в тарантас, а непременно заставляли маяться от духоты в чернущем коробе дормеза?

А в деревне – прохладный, как погреб, дом. Лужок, соловьи, роща Чубаровская за полем, небо-синь – и свобода! Свобода от светских условностей Первопрестольной, от тесноты каменных домов и узости мощёных улиц.

В Духов день все ехали в уездный городок Бежецк, в главный храм – пятиглавый собор Воскресения Словущего. Накануне в субботу поминали усопших, а в День Святой Троицы причащались в местных храмах. Троица почиталась за праздник семейный – День Святого Духа начинал неделю гуляний. Радостные, в праздничных нарядах, налегке, без проведённого в посте вечера, с отпущенными с души грехами ехали господа на Литургию. Духов день, храм Воскресения Словущего – золотые балки над мраморными колоннами, древние образа, берёзки. Застеленный скошенной травой пол. Запах свежего сена, пионов и фимиама. Священники в зелёных облачениях и дружное пение с клироса: «Благословен еси, Христе Боже наш,

Иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче, слава Тебе».

А после службы под завораживающе-небесный звон с юго-востока, где на пересечении улиц одиноко стояла трёхъярусная колокольня, выходили все на улицу. Летний полдень разливался слепящим солнечным светом по площади. И праздник перемещался в деревню – в дом Ильиных. Садился в экипаж отставной ротмистр Лейб-Гусарского-Казачьего полка Иван Дмитриевич Чубаров с женой и дочерью. Украдкой поглядывала Екатерина на коляску Ильиных из-за кружевных полей капота. А за Ильиными и Чубаровыми встраивалась в вереницу тройка их бежецких друзей Бардиных.

Крестьянские девки со всех деревень сходились на гулянье в имении Ильиных. Собирались у ворот – глазеть, как въезжают экипажи. Девчонки дёргали друг дружку за сарафаны: «Катерина Иванна едет!» И среди разноцветных платочков пробежал шёпот:

– Гляди, гляди – она головку повернула, хороша-то как!

– Цветочик, а не барышня!

– А глазки-то у ней какие! А носик какой маленькой!

Чубаровские девчата задирали носы: «Наша барышня!»

– Глаз не оторвать! – ахали Ильинские.

И спускался со ступеньки коляски, наваливаясь на трость, ротмистр Чубаров: в Екатерининском красном кафтане, с орденами на груди, хромая после ранения в русско-шведской войне. За ним – жена в шапочке из соломки и голубой тафты, дочка в белом муслиновом платье, стянутом под грудью тесьмой. И когда Екатерина поднималась по лестнице на крыльцо, её провожали искренние детские глаза.

Дом Ильиных – одноэтажный, с жёлтыми деревянными стенами и широким фасадом, встречал накрытым столом. Хозяйка Евдокия Николаевна хлопотала, чтобы вкусно попотчевать гостей, раздавала указания горничным. За её взлетающим сахарным² платьем бегал карапуз Костя – младшенький. Звенели графины, пахло закусками: солёными грибами, говяжьим языком, икрой, заливной осетриной.

В дальней половине гостиной вели разговор гувернёры, приглядывая за подопечными. Чубаровы в тот день привезли старика француза месье Шапелле за гувернантку, она болела корью. Уж как он хвалился перед мадемуазель Рене, наставницей Веры Ильиной!

– Vous ne pouvez pas imaginer à quel point Mademoiselle Catherine est intelligente! Sciences naturelles, arithmétique... Tout est facile pour elle, ses capacités d'apprentissages sont juste incroyables! En revanche, nos cours de musique et de danse se passent avec difficulté.³

– Pour nous, c'est tout le contraire, – отвечала мадемуазель, – tout est à merveille avec la musique et la danse, mais pour d'autres matières Mademoiselle Vera est paresseuse. Apparemment, elle les trouve ennuyeuses. Franchement, c'est la première fois que j'entends qu'une fille aime tellement les mathématiques!⁴

– Пожалуйста, пожалуйста к столу! – генерал Сергей Степанович Ильин встречал Чубаровых у порога. – Усаживайтесь сюда, Александра Павловна! А вы, Екатерина Ивановна, рядышком!

Среди всеобщего весёлого воркования ротмистр Чубаров больше молчал, чем говорил. Сказывалась контузия в войну со шведами семнадцать лет тому назад. С тех пор как ушёл в отставку, бороду он брил – усы же казачьи, породистые, остались. Ходил он после войны по-медвежьи – зато орден Святого Георгия на груди всякого встречного призывал кланяться.

² оттенок белого цвета с лёгкой голубизной.

³ Вы представить не можете, насколько мадемуазель Катрин умна! Естествознание, арифметика... И так всё легко ей даётся, просто невероятные способности к учению! Только вот уроки музыки и танцев у нас проходят с трудом.

⁴ А у нас наоборот, и музыка, и танцы – всё великолепно. А в остальных науках мадемуазель Вера ленится. Видимо, считает их скучными. Признаться, я впервые слышу, чтобы девочка так любила математику!

А Сергей Степанович с хозяйкой суеились, рассаживали гостей. С крыльца слышалась брань слуги: любопытные детские рожицы заглядывали в окна, искали среди гостей барышню Чубарову.

– Месье Шапелье, мадемуазель Рене, пожалуйста и вы к столу, и вы, мадемуазель Дюпон, – обратился Сергей Степанович к французам. – Откушайте и вы с нами, милости просим, *régalez-vous*⁵!

– *Merci! Merci beaucoup!*⁶ – застенчиво улыбались гувернёры и скромно подходили к крайним стульям.

Уставленный угощениями стол загудел от разговоров, послышался звон рюмок. Гости подняли тост за щедрого хозяина, на днях получившего чин генерала.

– Ну вот, послужу ещё немного и в отставку! Пора и отдыхать! – Сергей Степанович глотнул из рюмочки наливку, красуясь генеральским нагрудным знаком и золотым эполетом на левом плече. – Вот и сын уж через три года прапорщиком будет!

Все взглянули на Сашу. Он сидел в детском конце стола – в кадетском тёмно-зелёном мундире, как у взрослого офицера. Щёки у него зарумянились...

Ещё прошлым летом голос у него ломался – а в тот год обрёл чистоту и командирскую силу. И ростом он вытянулся, и прямые плечи стали манить девчоночьи взгляды немальчишеской ширью. А Екатерина из угловатого худого «синеденя», как прозвала её родная мать, превращалась в нежную «розочку» – так и нарекут её крепостные подружки. И опускала ресницы, боясь встречаться с его весёлыми голубыми глазами. А он поправлял рукой волну русых волос, приближаясь к ней, и тайком ловил взглядом волнительное трепыхание сборки платья на припухшей груди: французская мода того года кричала о таких глубоких декольте, что лифы едва прикрывали сосцы.

После обеда просили спеть Веру Сергеевну – похвастаться музыкальными способностями. И девочка, годом младше Кати, с голубой лентой в пшеничной косе, исполняла под фортепьяно песню про ивушку. А за окном крестьянские девчата собирались на лужке для игры и хором подхватывали знакомые мотивы:

Ехали боя-яре из Новагоро-ода-а-а,
Сру-убили ивушку по-од самый корешок...

Хранили здешние места игры далёкой, дохристианской старины. Как раньше девицы с молодницами на два полка делились, встали крестьянки в два ряда друг против друга, взялись за руки. А среди них – и три белолицые барышни: Вера Ильина, Ольга Бардина и Екатерина Чубарова.

– А мы просо сеяли, сеяли;
Ай-дым, ладо, сеяли, сеяли! –
– А мы просо вытопчем, вытопчем;
Ай-дым, ладо, вытопчем, вытопчем!

– Девицы, красавицы! Я с вами!

Три белых капота и разноцветные платочки обернулись на юношеский голос: Александр бежал к ним от крыльца. Подставляя ветру и солнцу непокрытую голову, без высокой шапки с козырьком. Деревня! Долой черноту! Долой подбородочный ремень!

⁵ угощайтесь.

⁶ Премного благодарим!

– Вставайте в первый полк, барин! У нас молодец будет! – крикнула бойкая девчонка Ильиных.

– Где у вас первый полк?

Его кадетская стать волновала – смущённые девичьи лица зарумянились.

– К нам иди! – позвала Вера.

Александр вклинился между сестрой и веснушчатой крестьянкой.

– А чем же вам вытоптать, вытоптать?

Ай-дым, ладо, вытоптать, вытоптать?

– А мы коней выпустим, выпустим;

Ай-дым, ладо, выпустим, выпустим!

– А мы коней переймём, переймём;

Ай-дым, ладо, переймём, переймём!

Екатерина с Ольгой стояли во втором полку. Александр подмигнул, выступая им навстречу. Екатерина спутала слова игры. Лучше бы он не приходил!

– А чем же вам перенять, перенять?

Ай-дым, ладо, перенять, перенять!

– А шелковым поводом, поводом;

Ай-дым, ладо, поводом, поводом!

– А мы коней выкупим, выкупим;

Ай-дым, ладо, выкупим, выкупим!

– А чем же вам выкупить, выкупить?

Ай-дым, ладо, выкупить, выкупить!

– А мы дадим сто рублей, сто рублей;

Ай-дым, ладо, сто рублей, сто рублей!

– А нам не надо тысячи, тысячи;

Ай-дым, ладо, тысячи, тысячи!

– А что же вам надобно, надобно?

Ай-дым, ладо, надобно, надобно!

– Надобно нам девицу, девицу;

Ай-дым, ладо, девицу, девицу!

Вера подтолкнула локтем брата и отпустила его руку. Вперёд, молодец, забирай девицу из второго полка! Александр выступил, глядя на Екатерину. Попробовал на ощупь её хрупкие пальчики. Сжал узкую ладонь – и повёл за собою.

– В нашем полку убыло, убыло;

Ай-дым, ладо, убыло, убыло! –

– В нашем полку прибыло, прибыло;

Ай-дым, ладо, прибыло, прибыло!

– Mademoiselle Catherine! Il est temps de revenir à la maison!⁷ – крикнул с крыльца старик месье Шапелье.

Она не успела повернуться – Александр дёрнул её за руку и вырвал из «полка».

Скрывшись в липовой зелени парка, дети неслись по главной аллее под его озорной смех.

⁷ Мадемуазель Катрин, пора собираться домой!

– Я не поспеваю! – выдохнула, запыхавшись, Екатерина.

Крепкая юношеская рука не отпускала её. Они мчались по узким тропинкам, петляя между прудами. В прудах наперебой квакали лягушки. Нигде не бывало столько лягушек, сколько на Бежецкой земле. Комары пулями летели в лицо. Екатерина зажмурилась. Нога её запнулась о вспученный на тропинке корень – и...

Александр остановился, подтянул её сильными руками.

– Вы ушиблись?

– Нет...

Она постыдилась признаться, что ободрала колено и живот. Под тесёмчатым пояском белое платье украшала мазня цвета мердоа⁸.

В кармане мундира оказался батистовый платок – учёный кадет принялся втирать в ткань травяную кашу. Екатерина закусывала губу, чтобы не разъезжались уголки рта. Но смех предательски рвался из прищуренных глаз. Хорошо, Александр с высоты своего роста не видел: в то время барышни носили взбитые кудрявые чёлки на весь лоб.

Он перестал тереть. Заглянул ей в лицо.

Хихикнул.

Вместо тихого ангела⁹ где-то басом прожужжал шмель – перелетел с цветка на цветок.

– Вы прелесть, Катрин... Вами, как картиной, только любоваться.

Сейчас убежит прочь. Смутится... А нет! Глаза, как стальные, застыли на нём, только улыбаться перестали.

– Зачем вы привели меня сюда?

– Хотел подшутить над этим стариком Шапелье! Долго же он будет вас искать!

– Какой вы злой!

– Я – злой? – Александр выпрямился, вреденькая ухмылочка пропала с его лица. – Ну так, пойдёмте! Я отведу вас в дом!

Пришлось опереться на его руку.

Колено саднило на ступенях крыльца. Да что колено? Его не видно. Стиснуть зубы – и никто бы не догадался... Платье!..

Александра Павловна ахнула.

А старик француз уже успел рассказать о дерзком побеге детей в парк. Принял строгий и оскорблённый вид:

– Мадемуазель Катрин! Ви забиваться, что ви баришня! А ви вести себя, как мальчик! Как... как это у вас называться... Сорвать голова!

– Простите.

– В гостях не место выказывать дурное поведение и воспитание! – подхватила Александра Павловна. – Где ты умудрилась перевалиться? За платье будешь наказана! И я не посмотрю, что нынче праздник!

Ротмистр Чубаров молчал, развалился в кресле с тросточкой на коленях. Папенька-папенька – что думал он?..

– Господа! – вмешался Александр, отчеканивая слова, как взрослый офицер. – Сия неловкость произошла по моей вине!

– А тебя уже давно пороть надо! – сказал Сергей Степанович. – Я тебе нынче внятно объясню, как следует вести себя с гостями!

⁸ Цвет гусяного помёта.

⁹ Крылатое выражение из поэмы «Две были и еще одна» В.А. Жуковского, написанной в 1831 году: «Все молчали: как будто ангел тихий провеял».

У Александра дрогнули скулы и порозовели щёки. Это все присутствующие сейчас представляли, как отец спустит ему штаны – да розгами!.. Детский стыд в голубых глазах сменился юношеской злобой.

– А вам, месье, следовало бы знать, что отчитывать взрослого кадета, да, тем паче, в присутствии барышень, недопустимо! А ещё генерал! – он выпрямился во фрунт, наклонил голову и прошагал в другую комнату, хлопнув дверью.

Робко улыбалась Оля Бардина, поглядывала карими глазами на серьёзную Екатерину. Вера ломала пальчики: уместно ли брата жалеть?

– Ты мне дерзить удумал! – рявкнул Сергей Степанович.

– Повзрослел сынок ваш, – заметил Олин дедушка. – Какой характер!

Характер дерзкий, приправленный мальчишеским озорством!.. А походка! Твёрдая, военная. И небо в глазах, и блики румянца на яблочках скул... В руках столько силы – с ним и падать не страшно!

Маменька накажет за пятно на платье – да и Бог с ним, с платьем! «Зачем, зачем я сказала ему, что он злой!» – ругала себя Екатерина.

Она не знала, что, гуляя в лесной тиши помещичьих земель, Александр прибежал к большому пруду и прятался за стволом ивы или берёзы. Ждал, когда она выйдет. И он видел её в окружении крестьянских подружек. Ещё издали звенел девчачий смех загорелых крестьянок. Они мчались между ровными стволами ив и берёз, через заросли камыша, задирали подола – и с разбегу разбивали вдребезги мирный чистый пруд. Они порхали, как бабочки с золотыми крылышками – те самые, каких нигде больше нет, кроме как на Бежецкой стороне. А Екатерина шла последняя – с растрёпанной косой, босая, всегда в светлом платье, подхваченном лентой или шарфиком под грудью. Больше всего на свете она любила ходить босиком. Она спускалась к воде – и в зеркале пруда отражались строгие черты её лица. Понимала ли она, насколько она прекрасна? Брызги разлетались под звонкий радостный смех. И она также приподнимала платье – показывала тощие икры, и бегала по воде в догонялки. Она не берегла для моды марморной белизны кожи. Знойные лучи оставляли смоляной загар на её руках, шее и лице.

Зимой Чубаровы возили дочку в Петербург на детские вечера – готовили к выезду в свет. Через три года её ножка в атласной туфельке ступила на блестящий паркет бальной залы. И исчез с её лица смуглый след деревенского солнца. И Петербургская аристократия увидела взрослую Екатерину Чубарову: прямую и упрямую, безгрешную в законах чести.

Бриллиантовой яркостью холодных звёзд вспыхивали зимние балы в доме княгини Нины Ланевской. Искрились люстры, кристаллы камней на шеях дам – как дроблёный лёд на Неве. Подпоручик Ильин и его полковые приятели стояли у стены под колоннами: оценивали девиц. Красавцы, щёгольски опрятные, молодые офицеры гвардии знали, что они лучшие – и они выбирали.

– Чубарова весьма хороша, когда не танцует, – заметил приятель над ухом Александра. – Ты слышал один добрый анекдот? Отчего мадемуазель Чубарова не любит танцевать и не имеет страсти к музыке? Оттого что вместо нот ей видятся цифры!

Короткие смешки. Улыбка свысока. И, как тающие льдинки, ускользнули от Екатерины глаза Александра.

Глава II

Петербург провожал зиму 1812 года. Вдоль Дворцовой и Адмиралтейской набережных слышался визг, хохот и скрежет по льду шкур, рогож, выдолбленных корыт. У здания Главного Адмиралтейства возвышалась ледяная царь-гора. Повсюду шумел народ, играли рожки, бала-лайки, звенели бубны.

На углу Сенатской площади и Адмиралтейской набережной остановилась карета с фамильным гербом. Князь Пётр Ланевский вышел прогуляться с женой. В бобровой шинели, в двухугольной чёрной шляпе с султаном из петушиных перьев – типичный чистокровный аристократ заурядной русской внешности: брови светло-каштановые, мягкие; гранитно-зелёные глаза, нос с выпуклыми хрящами на раздвоённом кончике. История чести предков впечаталась в его прямую осанку и выражение лица, отполированное знанием пяти иностранных языков, точных и естественных наук, и этикета.

Княгиня Нина держала мужа под руку – в лиловом рединготе на меху и бархатной шляпке с перьями. Поглядывала в сторону Невы: на льду местные купцы выстроили деревянные катальные горы, украшенные башенками с флажками, еловыми ветками и снежными бабами. Оттуда с визгом съезжали дети друг за другом. А внизу копилась куча мала, из неё выползали мальчишки без шапок, вспотевшие, хохоча друг над другом и толкаясь. Молодой мещанин, сидя на куске шкуры, звал на колени размалёванную свёклой девку. Та горделиво мотала головой. А улыбалась как: ведь хочется же! Нахальные руки обхватили её за талию. «И-и!.. Ах!» – девка вцепилась в его зипун, и они съехали по накатанному льду.

Теперь поцелуй, красавица! Да сзади навалился мужик на шкуру...

Со стороны Дворцовой площади приближался малиновый звон бубенчиков. Оттуда рысью неслась тройка. «По-о-осторонись!» – зычно кричал кучер. Народ в санях, сидя друг на друге, свистел и распевал песни.

На Дворцовой площади размещались балаганы и устраивались представления. Вороньим голосом кричал Петрушка, горбатый и длинноносый, в алой рубахе, – а народ громко хохотал.

Ланевские прошли через толпу к деревянным подмосткам. Там под неистовую игру балалаечника на кривых лапах, переваливаясь, плясал наряженный медведь. Женщины расступились перед Ниной: серьги бриллиантовые – знать, княгиня. А косолапый-то – окончил плясать, стянул с балалаечника шапку и побежал с нею по кругу. Народ смеялся, бросал ему монетки. С голубиным ворчанием подошёл медведь и к Нине. Глазки маленькие – а будто человеческие! Заулыбалась княгиня. Князь достал семишник. Получи, Топтыгин!

– Блины! Горячие блины! С вареньем! С творожком! С икоркой!

– Пропустите барыню! – закричали мужики, расталкивая народ перед княгиней Ниной.

– Сейчас, матушка, княгинюшка, я вам самые лучшие выберу! – приговаривала женщина с блинами.

Белая рука в кольцах приняла горячий масляный блин. С кружевной каёмкой! Хрустящая поджаристая филигрань так и таяла на языке!

– Вот и вам, барин, кушайте на здоровьице! – женщина протянула сложенный вчетверо блин князю Петру Васильевичу.

– Ваше сиятельство, сбитень попробуйте! Запить надо блинчики! – из-за огромного самовара выглядывала круглолицая чухонка в красном гороховом платке.

– Ну, давай твой сбитень!

Ароматная медовая струйка побежала в деревянную кружку.

– Примите, ваше сиятельство, на здоровье!

Мальчик лет десяти выхватил кружку и передал с поклоном княгине. Вторую – князю.

– Хорош сбитень! – похвалил Пётр Васильевич. Чухонка заулыбалась, кланялась.

В центре площади под свист толпы пальцы весёлого мужичка надрывали струны балалайки – ух, притопни нога... Плечистый кривоногий пьянчужка с бородкой наплясывал – точь-в-точь как только что делал медведь. Схватил он шапку – шваркнул оземь, сорвал с себя зипун, засучил рукава рубахи:

– Ну, кто со мной сразится?!

Вблизи оказался кадет – худого сложения, с женским лицом.

– Эй! Барин!..

Народ оглядывался. Князь Пётр Васильевич поставил кружку и потянул Нину за руку.

– Чего, барин, испужался?! – взревел мужик.

Балалаечник перевёл мелодию на частушки. Народ зашумел: пойдёт или не пойдёт молодчик драться.

Что думаешь – чай, не трус! И под свист и частушки на вытоптанный снег полетели шинель и мундир.

– Ну-ну, давай, барин! Рубашечку не замарай! – задирался кривоногий, сжимая кулаки.

Один удар – и кадета поймала цепь толпы. На его женском синеглазом лице появилась задорная улыбка.

Захотели меня вдарить,

А я не думал убежать.

Не такой вменя характер,

Чтоб поганных уважать.

Второй удар – и огромный кулак сбил зелёную фуражку с кудрявой головы. Княгиня Нина ахнула.

«По-о-осторони-и-и-ись!» – снова послышалось где-то, и мимо промчалась тройка с бубенчиками.

– Барин, покажи этому забияке! – кричали из толпы.

– Дай ему по сопатке!

Кадет размял худые руки – и от его костлявого кулака лязгнула небритая челюсть.

– Ого! – ухнул кто-то из зевак. Княгиня Нина прикрыла рукой глаза.

– Пётр, уйдём отсюда!

– Подожди, Нинетт! – отмахнулся князь.

Да силы-то неравные!

– Ой убьёт барина! Покалечит! – закудахтали голоса.

– Поможем! А н-ну!..

Навалилась толпа на мужика.

– Вот лиходеи-то! Чё делают! Всею оравую на одного! Давайте, робяты! За брата нашего...

Пошла «стенка на стенку». Кулачный бой превратился в «сцеплялку-свалку», и князь Пётр Васильевич увёл жену оттуда – дабы не попасть ненароком под горячую руку. Крики и удары слышались до тех пор, пока полицейские не прогнали всех с площади драться на Неву.

«Ой, блины, блины, блины – ой, блиночки мои!» – повизгивали девичьи голоса.

Князь под руку с женой направился через площадь к Зимнему дворцу. У здания манежа какой-то европейский инструмент перебивал русские дудки, трещотки и балалайки средневековыми нотами. Ланевские подобрались ближе – за спинами зрителей блеснула позолота белых масок. Комедиант высокого роста в чёрной треуголке с белой меховой опушкой играл на маленьком инструменте, похожем на лютню. Из-под шляпы чернели гладкие волосы длиной до половины шеи.

Чёрный приталенный кафтан с медными пуговицами, чёрные кюлоты...

Белые отложные воротники, белые манжеты с кружевом, белая маска до подбородка. Ему подыгрывали два мальчика в русских тулупчиках: один на ложках, другой на липовой свистульке.

Под музыку римской сальтареллы юноша среднего роста и девушка подпрыгивали то на левой, то на правой ноге, то держась за руки, то расходясь друг от друга, то кружась. Синий костюм кавалера, обшитый позолотой, напоминал моду шекспировского века: гофрированный воротник, большой берет с цветами, дутые рукава. Не хватало башмаков с длинными носами – но высокие сапоги защищали ноги юноши от холода русской зимы. Длинные волосы девушки – не светлые, в точности как червонное золото: тёмно-жёлтые, с искрящимся блеском, – развевались на Невском ветру. Готическое платье из красной парчи раздувалось колоколом.

– Вот это мне нравится, не то что кулачные бои, – шепнула княгиня Нина мужу.

– Впервые вижу такое представление на Масленицу.

Музыка замолкла. Танцующие маски театрально поклонились друг другу – и мальчики из толпы накинули им на плечи меховые накидки.

Музыкант в треуголке повернулся к помощникам с ложками и свистулькой, бросил им в ладошки по целковому. Они поклонились, целуя белый манжет.

– Что же вы, любезный, на русской Масленице гуляете, а наряжены, как иностранцы какие? – поинтересовался князь Пётр Васильевич.

– Да, мы иностранцы, – ответил музыкант с пришепётывающим «с». – Мы уже близимся к Pasca. Но мы не можем посещать carnelevare на нашей родине и воспользовались вашим праздником. Простите, ежели наша забава вас оскорбляет.

«М» и «н» он произносил в нос и растягивал.

– Откуда вы? – спросила княгиня Нина.

– Из Неаполя.

– Подданные короля Мюрата? – заметил князь.

– Мы не знаем такого короля, – иностранец смахнул снежинку с чёрного плеча и опустил глаза на инструмент. Уголки рта его углубились в тёмные ямки, а верхняя губа напоминала мягкий силуэт двугорбой горы на закате.

Дама и кавалер у него за спиной тихо переговаривались.

– Воля ваша, вы несколько не оскорбляете нас, – сказал князь Пётр Васильевич. – Ради Бога веселитесь, сколько вашей душе угодно!

Комедианты ответили доброжелательными улыбками.

– Как называется инструмент, на котором вы играли? – любопытствовала княгиня.

– M-mandulino! – южно улыбнулся музыкант.

– Могу ли я вас просить? – Нина приподняла закруглённый подбородок. – После Великого поста я хотела бы пригласить вас и вашу труппу в мой салон выступить для гостей. Где можно найти вас?

Молодой танцор в берете с цветами переглянулся с дамой. Откровенные улыбки сверкнули у них под масками.

– О, сеньора, наши костюмы далеки от совершенства! – развеселился неаполитанец с мандолиной. – Мы явились сюда в чём... в чём... Хм...

– В чём Бог послал, – подсказал юноша в берете тихо-певучим баритоном.

Девушка смеялась.

– Да! В чём – Бог – послал, – иностранец указал в небо. – Но ежели вас, сеньора, сие не смущает, мы с честью примем ваше приглашение! Я дам вам мою визитную карту.

Он вынул карточку из кармана чёрного кафтана и протянул княгине. Нина опустила глаза прочесть... и побледнела.

– Раффаеле Строщи Сан-Ренато, герцог ди Кастеланьоло, – проговорила она едва слышно. И вскинула голову. – Я прошу вас простить меня, я приняла вас за уличных артистов.

- Я отказываюсь признавать вашу вину, ибо вы говорили с маской Скарамучча!
- Но всё же...
- С кем вы желаете говорить?
- С герцогом ди Кастеланьо.
- Тогда я сниму маску.

Он развязал узел на затылке под шляпой и открыл красивое неаполитанское лицо с изящно очерченными высокими скулами, с правильным разрезом глубоких чёрно-карих глаз, прямыми чёрными бровями и яркими ресницами. Если бы не маска – кто бы усомнился в благородстве его крови?

– Герцог, мы ещё раз просим у вас прощения за нелепую ошибку, – произнёс князь. – Позвольте отрекомендоваться: гвардии полковник князь Пётр Васильевич Ланевский. Моя супруга – княгиня Нина Григорьевна Ланевская.

Герцог поклонился.

– М-маркиз Джулиано Сан-Чезаре, – показал он на юношу в берете, – мой брат... хммм... мой брат – от духовного родства.

Молодой маркиз снял берет и открыл кудрявую светло-каштановую голову с чёлкой. Девушку герцог не представил. Она пряталась за его плечом.

– А давно ли вы в России? – спросил князь Пётр Васильевич.

– Мы приехали в Россию в конце шестого года, но жили в Вильно, – ответил Джулиано, снимая маску. Его лицо с античным профилем походило на творения скульпторов Древнего Рима. Прямой нос с высокой переносицей говорил о родстве с эллинами, а тёмные, зелено-ватосиние глаза мечтателя цветом и глубиной напоминали воды Неаполитанского залива.

– В Сан-Пьетробурге мы живём с прошлого года, – уточнил герцог. – Купили дом.

– Я вижу, вы живёте в бывшей Немецкой слободе, – княгиня Нина взглянула на карточку.

– Господа, – произнёс князь Пётр Васильевич. – Мы должны загладить вину перед вами. Нейдёт у меня из головы этот конфуз. Мы с княгиней имели бы удовольствие видеть вас в нашем доме. Разумеется, как дорогих гостей. Не изволите ли отужинать у нас сегодня?

– Мы приедем с радостью, – ответил герцог ди Кастеланьо за себя и «брата».

В гостиной Чубаровых белые алебастровые колонны с ионическими капителями¹⁰ упирались в потолок четырьмя завитками. Екатерина вышивала в кресле между изразцовой печью и клавикордом. Она могла так провести весь день, с её ангельским терпением и усидчивостью. Голубые обои и синие портьеры бледнили её лицо.

За окном погода не раз менялась за утро. То с Финского залива на Петербург тянуло метелью и ветром, то облака рассеивались, и слепящее солнце топило скачущие по стеклу крупинки снега.

Звон тишины в гостиной нарушался только маятником напольных часов и редким шелестом «Санкт-Петербургских ведомостей» в руках ротмистра Чубарова.

Возле тёплой печи Екатерина оставалась в полупрозрачном светло-сером платье. Александра Павловна же, в белом чепце на седеющих волосах, куталась в шаль и пыталась разобраться в хозяйственных бумагах, склонив голову над письменным столом из жёлтого тополя.

– Что пишут «Ведомости»? – поинтересовалась она у супруга.

– Всё то же.

– Что нового?

– Ничего.

¹⁰ Верхняя, венчающая часть колонны.

Александра Павловна черкнула пером в бумагах, скинула маленькие круглые очки и обернулась на стуле к неразговорчивым домочадцам.

– Что-то я совсем запуталась в расчётах, ничего у меня не сходится!

Екатерина подняла голову.

– Что не сходится, маменька?

– Ну вот здесь! – Александра Павловна ударила косточками пальцев по столу. – Не пойму никак! Приказчик наш дал бумагу с маршрутом до Москвы. Здесь написаны вёрсты, а здесь – прогоны...

Екатерина отложила рукоделие, лениво подошла к матери и склонилась над её плечом.

– Ну вот, смотри, Катя, что тут написано: сто пятьдесят шесть вёрст, за одну лошадь я должна отдать приказчику ровно три рубля девяносто восемь копеек и три полушки. Это дорога от Москвы до Твери...

– А зачем вам дорога от Москвы до Твери? Приказчик же ехал от Петербурга до Бежецка.

– Так вот я и запуталась. Как мне рассчитать, сколько я ему денег должна давать туда и обратно?

Екатерина взяла перо и прищурилась.

– Это же просто, маменька. Надобно сперва рассчитать, сколько прогонных заплатить за версту, если будет одна лошадь: для этого поделить... Ну, вот, например, двенадцать вёрст стоят ровно тридцать копеек, делим тридцать на двенадцать...

Она быстро сосчитала в уме, не записывая ни одной цифры.

– Проверим... За четырнадцать вёрст – ровно тридцать пять копеек, делим тридцать пять на четырнадцать, получаем... Получаем то же самое число: два с половиной. Теперь посчитайте, сколько вёрст до Бежецка, и прибавьте от Бежецка до нашей деревни, умножьте на два с половиной – это и будет полная стоимость дороги на одну лошадь...

– Как же ты сама едешь? – Иван Дмитриевич подоткнул кулаком подушку под поясницу и вздохнул – так тяжело, будто передвинул камень.

– А я плачу столько, сколько мне скажут на станции, и не задумываюсь!

– И к тому же, умеете торговаться, так что с вас берут меньше, чем полагается, – заметила Екатерина.

– А ты как высчитываешь, что меньше? – удивилась Александра Павловна.

– Я всегда считаю и запоминаю, – дочь глядела смеющимися серыми глазами. – А вы, маменька, у нас большой эконо́м, но считать не любите. Дайте-ка мне эти бумаги, я сама ими займусь.

– Постой, Катя, здесь не только это...

– Будьте покойны, маменька, я разберусь.

Аккуратная стопочка перенеслась на клави́корд – к печи и тёплому креслу.

Вошёл старый лакей, бывший денщик ротмистра Чубарова:

– Барышня приехала. Вера Сергеевна Ильина.

Екатерина бросила бумаги и метнулась в коридор. По пути успела поскользнуться на жёлтом паркете и зацепиться за дверь лёгким платьем.

Вера ждала в вестибюле: в рединготe с вышивкой-незабудками, в плюшевой шляпке цвета голубиной шейки с пером над короткими загнутыми полями. Скуластое лицо её словно высохло: румянец пропал, подбородок ещё больше заострился.

– Веринька, я думала, ты уже вернулась в Москву, – Екатерина сбежала к ней по белой лестнице с деревянными перилами.

– Нет, Катя. Как я могу вернуться домой, когда мне нечем утешить тата́н? – она хлопала мокрыми ресницами. – У меня никого здесь нет, кроме вашего семейства. Осининым тата́н запретила рассказывать о Сашиной ссоре с папа́.

– Ты говорила с Александром?

– Я не видела его.

– Александр сказал мне, что не примет деньги, – Екатерина пожала её холодные руки в перчатках. – Он зол на ваших родителей.

– А на маменьку за что? А на меня?

– Я думаю, он не придет к Осининым для встречи с тобой... Почему ты сама до сих пор к нему не съездила?

– Я боюсь ехать к нему одна. Вдруг у него офицеры!

– Я поеду с тобой сейчас к нему.

– Поедешь? Правда?

– Жди. Я оденусь.

Вера поглядывала на балюстраду второго этажа и всё ещё утирала перчаткой липкие от слёз щёки.

– Я уезжаю с Верой, – слышалось в верхних покоях.

– Куда же вы? Одни? – ответил голос Александры Павловны из левой половины, где находилась гостиная. – Что за дела?

– Не тревожьтесь, тамап, я только проводить! И тотчас вернусь! – Екатерина уже спускалась по лестнице и застёгивала на ходу меховой серо-голубой редингот. Ленты шляпки болтались незавязанные у неё под подбородком. Она пересчитала в маленькой сумочке-кисете монетки на извозчика – и утянула Веру за дверь.

Чубаровы жили на набережной Екатерининского канала. Когда девицы вышли на улицу, мартовский снег мерцал в лучах полярно-белого солнца. Чёрная вода канала сочилась сквозь крепкий лёд.

Минуя Чернышёв переулочек, извозчик доставил барышень на набережную Фонтанки. Они вышли из пролётки перед старым жёлтым домом с барельефами, где Александр снимал квартиру.

– Только бы он оказался дома, а не уехал гулять на Дворцовую площадь, – Екатерина сжала Верины пальцы. Чья рука дрожала сильнее? Они посмотрели на страшные окна – и направились вместе к главному входу.

Слуга (не дядька – тот уже три года как был отправлен восвояси в Москву, лишь бы господину подпоручику не плясать под отцовскую дудку) – приставленный от полка денщик впустил их в просторную переднюю с четырьмя закрытыми белыми дверями. Лавки по обе стороны от входа оказались завалены шинелями, на паркете блестели мокрые следы сапог. Пустыми полками тускнел берёзовый буфет. Последний жёлтый стул коротал одиночество между колоннами. Денщик отворил белые двери напротив сенных, и оттуда пахло жаркой удушливой смесью вина, курения и закусок из солений и лука. Оттуда слышались громкие мужские голоса, смех и звон хрусталя.

В дверях показался Александр – румяный, с расстёгнутым лацканом тёмно-зелёного Семёновского мундира.

– Чему обязан? – весело спросил он, опираясь локтем о косяк двери. Моргнул. – Да-а вы преследуете меня, Катрин!

Вера смотрела на него, как напуганный котёнок:

– Саша, я не дождалась тебя и приехала сама. Катенька сопровождает меня...

Он приподнял брови. Заглянул сестре в глаза. Глаза – единственное, чем походили они друг на друга: голубого цвета, чуть раскосые. Только у Александра поднятые уголки их выравнивала прямизна пшеничных бровей.

– Барин, селёдку подавать прикажете? – влез денщик ему под руку, держа на подносе накрытую салфеткой тарелку.

– Графин ещё один неси, болван! – отпихнулся Ильин заплетающимся языком. – Мы тут именины празднуем...

– Мои именины! – из-за его плеча показалась русая голова молодого офицера в романтически-беспорядочных кудрях, как на портретах Джорджа Доу в будущей Военной галерее. – О! К нам барышни пожаловали! Какие милые барышни, сами приехали! Отчего ты, Ильин, держишь красавиц на пороге, не приглашаешь к нам? Будет весело...

– Нам лучше уехать, – Екатерина взяла Веру под локоть. – Твой брат не скажет тебе ничего приятного.

– Брат? О! Ильин, я хочу жениться на твоей сестре! – красное лицо офицера расплылось в улыбке. – Отдай её за меня! А... которая из них – твоя сестра?

Александр втолкнул приятеля в столовую, захлопнул дверь и придавил спиной.

– Вы правы, Катрин. Я не скажу вам ничего приятного. Я нынче занят. Тратить время на пустые беседы с барышнями не имею желания. А ты, Вера, уезжай домой – в Петербурге тебе делать нечего. Я всё одно разговаривать с тобой не буду.

– За что вы обиделись, Александр Сергеевич? – выступила на него Екатерина. – Вы брались с вашим отцом, а не с Верой.

Он ударил кулаком в дверной косяк:

– Я сам решу, с кем говорить! Вы надоели! Мне никто не нужен! Я так хочу! Я... я не хочу видеть никого из домашних! Не напоминайте мне об отце!

Вера отвернулась и закусила тонкую губу. Губами бы ей с братом поменяться... Зачем ему такие... красивые? На щеке потеплело: слеза! Теперь точно слушать не станет! Уж сестра-то знала, как ненавидел Александр девичью манеру плакать от обиды.

Екатерина стояла перед ним и смотрела в его хмельные глаза. Ильин сдерживал дыхание, чтобы не осквернять её запахом вина.

– Вы не правы, Александр. Вы же знаете: не сегодня-завтра Наполеон объявит России войну. А вы за врагов считаете тех, кто любит вас. Кто же будет вашим врагом на войне? Подумайте: не наступят ли времена, когда вы станете искать любовь ближнего и не найдёте её? Ведь вы станете жалеть...

– Какая война? Какие враги? Я прошу вас уйти. О чём жалеть?.. Я без вас знаю, что хочу... что я не хочу... Враги, Наполеон, отец... Бессмыслица какая-то... Я не имею чести вас понимать.

– Вы поймёте. Ваша самонадеянность однажды рухнет. Тогда вы пропадёте без любви. Как я говорю, так и будет! Ваша маменька, сестра... любят вас – оттого они не хотят, чтобы вы губили себя! И я – не хочу... Пойдём, Вера!

Ноги понесли её на улицу вперёд Веры.

Александр постоял с минуту, скрестив руки на груди и наваливаясь спиной на закрытую дверь. И вернулся в столовую.

А что могла знать Екатерина? Что могла знать она – в восемнадцать лет? Свободная от заблуждений совести, она всего лишь с математической точностью отбрасывала ошибочные следствия, которые иные люди считали верными.

Глава III

Прощёное воскресенье в 1812 году выпало на третье марта. С началом Великого поста балы в Петербурге прекратились. По вечерам в окнах на Английской набережной перестали мелькать при свете люстр силуэты гостей. Сезон столичных развлечений заснул до весны.

В понедельник после обеда Екатерина застала Нину одну в гостиной на гобеленовом диване.

– Катрин, иди сюда, *ma chère*! Выпьем с тобою чаю!

Домоседство не воспрещало княгине блистать вкусом: белое платье, бронзовый орнамент на подоле и коротких рукавах, золотые серьги с лунным камнем, причёска «à la Жозефина».

На время поста кофейные столики и стулья в гостиной Ланевских составлялись вдоль стен под зеркалами и колоннами. Клавикорды закрывались. Исчезали нотные журналы.

В углу на персидском ковре ютился чайный столик. Его окружали модные кресла-корытца с подлокотниками, изогнутыми лебединой шеей.

Вошёл лакей с подносом, в кюлетах¹¹ и белых чулках. Расставил перед дамами чашечки на блюдцах, сахарницу, чайник, вазочки с постным печеньем и вишнёвым вареньем – без косточек, как любила княгиня. Разлил китайский чай, поклонился – и неслышно затворил за собою двери.

Античные сюжеты украшали фарфоровый сервиз.

– А что Вера? Она ещё в Петербурге? – поинтересовалась княгиня.

– Увы, Нинетт, ей так и не довелось поговорить с Александром, – Екатерина опустила глаза на выходящий из чашечки горячий пар. – Я пыталась помочь им встретиться. Боюсь, теперь Александр возненавидит меня.

– Боишься, что он посчитает тебя навязчивой?

– Полагаю, он уже меня таковой считает.

Нина подержалась за блюдце... Оставила на столике.

– Катрин, я знаю Александра со слов моего мужа. Одно я могу утверждать: это человек чести. Не стану ручаться за его нрав в семейном кругу, но в обществе он безупречен.

– Ты говоришь о том, что... что *mon amour pour lui ne me compromet pas*¹²?

– *Oui, Catherine. Il fera tout pour protéger votre réputation*¹³. И всё же, есть в нём что-то, что меня порой пугает...

– Его жестокость и бесчувственность к тем, кто его любит. Но Александр рождён быть отважным воином, а эти качества помогли бы ему дослужиться до генерала!

– Супружество не поле брани. Жизнь с таким мужем, боюсь, не составила бы счастье ни одной женщине.

– Ты права, Нинетт. Но любящая женщина должна уметь прощать...

Голос лакея в дверях заставил вздрогнуть:

– Ваше сиятельство, к вам герцог ди Кастеланьоло.

– Проси.

В гостиную вошёл высокий красавец в тёмно-коричневом двубортном фраке со стоячим воротником. Его полудлинные чёрные волосы, зачёсанные со лба и висков, открывали тонкие бакенбарды-*favoris*.

– Приятно снова видеть вас в нашем доме, герцог! – княгиня Нина улыбнулась и встала навстречу. – Вы становитесь у нас частым гостем, что меня весьма радует!

¹¹ Короткие штаны, стянутые у колена, по моде XVIII века.

¹² моя любовь к нему не скомпрометирует меня (фр.)

¹³ Да, Катрин. Он сделает всё, чтобы защитить твою репутацию (фр.)

Он прикоснулся губами к её руке.

– Где ваш супруг?

– Пётр Васильевич отлучился по делам службы.

– Жаль. Я надеялся увидеть князя.

– Прошу вас, герцог, составьте нам компанию.

Княгиня приказала лакею подать чай и подвела иностранного гостя к диванному уголку.

– Сеньор Раффаеле, позвольте вас представить моей подруге Екатерине Ивановне Чубаровой – дочери отставного ротмистра гвардии, участника русско-шведской войны.

Екатерина встала. Он поклонился:

– Вы носите имя русской императрицы.

– Увы, – она сделала книксен.

«Только я – Катя! Одна!» – заявила она, пяти лет от роду, когда к Александре Павловне пришли крестьяне просить разрешения окрестить младенца Катериной. С тех пор ни одной Катьки в деревне не рождалось – дабы не гневить барышню.

Герцог сел в кресло-корытце: руки положил на лебединые шеи из карельской берёзы, чуть запрокинул голову. Подбородок и носок чёрного начищенного сапога направил на угловую колонну – ни на одну из дам. Правую руку его декорировал золотой перстень с тёмно-бурым драгоценным камнем.

– Вообрази, Катрин! Уже год, как сеньор Раффаеле в Петербурге, а нам до сих пор не довелось познакомиться, – Нина наливала ему чай. – Быть может, вы, сеньор Раффаеле, расскажете нам какой-нибудь неаполитанский анекдот?

– Извольте. В Неаполе жил известный человек – принц Сансеверо. Дон Раймондо ди Сангро, великий изобретатель. Он поднимал животных и растения из пепла, создавал разноцветные фейерверки с песней птиц и даже свет, который не гаснет. Никто не знал его тайны. Однажды, когда моему отцу было семь лет, Неаполь увидел чудо. Карета выехала в море. Лошади скакали по волнам. Оказалось, что ди Сангро сделал их из пробки, а колёса двигались по волнам благодаря клинкам.

Княгиня улыбнулась:

– Этого учёного почитали за чернокнижника?

– Верно! – герцог всплеснул руками и погладил локотник её кресла. – Папа объявил его трактаты еретическими. Но дон Раймондо оставался предан всегда своему королю.

– А вы служили при дворе?

– Мой отец и моя мать служили при дворе.

Екатерина вслушивалась в его носовое «йа» и необычно мягкое «жъ». И молчала, молчала... Она никогда не имела дел с титулованными иностранцами. Фразы не подбирались. На вопросы вежливости ради – не находилось слов.

Облик герцога не имел изъянов. Ровный цвет кожи топлёного молока на щеках перетекал в обожжённые сливки и собирался в мягкую тень под высокими скулами. А глаза – чёрные, со скрытыми зрачками, до внешних уголков густо подведённые ресницами, составляли идеальные пропорции с классическими линиями бровей, каких нарочно не нарисовать. Голос – приглушённый тенор. Поющий последний слог. Речь – как стая журавлей: взлетает фраза – и смотреть больше никуда нельзя. Тон выше – тон ниже, и, замолкнув, остаётся звенеть в ушах, как в хрустале.

– Если наш король вернётся в Неаполь, я докажу ему свою верность. Это моя надежда.

Он произносил «ежъли» и «надежьда».

– Как вы находите Россию? – княгиня со светской лёгкостью меняла темы.

– Россия любит принимать гостей. Русские щедры. Но мы имели трудность... привыкать к холодной погоде и к русской пище. В ваших кушаньях много лука, и солят у вас не мясо, а огурцы и грибы.

– Неужели ничто вас приятно не удивило?

– Образованность русских женщин! В Сан-Пьетробурге я посетил дом неаполитанского посла. Его жена – русская княжна, знает по-неаполитански и разбирается в искусстве живописи. Русские дамы говорят на иностранных языках, знают историю моего королевства и других стран. В Европе редкая женщина может похвалиться знанием вашей истории и русского языка.

От герцога исходила сила достоинства: как нимб святости – но не святость. И титулованность, и красота лишь дополняли её, однако порождало эту ауру нечто иное. Откуда она бралась, Екатерина постичь не могла, но эта сила вводила в оцепенение. Серебряная ложечка с вишнёвым вареньем дрогнула в её руке – и ягода упала на белую атласную туфлю.

– Каковы последние вести из Европы? – продолжал герцог беседу.

– Пока что в Петербург доходят слухи о договоре Франции с Пруссией, – княгиня Нина протянула руку за колокольчиком. Вызвала лакея. – Наполеон заручился поддержкой прусской армии в наступлении на Россию. Паисий, почисти туфлю госпоже Чубаровой. Говорят, войны не избежать.

Щёки Екатерины уподобились вишнёвому сиропу: герцог смотрел на её худую щиколотку! А лакей с невозмутимым видом ползал на коленях – оттирал салфеткой следы пятна.

Князь Пётр Васильевич воротился домой. Уже смеркалось. Для герцога приготовили любимый русский десерт: чернослив с грецкими орехами, – и остатки сметаны уже успели растаять на блюде.

– Я рад вас дождаться, князь! – он поднялся навстречу.

Княгиня Нина подошла к мужу и приняла его двухуголку. Она всегда забирала у князя шляпу сама – с любовью и преданностью послушной жены. Пётр Васильевич наклонился к её руке – отблагодарить поцелуем.

– Надеюсь, вы ещё не уходите, герцог? У меня есть хорошее вино.

– Я не отказался бы, князь. Но я долгое время в вашем доме, и я утомил княгиню...

– Нисколько, сеньор Раффаеле! – Нина улыбалась ему.

– Вы очаровали мою жену!

– Благодарю вас за любезный приём, – герцог похлопал князя по плечу и подошёл к ручке княгини Нины, озолоченной кольцами и браслетами. – Вы дважды принимали меня. Настал мой черёд пригласить вас. Мы ждём вас завтра к обеду. Буду рад познакомиться вас с моими друзьями.

Екатерина так и стояла в чайном углу возле своего кресла-корытца. Плутала потупленными глазами по лабиринту греческого меандра на ковре.

– Могу ли я надеяться увидеть вас в моём доме с князем и княгиней?

У неё дрогнули ресницы. Это к ней обращался герцог!

– Если мне позволят родители, – она сделала быстрый книксен, чтобы удержать равновесие.

С Ниной – да не позволят?.. В гости. К герцогу. «Ту-тух! Ту-тух!» – сердце отдавалось в ушах, как чужое.

– Маленькая ножка есть признак подлинного благородства, – заметил герцог тихим голосом. И улыбнулся. – Дочь моих друзей будет рада познакомиться с вами.

Маленькая ножка – вишнёвое варенье! У Екатерины загло в висках.

Князь Пётр Васильевич ушёл проводить гостя до кареты. Нина взяла её за руку, заглянула в глаза:

– Ну, что, та chère, хорош герцог?

– Кто он? Я не могла отделаться от чувства, будто передо мною сам Император.

– А я заметила, что ты сама не своя!

– Должно быть, он посчитал меня глупой.

– Полно! Молчание не признак глупости, а достоинство благородной девицы.
– Где вы с Петром Васильевичем познакомились с ним?
– На Масленичных гуляньях. И поверь мне, Катрин, о знакомстве с герцогом я вспоминаю с бóльшим стыдом, нежели ты о вишнёвом варенье! – княгиня Нина засмеялась, приобняла подругу и потрепала её вирджиниевый¹⁴ рукав.

Карета с гербом Ланевских подкатила к серому каменному дому на Мильонной, замшелому от петербургской влаги, с плоской аркой над входной дверью и длинным рядом узких окон.

Вышла темноволосая горничная. Провела князя, княгиню и Екатерину в прихожую с фисташковыми стенами и белыми колоннами, приняла одежды и шляпы. Куцая тесьма с узлом выбивалась у неё из-за корсажа – на ней висел деревянный православный крестик.

– Пожалуйте за мной. Сеньоры ждут вас.

«Сеньоры» – как складно говорила. А ведь русская!

Арка с барочными барельефами отделяла прихожую от лестницы. В верхнем вестибюле с лепными фризами и колоннами встречал герцог ди Кастельаньо. За ним шла улыбчивая женщина и протягивала руки к незнакомым гостям. Чёрная коса лежала короной на её голове на античный лад.

– *Comme*, это мои русские друзья, – сказал ей герцог. – Князь Пьетр Ланьевский. Княгиня Нина Ланьевская. Сеньорина Каттерина Чубарова.

Женщина обнялась с Ниной и Екатериной. Зелёная шаль соскользнула с её плеча.

– *Bona jurnàta!*¹⁵ Я Сибилла, крёстная *mamma* Раффаэле! – представилась она ласковым голосом, словно обращалась к маленьким детям. От внешних уголков её больших серо-зелёных глаз ласточкиным хвостиком расходились две морщинки.

В дверях показались два похожих лица: постарше и помоложе.

– Маркиз Патрицио Сан-Чезаре – мой крёстный отец, – представил герцог сеньора в тёмно-синем фраке с белоснежным жабо. Его каштановые с сединой волосы завивались на висках и крепились сзади чёрной лентой.

Отец Джулиано – так вот что означало «брат от духовного родства»!

Приземистый старичок явился из соседней комнаты в военном двубортном кафтане цвета морской волны с золочёными пуговицами, в синих кюлотах и белых чулках, по старой моде Неаполитанского королевства. Раскланялся.

– Дон Сильвано Порчинари – отставной вице-адмирал славного неаполитанского флота! – герцогу пришлось чуть присесть, чтобы обнять его за плечо.

Ниже ростом и на два десятка лет старше жены, дон Сильвано так и лучился добродушием. Супруга же его оказалась полной противоположностью Сибилле: волевой взгляд тёмных глаз, мягкие, тускловатые от седины светлые кудри в высокой причёске *à la Plotina*, худые руки с длинными пальцами. Она носила нежное имя – Эмилиана.

Последней к гостям выбежала девушка в белом батистовом платье с высокой талией и подхватила вице-адмирала под руку. Тяжёлые локоны цвета тёмного золота тянули греческий узел на её затылке книзу. Это она танцевала сальтареллу на Дворцовой площади с молодым маркизом Сан-Чезаре – Ланевские узнали её по волосам.

– Это непоседливое чудо – наша дочь Биатриче! – сказал вице-адмирал.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – заметила княгиня Нина.

¹⁴ Из вирджинской шерсти.

¹⁵ Здравствуйте! (неап.)

– Мы изучили русский язык, чтобы не говорить по-французски в России, – ответил старший маркиз Сан-Чезаре.

Дочка внешне походила на отца: светлые глаза, пухлые розовые губы, дружелюбная улыбка и живость движений. От матери она позаимствовала волосы, прямые медно-коричневые брови и римский нос с горбинкой – по-женски небольшой, что придавало её лицу очарование.

– Просим вас в гостиную, скоро подадут обед! – Сибилла указала рукой на главные двери напротив лестницы, взяла мужа под локоть и пошла впереди.

Биатриче отделилась от родителей, поравнялась с Ланевскими.

– Прошу вас, не говорите донне Эмилиане, что мы виделись, – шепнула она. – Мой отец заболел. Мамма хотела, чтобы я сидела с ним. Но *patemo* отпустил меня на *carnelevare*¹⁶.

В чисто убранной гостиной стоял длинный стол с угощениями. Мебель из карельской берёзы с желтовато-кремовой обивкой вносила домашнее тепло и уют в холодно-голубые стены. Под циферблатом напольных часов качался маятник.

Раффаэле возглавлял стол. Справа и слева от него усадили князя Петра Васильевича и княгиню Нину. Строгому порядку никто не следовал: семья вице-адмирала занимала места ближе к герцогу, чем его титулованные крёстные родители.

– Мы не знали, что у вас такая большая семья, сеньор Раффаэле, – отметила Нина.

– Да! Теперь, в России, мои друзья – это моя семья!

– Вы угостите нас блюдами неаполитанской кухни? – поинтересовался князь.

– У нас русские повара. Они не смыслят в неаполитанской кухне, – Эмилиана указала на свой гладкий лоб, наискосок укрытый густым локоном. – Наши слуги остались в Неаполе.

Екатерине, дворянке седьмого класса, предназначалось место между Биатриче и Джулиано – напротив Сибиллы. Биатриче заглядывала ей в лицо с любопытством искреннего ребёнка. В её серо-голубых глазах, светлых и блестящих, как в прозрачной воде, чернели камешки зрачков.

– Сколько вам лет? – спросила она.

– Восемнадцать, – ответила Екатерина.

– Мне девятнадцать. Мы можем быть подругами. Я умею говорить быстро по-русски, но знаю мало русских слов. Не обижайся, если я скажу неправильно.

Биатриче говорила приятным голосом с низкими нотками, русские слова у неё выходили с мягким «л», «жлов» вместо «слов», и она путала «р» и «д».

На другом конце стола герцог ди Кастеланьолю беседовал с князем и княгиней.

– Что ты думаешь о Раффаэле? – спросила Биатриче.

– Должно быть, сеньор Раффаэле очень знатного роду.

– Знатного-знатного, – подтвердила она. – Ты связана родством с князем и княгиней?

– Нет... Мы с княгиней Ниной подруги.

– Наверное, твой отец имеет высокий титул, если Раффаэле пригласил тебя к нам. Раффаэле строг и капризен в выборе друзей. Он не станет окружать себя людьми с манерами... *ndescretezza*. Я не знаю, как перевести это на *russo*.

– Нахальность, неделикатность, неуважительность, нескромность, – подсказал Джулиано.

Биатриче положила руку на лоб.

– Как много трудных слов... Раффаэле презирает эти черты характера, – она постучала по горлу ребром ладони. – Он не подпустит к себе близко такого человека.

Нахальность, неделикатность, неуважительность, нескромность... Екатерина примерила каждое слово к себе – нет ли в ней презренных пороков.

¹⁶ карнавал (неап.)

– Биатриче, ты запугала нашу гостью! – воскликнула Сибилла. – Вам не нужно бояться Раффаеле, моя милая, о вас он говорит только хорошее!

Она улыбнулась и заглянула Екатерине в лицо весёлыми молодыми глазами.

– Сеньор Раффаеле говорил вам – обо мне?

Он впустил её в свою память? Её образ запомнили глаза – самого герцога ди Кастеланьо?.. А ведь она всего лишь дочка отставного гвардейского ротмистра! Выросла в провинции... Другое дело – Нина. Умна, благородна, образование и воспитание – *comme il faut*.

– А кто родители сеньора Раффаеле? – Екатерина решилась на смелый вопрос. – Они не приехали с вами в Россию?

Ответила Биатриче:

– Родители Раффаеле погибли. Его *matrа* была королевской крови. Её казнили. Мы уехали из Неаполя из-за неё, чтобы Бонапарте не преследовал Раффаеле.

– Королевской... крови! – Екатерина едва не поперхнулась куском хлеба. Что она делала в этом обществе, с деревенским домашним воспитанием?

– Разве Раффаеле не рассказывал вам? – спросила Сибилла.

– Сплетничаете, маркиза! – дон Патрицио Сан-Чезаре изобразил рукой клацающий рот. В присутствии русских гостей они старались говорить друг с другом по-русски.

– О чём вы рассказываете, *contare*¹⁷? – спросил Раффаеле.

– Твои гости не знали, что ты из рода Борбоне.

Вилка княгини Нины замерла зубцами в котлете.

– Вы бежали в Россию от Наполеона и потому скрываете королевское происхождение, сеньор Раффаеле?

– Это не совсем так, – он мягко отстранил ладонями белую скатерть. – Моё отношение к королевскому роду – не более чем семейное предание.

– Это предание погубило мать Раффаеле, – Эмилиана провела по горлу длинными пальцами. – Оно могло и Раффаеле погубить, но мы успели уехать. Герцогиню Пачифику ди Кастеланьо расстреляли за роялистский заговор.

– Боже мой! – ахнула Нина.

– Я с детства знала Пачифику, – Сибилла вздохнула, подняла на потолок глаза. – Она была меня старше. Я хорошо помнила её отца. Говорили, что он был незаконным сыном короля Карло или его дальнего родственника из рода Борбоне. Я не знаю, что породило эти подозрения. Он носил фамилию графа Сан-Ренато, своего отца. Он умер, когда меня отдали на воспитание в монастырь маленькой девочкой. Пачифика была редкая красавица. Моя *matrа* любила говорить мне: «Будь как Пачифика», «Твои манеры должны быть как у Пачифики». А как она танцевала фанданго!.. Я любила её, как сестру. А она называла меня «*rigginema*»¹⁸. Когда меня забрали из монастыря, Пачифика собиралась замуж. Она попросила за меня перед королевой, и меня приняли чтицей. Первый год при дворе я служила под покровительством Эмилианы. Они были подругами. Королева Мария Каролина благоволила Пачифике. Король Фердинандо имел фавориток, но Пачифику ни разу не склонил к любовной связи. При дворе ходили слухи о её близком родстве с королём. Его величество мог их слышать. Королева помогла Пачифике найти хорошего мужа. Герцог ди Кастеланьо, отец Раффаеле... Отважный офицер!..

– Мой самый дорогой друг, – произнёс дон Патрицио. – Мы росли вместе. Вместе бегали по морскому берегу, ловили анчоусов, собирали цветные камни и лазали за красными апельсинами. Фабио избрал военное поприще, а я канцелярию. Поход за освобождение Рима от французов стал для него последним.

¹⁷ крёстная (неап.)

¹⁸ моя принцесса (неап.)

– Нет – он благополучно вернулся оттуда, – Сибилла покачала указательным пальцем. – Смерть нашла его в родном Неаполе, когда за нашей армией из Рима пришли якобинцы. Общество Неаполя разделилось.

– На верных королю и предателей-франкмасонов, – Эмилиана передёрнула плечами. – Наши бывшие друзья стали проповедовать *liberté, égalité, fraternité*¹⁹.

– Мне было шесть лет. Я помню, как мимо нашего дома шли с флагами, – сказала Биатриче. – Мне не разрешали подходить к окну, и я подглядывала украдкой. Они были похожи на бандитов: грязные, в красных колпаках; дамы – со стриженными волосами!

– Они и вели себя, как бандиты, – добавил Джулиано. – Мне пяти лет не исполнилось, а я запомнил, как испугался, когда они разбили наше окно камнем. Они пели: «Ah! ça ira, ça ira...»

– Джулиано, замолчи! – Биатриче схватилась за щёки. – Я боюсь этой песни!

– Бедный мой мальчик! – Сибилла протянула к сыну руки через стол. – В эти страшные дни мы остались одни в Неаполе с нашими маленькими детьми. Король Фердинандо укрылся на Сицилии. В порту сожгли все корабли.

– За что убили вашего отца, сеньор Раффаэле? – спросила княгиня Нина.

– Мой отец вышел на площадь, хотел призвать предателей встать на защиту короля. Он увидел в толпе знакомые лица офицеров своего полка. Один из них заколол его.

– Несчастная Пачифика осталась с Раффаэле одна, – Сибилла покрутила сщипнутыми пальцами. – Мы пережили пять страшных месяцев Партенопейской республики. Так якобинцы стали называть наше королевство.

– Нас, роялистов, они называли разбойниками, – дон Патрицио покачал ладонью перед виском.

– Пусть так, – сказала маркиза. – Мы знаем, что многие нас судили за преданность королю и королеве, когда предателей беспощадно казнили. Но в нас осталось сильно убеждение, что в сердце монархиста не должно быть места осуждению.

– Я не судила бы вас! – высказалась Екатерина. – Власть короля дана от Бога! Никто не вправе осуждать, хорош король или плох, достоин он почтения или нет!

Какие честные и строгие глаза! Раффаэле улыбнулся: интуиция подсказала ему ещё вчера, что эта девушка не могла думать иначе.

– Если бы Фабио остался жив, он не пережил бы позора неаполитанской армии, когда французы пришли второй раз, – рассуждал дон Патрицио. – Это случилось после сражения в Аустерлиц. Вы воевали там, князь?

– Да, верно, мне пришлось в том сражении участвовать...

– Поражение России и Австрии означало наше поражение. Бонапарте издал приказ уничтожить династию Бурбоне.

– Король и королева не ждали, когда Бонапарте отправит их на гильотину, как французскую королевскую семью, и уплыли в Сицилию, – добавила Эмилиана.

– Но почему вы говорите «позор неаполитанской армии»? – обратился князь Пётр Васильевич к маркизу. – Вы же не отдали Неаполь французам без боя. Насколько мне известно, генерал Массена встретил довольно сильное сопротивление.

– Наши воины приняли французов достойно, – железным тоном произнесла Эмилиана и сжала тонкие багровые губы. Лицо её сохраняло спокойствие и любезность, а дрожащая рука до изнеможения комкала салфетку.

– Наш старший сын Ладзаро погиб. Наш мальчик, – проговорил поникшим голосом вице-адмирал. – Он оборонял крепость Гаэта...

¹⁹ свободу, равенство, братство (фр.)

– Неаполитанская армия не смогла защитить корону Борбоне, – сказал дон Патрицио. – Наши крепости сдавались, солдаты бежали. Восстания продолжались, но французы не щадили людей. Грабили, убивали.

– Они истребляли всех, кто мог хранить в себе память о преданности королю Фердинандо, – добавила Сибилла. – Мы не знаем, кто донёс ставленникам Бонапарте, что Пачифика и Раффаеле из рода Борбоне.

– За Пачификой приехали вооружённые кавалеристы, – продолжала Эмилиана. – Я была с нею. В её доме. Она успела попросить меня спрятать Раффаеле. Раффаеле не знал о чём-либо, я тайно перевела его в наш дом. Пачифику спросили: «Вы не признаете короля Джузеппе Бонапарте и желаете восстановления династии Борбоне?» Она ответила: «Я не признавала и не признаю на троне Неаполя никого кроме настоящего короля из династии Борбоне». Должно быть, она сказала так на суде – это погубило её. Пачифика презирала ложь и притворство.

– Но вы сказали, что герцогиню обвиняли в роялистском заговоре. Какие нашлись тому доказательства? – пытливые глаза княгини Нины смотрели на вице-адмиральшу.

– Пачифика не была в заговоре. Какие нашли доказательства? У нас нет ответа. В тюрьме неаполитанские солдаты относились к ней с почтением. Это злило французских офицеров. Я приходила просить свидания с нею. Они требовали меня выдать им сына Пачифики. Говорили, это для допроса. Мне угрожали. Обещали повесить с мужем и дочерью на реях его собственного корабля.

– В порту Неаполя патрулировали солдаты, – продолжала Сибилла. – Они ждали, что Раффаеле побежит на Сицилию просить защиты короля. Я и маркиз с детьми отправились в Абруццо – без слуг, переодетые бедняками. Мы сказали Раффаеле, что ему нужно скрыться для облегчения участи матери. Раффаеле исполнилось девятнадцать лет. В тот год он закончил университет и готовился поступить на службу к королю, но не успел. Эмилиана и дон Сильвано остались в Неаполе. Они пытались помочь Пачифике и собирали наше имущество. Через пять дней мы добрались до моря Adriatico. Путь был трудным и долгим: через горы, деревни. Абруццо оккупировали французы. Но там нас не ждали и не узнавали. Через семь дней мы встретились с друзьями в порту Пескара. Они приплыли из Неаполя с вестью о казни Пачифики. Мы взойшли на корабль и уплыли в Австрийскую Империю.

– Но Австрия заключила мир с Францией, – добавил дон Патрицио. – Мы поспешили к границе с Россией. Мы знали, что только русские не выдадут Раффаеле Бонапарте.

– Мы остановились в Вильно на четыре года, – продолжала маркиза. – Там был ближайший университет. Мы обратились к князю Адаму Чарторыйскому с просьбой принять туда нашего сына. Когда Джулиано закончил университет, мы приехали в Пьетро-бург. Здесь, в русской столице, мы могли надёжнее спрятаться.

– Одна надежда даёт нам силы жить, – вице-адмирал Порчинари потряс скрещенными пальцами. – Увижу ли я, больной старик, наш Неаполь? Успею ли узнать, что не напрасно мы потеряли нашего Ладзаретто?

Он достал из кармана хлопчатый платок и заплакал в него, уронив седую голову.

– Pate! – воскликнула Биатриче. – Pate! Вы не можете так думать! У вас опять случится удар!

Она выпорхнула из-за стола, обежала гостей и обняла вице-адмирала.

– Простите, – произнесла Эмилиана. – Мы знаем, у русских не принято выказывать чувства.

– Вам не в чем извиняться, сеньора, – ответил князь Пётр Васильевич. – Мы понимаем ваши настроения.

Она встала из-за стола. Гордым твёрдым шагом, как ходят придворные дамы, направилась к белым дверям в соседнюю комнату и распахнула их:

– Прошу вас!

Все прошли в диванную. За столом продолжал сидеть один вице-адмирал. Он не двигался и не отнимал от глаз платка. Биатриче осталась с ним, облепив его плечи обеими руками.

В диванной напротив окон, закрытых белыми шторами с бахромчатыми ламбрекенами, гудел горячий камин. В простенке стоял один канделябр с зажжёнными свечами.

Эмилиана приказала принести два стула и две мандолины.

– Я сыграю для вас. *Raffajele, aiutame, sunargiamo a dduje!*²⁰

Они исполнили на двух мандолинах Сицилийскую сонату Доменико Скарлатти. Екатерина наблюдала за сосредоточенным лицом Раффаэле, за его рукой, задевающей струны птичьим пером. Музыка отзывалась в стенах серебряными звуками и уносила в мир позднего барокко, окружённых пальмами дворцов и неспешных прогулок по белым дорожкам королевского парка.

Тихонько отворилась дверь – вошла Биатриче. Вице-адмирал пробрался за нею к дальнему дивану у стены.

Эмилиана покачивала головой в такт. В уголках её губ мелькала улыбка, когда она встречалась глазами с Раффаэле, – будто взгляд помогал держать созвучие.

– Эту музыку мы исполняли для королевы с матерью Раффаэле, – мандолина опустилась к ней на колени.

– Великолепная музыка! – похвалил князь Пётр Васильевич. – А сколько в ней души! Верно, Нина?

Екатерина встрепелась: кто-то взял её за руку.

– Я хочу показать тебе дом, – Биатриче смотрела на неё светящимся взглядом.

Что скажет Нина?..

Княгиня кивнула. И девицы вышли в другие двери – во внутренние покои.

Дочка вице-адмирала была одного роста с Екатериной, но крепче сложена. Белая ткань платья обрисовывала её стройные сильные бедра. Рядом с нею Екатерина казалась тонкой, как берёзовая веточка.

Они прошли анфиладу комнат и оказались в прохладной зале с портретами на белых стенах и нерастопленным камином. Между портретами висели шпаги, сабли, ножи, пистолеты старых и современных образцов.

– Я никогда не видела столько оружия, – сказала Екатерина. – Чья это коллекция?

– Моего отца, – ответил вошедший Раффаэле. – С этой шпагой он не расставался.

Он взял со стены шпагу с позолоченным эфесом в чёрном чехле и поднёс ей. На клинке мерцали чёрные буквы: «Viva Ferdinando IV».

– Раффаэле! Покажем, что мы умеем? – воскликнула Биатриче. Когда она улыбалась, верхняя губа её делалась припухшей, словно ужаленная пчелой.

Он вернул шпагу отца на стену и снял две другие – с короткими клинками. Скинул на пол фрак и остался в чёрном жилете и белой батистовой рубашке.

Они подняли шпаги перед собою. Раффаэле шагнул на Биатриче. Она сделала грациозный выпад в белом платье – и направила клинок ему в грудь. Екатерина ахнула – отступила к двери.

Клинки замелькали у неё в глазах, свища, как плети. Биатриче крутила шпагой над головой, держа её обеими руками, и, разворачиваясь с нею, как в танце, от локтя выдвигала клинок вперёд. Шпага проскальзывала под мышкой у Раффаэле – и он уклонялся, отбиваясь из-за спины; Екатерина вздрагивала. Они обманывали друг друга: рисовали клинками круги и арабские восьмёрки перед глазами, перебрасывали вращающиеся шпаги из руки в руку. Биатриче закрывалась обеими руками, обнимая грудь, – и клинок выскакивал, как жало, то из-под её локтя, то из-за бедра, то от плеча.

²⁰ Раффаэле, помоги мне, сыграем вдвоём! (неап.)

На секунду они отошли друг от друга. Биатриче просвечивала грудь Раффаеле взглядом из-под прямых бровей, выставив шпагу и ногу в белой туфельке. Он смахнул со лба чёрную прядь. Посмеиваясь с высоты своего роста. Она перевела дух – и вернулась к атаке. Металлический лязг оглушил Екатерину.

– Раффаеле учит меня фехтованию, – высказала Биатриче на выдохе.

Визг скользящих друг о друга лезвий отозвался эхом в потолке залы.

– Мы готовимся сражаться за короля, – добавила она, мельком взглянув на Екатерину.

– Вы не боитесь пораниться?

– Мы рискуем, – ответил Раффаеле. – Зато наши приёмы гарантируют безусловную победу. Неаполитанское фехтование превосходит другие школы. Мой отец владел им в совершенстве. Но мы с Биатриче изучаем также движения французской школы, чтобы знать возможные промахи в технике противника.

Он изменил стойку: выпрямился, выставил колено – и направил шпагу на Биатриче от плеча. Она отбила двумя ровными ударами, согнув и разогнув руку.

– А давно ли вы занимаетесь?

– С первого дня в России! Биатриче – способная ученица. За год мы изучаем десять приёмов...

Ученица подвела клинок под его правое запястье – и шпага вылетела на паркет. Шатающаяся гарда зазвенела, как бубенцы тамбурина.

Из смежной комнаты слышались шаги, бронзовая ручка повернулась.

«Chiassu!»²¹

И оба, как фокусники, оказались с пустыми руками.

– Это я, не бойтесь, – улыбнулся Джулиано и закрыл за собою дверь.

– Маммá не позволяет мне, – шепнула Биатриче Екатерине.

– Ты умеешь драться только со шпагой, Биатриче?

– С саблей могу. И с кинжалом. У меня сильные руки. Потрогай, Катари!

Девичья рука под батистовым рукавом-фонариком, нежная и изящная с виду, оказалась мускулистой.

– Ударь меня, Биатриче, – предложил Раффаеле.

– Нет! – она перечеркнула пальцем воздух.

– Тогда меня! – Джулиано сунул локоть ей под бок. – Покажи свою силу!

Она рассмеялась и толкнула его в плечо. Екатерина улыбнулась: «кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»²².

– Сеньорина Каттерина! Должно быть, вам интереснее картины, нежели оружие, – Джулиано указал рукой на стену. – Извольте рассмотреть нашу галерею. Вы стоите под портретом короля Фердинандо Де Борбоне.

Она обернулась. Джулиано, Раффаеле и Биатриче встали за её спиной – перед лицом бывшего короля Неаполя. Шлейф эха весёлых голосов поглотила тишина.

– В знак преданности старому Неаполю мы не говорим по-французски, – сказал Джулиано.

– И потому Раффаеле носит длинные волосы, – добавила Биатриче.

С соседнего портрета смотрела королева Мария Каролина. Платье на фижмах, какое она носила в молодости, подчёркивало тонкую талию. Гладкие напудренные волосы, бархотка с камнями на шее, в руках – сложенный веер. Екатерина засмотрелась на белое лицо королевы с гордыми правильными чертами. Биатриче тронула её за локоть и подвела к портрету другой красавицы – в красном платье.

²¹ «Шум!» (неап.)

²² Мф. 18:4

– Мария Амалия из Сассонии – бывшая королева Неаполя. Она стала королевой Испании, – пояснил Джулиано.

Он говорил по-русски чисто, как и мать. Неаполитанца в нём выдавали только твёрдые согласные на месте мягких.

– А это король Карло Де Борбоне, – сказала Биатриче. – Есть сходство с Раффаеле?

Екатерина повернулась из-за плеча и робко взглянула герцогу в лицо. Сходство?.. Король Карл не впечатлял красотой. Светлые глаза, бесцветные ресницы, бледная кожа. Высокие скулы? Орлиный нос? Но у короля он сплывал книзу, а у Раффаеле словно мастер вытачивал нос соразмерно расположению глаз и губ.

– Не думайте, сеньорина Каттерина! – Раффаеле сложил руки, как в молитве. – Моим друзьям нравится верить в моё родство с королём. Но после смерти королевы Марии Амалии король Карло не женился. Он любил её.

– А сохранился ли портрет вашей матушки, сеньор Раффаеле?

Он улыбнулся: наконец – долгожданный проблеск смелости! И указал глазами на правый угол противоположной стены:

– Мой семейный портрет.

Тоненькая фигурка Екатерины пересекла паркетную розетку-подсолнух в центре залы.

В прелестном шестилетнем ребёнке она узнала герцога. Чёрный костюм с детскими кюлотами, белые чулочки, чёрные туфли с золотыми пряжками... Да, он походил на мать! От неё унаследовал чёрный цвет глаз и прямые рисованные брови (не как у отца – нависшие, с надломом, а глаза серо-зелёные, как откос морской скалы), и мягкие крылья носа с узкими ноздрями. У отца были острые, разведённые к скулам, а нос меньше.

По дороге домой в карете Ланевских Екатерина дышала в голубой мех воротника, смотрела в вечерние сумерки и вспоминала картину.

Тёмный фон. На заднем плане – окно. В окне светится небо, затянутое дымом над синим силуэтом Везувия. Отец Раффаеле – офицер в белом кафтане. Чёрные волосы сзади убраны в бархатный мешочек, а на висках уложены волнами. Герцогиня ди Кастеланьола – в бордовом платье, с белым платком на плечах. Чёрные банты над тюлевыми оборками на рукавах, две пурпурные ленты вокруг головы. Её руки с тонкими запястьями лежали на плечах мужа и маленького сына, пышные чёрные кудри спускались до пояса. И холодная красота двух королей блёкла в памяти Екатерины.

«Кому нужны революции? – думала она. – Сколько зла! Сколько зла одной семье герцога! За что разрушили их счастье? Кому от этого польза? *Liberté, égalité, fraternité*... Свобода? Какая свобода, когда герцога ди Кастеланьола убили за верность другой власти? Равенство? Приравнять князя к мужику, распеваящему песни на пороге питейного дома? Купца к пастуху? Они равны? Но даже Господь не равнял мытаря с фарисеем! Моему предку, ратнику из крестьян, Феодору Чубарому Царь Алексей Михайлович пожаловал дворянство за отвагу в Польской войне. О его заслугах забыть? Если однажды кто скажет мне, что революция и царевубийство есть благо, – тот умер для меня!»

А герцог и герцогиня ди Кастеланьола – кем будут они для потомков нынешних неаполитанцев? Врагами? Героями? Что будет записано в книгах? Кто диктует всеобщие исторические суждения, какой король не достоин оправдания, а какой правитель преследовал благие цели, губя свой народ? Судит человека Бог – но каждый живущий на свете человек становится для себе подобных каким-то. Не просто человеком – а каким-то человеком. А кто знает правду, какой он есть?

Так судил и Петербург. Судил всех. Судил и Екатерину Чубарову. С лёгкостью языки озвучивали то, что видели незрячие глаза. Из личных мнений складывались предубеждения. Герцог Раффаеле ди Кастеланьола не знал этих предубеждений.

Глава IV

«Сколько я хотела бы сказать вам, сеньор Раффаеле!.. Если бы мне увидеть вас снова... Но когда вы посетите Нину и Петра Васильевича?»

Екатерина сидела на полу в библиотеке в светло-дымчатом перкалевым платье и рисовала карандашом на полотне. Срисовывала картинку из книжки. Канзу²³ распалась на груди, из-под круглого гофрированного воротника выбился серебряный крестик.

На столе, на полу громоздились столпы книг. На полках зияли прорехи. Дверь скрипнула – до слуха донеслись суетливо-шаркающие шаги матери и чьи-то незнакомые твёрдые каблуки.

– Катя, почему ты не предупредила меня, что у нас будут гости?

За Александрой Павловной в дверях стоял герцог ди Кастеланьолю.

И вот он был – этот взгляд, который невозможно забыть! Холодный, пронизывающий взгляд Екатерины Чубаровой: с металлическими лучиками вокруг зениц широко распахнутых глаз.

Она не успела ни встать, ни сложить раскинутое полотно с карандашным наброском картинки.

– Простите за визит без приглашения, – Раффаеле улыбался знакомому пейзажу на раскрытой странице книги: залив и дымящий Везувий.

Екатерина поднялась с пола, оправила помятое платье:

– Мне следовало догадаться пригласить вас.

– Ты перевернула всю библиотеку! – произнесла Александра Павловна. – Нашла ты книгу с картинкой Неаполя?

– Да, маман!

Нелёгкая угораздила маменьку спрашивать при герцогe!

– Я распоряжусь, чтобы подавали обед.

Шаги Александры Павловны затихли в правой половине дома.

– Зачем вы рисуете картину на полотне? – спросил Раффаеле.

– По рисунку я буду вышивать нитками.

Он улыбнулся, приподняв брови.

Неловкое молчание...

– Я рада вашему визиту, сеньор Раффаеле! Я думала о вас. О вашей семье, друзьях. В моей голове роится столько мыслей, а деть их некуда.

– Вы поделитесь ими?

– Если вам угодно меня выслушать...

Екатерина поджала губы. Должна ли она так смело говорить с герцогом?

Чёрные сапоги с каблуками прошагали к тумбе заваленного книгами стола.

– Вы говорите, что вышиваете картины. Это ваша? – Раффаеле указал на вышитое крестиком панно на стене – пруд под берёзами.

– Моя.

Он обошёл башню из книг, закрывающую её лицо:

– Что вы хотели мне рассказать?

– Быть может, в гостинной?.. Здесь беспорядок не располагает...

Идя рядом с Екатериной, герцог оглядывал коридор, двери, потолки с лепниной.

– Я думала, сеньор Раффаеле, что, когда бы не революция во Франции, Наполеон не стал бы императором. Он создал империю на крови Людовика Шестнадцатого и Марии Анту-

²³ Косынка больших размеров из лёгкой ткани или кружев, которую носили перекрестив концы на груди и завязывая их на талии.

анетты. Король и королева были казнены революционным правительством. Революция есть зло. Наполеон упразднил республику, отнял власть у революционного правительства. Но его власть принесла не меньше зла. Его империя – это следствие революции. И теперь он несёт зло к границе России!

– Вы сейчас думаете так, как думали мы, когда французы шли на Неаполь. И боитесь того же.

– Если Наполеон завоюет Россию, он установит у нас другие законы – зиждимые на идеях французской революции, на идеях франкмасонства! Как мы будем жить?

– У вас сильная армия, сеньорина Каттерина, со строгими порядками. В Неаполе сильным был только флот, но французы наступали по земле. Русские умеют воевать, а неаполитанцы избегают войны, идут на уступки ради мира. У нас есть пословица: лучше иметь тонкое соглашение, чем хороший бой.

В гостиной разливался голубой свет от обоев и портьер. Над камином висела картина в рамке, вышитая крестиком. Два лебедя. Казалось, что они вот-вот слетят с полотна и поплывут по голубому свету гостиной, как по прозрачной воде озера.

– Вы вышивали эту картину? – спросил Раффаеле.

– Да. И другие картины мои.

Он заметил и ажурную салфетку на журнальном столике, и накидки на спинках кресел с любимой вышивкой Екатерины «ришелье». Над клавикордом на круглой картине-тондо цвели пионы с маргаритками, из шёлковых листьев выглядывали ягоды голубики.

– Живые цветы? – руки герцога не удержались, потрогали лепестки.

– Я вышивала их лентами.

Он взглянул на запястье Екатерины, на обшитую шёлковой гладью оборку длинного рукава. Взял её правый кулачок, сжатый от волнения. Раскрыл. На нежных подушечках пальцев – ни следа от игл. Она умела ладить с напёрстком!

– У вас благословенные руки, сеньорина Каттерина!

– Благодарю. До вас никто так не говорил.

Почему-то глаза стыдились смотреть на его мужскую руку, выбеленную северной природой от янтарной смуглости: с чёрным благородным пушком, идеальную в ширине ладони, в длине и толщине пальцев. Смотрели на перстень. Погашенный дневным светом, гиацинт спал в филигранной оправе.

– Подобное нельзя сотворить без изысканности вкуса, – сказал Раффаеле. – Я очарован вашей душой. В ней живёт красота.

– Ах, вы здесь, а я искала вас в библиотеке!

За Александрой Павловной вошёл в гостиную Иван Дмитриевич, опираясь на трость.

– Господин герцог, милости просим отобедать с нами! – меткий глаз хозяйки и без очков успел уловить, что герцог держал руку её дочери.

Ивана Дмитриевича и герцога представили друг другу. Отставной ротмистр поклонился с бесстрастным видом, не дав жене и дочери понять, понравился ли ему гость.

В обеденной с жёлтыми штофными обоями и белыми колоннами веяло теплом от горячих блюд под серебряными колпаками и от растопленной изразцовой печи.

– Откуда у вас фламандское кружево? – Раффаеле пощупал край белой скатерти на круглом столе.

– Это всё Катя, – ответила Александра Павловна. – Она у нас плетёт кружева по иностранным книжкам.

– Вы научились кружевному искусству по книгам? – он поднял глаза на Екатерину. – Моя вòпа умела плести такое кружево. Она училась этому в Бельгии.

– О ком вы сказали, простите? – спросила Александра Павловна.

– Вòпа – бабушка моей матери.

Екатерина не призналась, что умеет плести и русское кружево. В деревне, когда бывало скучно, она ходила наблюдать, как девки плели кружева на коклюшках.

– А как давно вы знаете нашу Катю, господин герцог? – спросила Александра Павловна.

– Три дня.

– Это к вам она ездила вчера с княгиней Ниной Григорьевной? Она нам не рассказывала. Молчунья она у нас, вся в отца.

– Да, сеньора, я имел радость принимать в моём доме сеньорину Каттерину с князем и княгиней. Я рад, что теперь знаю вас... Семейю... И могу пригласить...

Раффаеле посмотрел на Ивана Дмитриевича. Отставной ротмистр с суровым видом жевал постную картофельную закуску.

– Иван Дмитрич мало говорит, он был ранен в голову на войне, – объяснила Александра Павловна. – Да и сам по себе мой супруг неразговорчив. А вы, сеньор Раффаеле, откуда родом будете?

Герцог не успел ответить. Вошёл бывший денщик Ивана Дмитриевича в стареньком чёрном кафтане с барского плеча и подал Екатерине конверт. Она сломала печать и раскрыла письмо.

– Это от Нины. Простите... Я должна сейчас ехать к Ланевским.

– Прямо сей же час? – удивилась Александра Павловна. – Нина Григорьевна прислала карету?

– Нет, барыня, – ответил бывший денщик.

– Забыла, должно быть, – Екатерина виновато посмотрела на Раффаеле и поднялась из-за стола. – Или что-то случилось... Я возьму извозчика.

– Зачем же извозчика, Катя? Быть может, вы, господин герцог, окажете нам честь и сопроводите мою дочь?

– Матап! Просить сеньора Раффаеле об услугах не совсем уместно...

– Я рад сопроводить вас, – его глаза блеснули.

Неслыханная бесперемонность – распоряжаться временем герцога и ставить его в подобное положение! В карете Екатерина смотрела на шнурок сумочки-кисета, обвивающий её запястье.

– Простите, что матап обратилась к вам.

– Сеньора хотела быть спокойной за вас. Если вы доверяете мне, как ваша матта, я подожду вас, чтобы сопроводить вас домой.

– У меня нет причин не доверять вам. Но затем ли вы посетили наш дом, чтобы забросить ваши дела?

– Я не спешу.

Чёрные глаза из-под широких полей изучали её нежно-русский точёный профиль с бледной родинкой на подбородке. Она не поворачивалась – а к лицу герцога так шла шляпа!

Князь Пётр Васильевич в тёмно-зелёном мундире стоял у окна, глядя в голубизну сумерек. Лакей открыл двери, впустил Екатерину. Нина поднялась навстречу с дивана. Сжала ей обе руки.

– Нинетт, что с тобою? Ты не изволила прислать за мной карету.

– Ах, прости, Катрин! Я не вспомнила. Последние известия...

– Какие известия?

– Идём, я расскажу тебе.

Княгиня за руки потянула её к дивану.

– Прошу. Сядь.

– Какие известия? – Екатерина вглядывалась в безрадостные глаза подруги.

– Позволь, я прежде прикажу подать чай с травами и приготовить карету. Я виновата, что принудила тебя ехать на извозчике, – Нина взялась за колокольчик.

– Не беспокойся о карете, Нинетт! Сеньор Раффаеле нынче приезжал к нам с визитом и, по настоянию татап, согласился сопровождать меня. Он ожидает меня в вестибюле.

На усталом лице княгини мелькнуло удивление:

– Паисий! Пригласи герцога ди Кастеланьо!

Князь Пётр Васильевич по-прежнему стоял у окна и молчал. Раффаеле вошёл в гостиную.

– Вы, верно, полагали, что помешаете нам своим присутствием, сеньор Раффаеле, – Нина подала ему руку. – Впредь прошу вас не сомневаться, что вы здесь всегда желанный гость.

– Так о чём ты хотела мне рассказать, Нинетт? – напомнила Екатерина.

– Семёновцам приказано выступить в Вильно девятого числа. Егерский и Финляндский лейб-гвардии полки уже отправились туда.

– В минувшую субботу? Я слышала утром полковую музыку. Значит, теперь и они...

– Да, Катрин.

– Князь! Началась война? – Раффаеле прошагал к окну.

– О войне пока не говорят, – каблуки Петра Васильевича скрипнули на паркете. Он подошёл к дивану и сел подле жены. – Нинетт, друг мой! Быть может, война не случится. Не стоит тревожиться понапрасну.

– Катрин! – княгиня не отпускала её руки. – Вечером я устраиваю приём по случаю отбытия в Вильно. Я сказала тебе заранее, чтобы ты настроилась духом.

– Благодарю тебя, Нинетт...

– Сеньор Раффаеле, вы будете?

– Да, я собирался быть у вас.

Подруги распрощались на четыре часа – до встречи на званом вечере.

С Невы дул холодный ветер, и окно в карете герцога заиндевело. Возница погнал лошадей неторопливым шагом. Руки Екатерины в серых перчатках недвижно лежали на коленях, сумочка-кисет спустилась к полу и намокла от тающего снега.

– Сеньорина Каттерина, вы расстроены. Я могу вам помочь?

– Мне помогает ваше присутствие рядом.

Она сомкнула губы и сдвинула брови, тонкие и выразительно очерченные, как серпы первых дней молодой луны. Раффаеле понял, что говорить она не хочет. Его не удивляла печаль княгини Нины, провожающей в поход мужа. Но почему Екатерине, девице восемнадцати лет, не имеющей ни мужа, ни брата, ни жениха, Нина пересказывала известие с деликатностью? Почему сжимала ей руку, будто провожать в поход друга сердца предстояло Екатерине, а не ей?

Екатерина встрепенулась, когда герцог постучал золотым набалдашником трости в переднюю стенку кареты.

– Какая это улица? Уже мой дом? Простите, я не следила за дорогой...

– О, нет. Нет. Прошу вас немного подождать, – он показал знак *ni memento* и вышел из кареты.

Подождать... Вас, герцог, ждать – это честь. И вы вправе об этом просить...

Он вернулся – и вложил ей в холодные руки маленький синий букет.

– Где вы нашли цветы?

– Я знаю в Пьетробурге цветочника. Он выращивает в оранжереях цветы зимой. Эти цветы у вас называются «васильок»?

– Да. Это васильки...

– Они похожи на вас.

Екатерина улыбнулась:

– Почему вы так говорите?

– Вы знаете о языке цветов? Василёк прост и изящен – как вы. Он поймёт и разделит вашу печаль.

Она вошла в вестибюль с букетом. Хотелось закрыться в спальне. Но в верхних покоях пришлось встретиться с матерью.

– Что случилось у Ланевских? Откуда у тебя цветы, Катя?

– Оставьте меня, маман!

Двери её спальни захлопнулись.

И не открывались три часа.

Когда же настало время ехать к Ланевским, Екатерина вышла: в вечернем белом платье, в жемчужных серьгах, с лавровой веточкой в греческой причёске. Без следа тревоги и грусти на спокойном и строгом лице.

Глава V

В салоне княгини Нины обсуждали последние новости. Тройные подсвечники на чайных столиках сеяли по гостиной уютный тёплый свет. Пафосную тишину оживлял фоновый гул голосов.

Раффаеле отыскал Екатерину за дальним столиком. Она сидела на диване с сорокапятилетней графиней Шуваловой. К кругу девиц не присоединялась – их внимание развлекали молодые офицеры лейб-гвардии Преображенского полка. Преображенцы выступали из Петербурга в Вильно днём позже семёновцев.

Княгиня Нина обходила гостиную, встречала новые лица.

Подпоручик Ильин появился с двумя приятелями в числе последних. Их позвали преображенцы. Круг офицеров за спинами барышень расширялся. Девицы угощались чаем со сливками.

– Подпоручик Ильин, – Мари Заревская обернулась на него, – вы, говорят, не балуете вниманием свою сестру. На вас жалуются.

– Вы бываете у Осининых? – спросил Александр.

– Мне о вашем семействе из Москвы пишут.

– Слухами земля полнится, – подметила девица на соседнем стуле и глянула на стол с угощениями. – Подайте печенье.

Два офицера взялись за одно блюдо. Александр молчал с натянутой улыбкой.

– Герцог из Неаполя говорит с Чубаровой, – шепнула Заревская.

Девушки оживились:

– Он говорит с нею по-русски.

– Держу пари, что у герцога к ней интерес.

– К Чубаровой? Она же только и умеет, что считать цифры!

– Зато репутация безупречная.

– Даже слишком безупречная!

Подпоручик Ильин глянул на дальний столик, на белое платье Екатерины, на пуговицы над фалдами чёрного фрака Раффаеле.

– Кто такой этот герцог из Неаполя? – спросил он под ухом поручика Маслова. – Что он тут делает?

– Я с ним не знаком.

Княгиня Нина приблизилась к кружку девиц и офицеров с открытым веером.

– Господа, что вы думаете о предстоящем походе? Каковы ваши настроения?

– Надеемся, что нам дадут повоевать, – ответил молодой преображенец.

– Какие в нашей среде могут быть настроения, Нина Григорьевна, когда сам Государь Император допускает мысль, что в случае войны Наполеон нас побьёт? – добавил семёновец подпоручик Шинской. – Но мы, несмотря на то, все готовы умереть за отечество. Если Наполеон и выиграет войну с нами, кровушки мы ему попортим.

– Дай вам Бог вернуться со славой, – сказала княгиня и пошла через гостиную.

Александр последовал за нею.

– Вы принимаете подданного Неаполитанского королевства? – он брезгливо покосился на герцога.

– Герцог ди Кастеланьо – эмигрант, верноподданный Бурбонов, – княгиня Нина захлопнула веер. – Вы, подпоручик, кажется, почитаете здесь себя самым умным, если подозреваете в моих гостях шпионов.

– Простите. Вы заставили меня усомниться в моём уме, – Ильин вызвал у княгини улыбку. – Не могли бы вы представить меня ему?

– Пойдёмте.

Высокое зеркало поймало лицо Александра – на ходу он поправил русую волну волос.

Екатерина перестала улыбаться, как увидела из-за плеча Раффаеле подпоручика Ильина. Его дерзкий прищур герцогу в затылок предвещал едкую шутку или оскорбительный намёк.

– Сеньор Раффаеле, позвольте вам представить одного из наших будущих героев, подпоручика лейб-гвардии Семёновского полка Александра Сергеевича Ильина. Подпоручик Ильин служит под началом князя Петра Васильевича, – сыграв на честолюбии Александра, княгиня Нина сумела обезвредить начертанные на его физиономии намерения.

Герцог повернулся. Александр загляделся на него, как на девицу неземной красоты.

– Рад познакомиться с вами, – Раффаеле потряс ему руку. – Я солидарен с вами в желании победить Бонапарте, подпоручик.

Жемчужная подвеска подрагивала у Екатерины на груди. Она смотрела большими серыми глазами, как насторожившаяся кошка. А ведь только что улыбалась герцогу! Александр ответил на рукопожатие. И взгляд его невидимой молнией разрезал пространство между нею и Раффаеле.

Завтра он уходил в свой первый военный поход; возможно – в боевое крещение. И ни слова – ей, связанной с ним бежецкой дружбой. Они так и не простились. В гостиной княгини Нины скопилось слишком много глаз и ушей.

Прошёл день. В ночь с 8-го на 9-е марта в половине третьего бывший денщик Ивана Дмитриевича проснулся в людской от шума за окном. Зажёг свечу – и кто-то тихо постучал в стекло. Анисим взгляделся в темноту, пытаясь различить очертания набережной и Екатерининского канала, накинул старый кафтан, взял фонарь и вышел через чёрный ход на улицу. В Петербурге было тихо. Дверь скрипнула. У запертой чугунной калитки фыркнула лошадь. Анисим затоптался на хрустящем насте, приподнял фонарь, прищурился.

– Эй! – позвал его кто-то вполголоса у калитки.

– Кто тут?

Свет фонаря направился в блестящие глаза привязанной к ограде гнедой лошади.

– Открой говорю! И перестань слепить своим фонарём!

Рядом с лошадью проявилась фигура офицера в чёрном кивере²⁴ и шинели с пелериной.

– Так ведь поздно, барин, все уж спят давно. Как же я о вас докладывать-то буду?

– Без тебя знаю! Ты побыстрее открывай, у меня времени нет!

Анисим нащупал в кармане связку ключей, потыкал наугад в замочную скважину. На второй раз попал. Вгляделся в лицо офицера сквозь темноту:

– Александр Сергеич, вы? Неужто дело какое важное у вас? – он зазвенел ключами, отпирая калитку. – Так как же я барина Ивана Дмитрича будить стану в такой-то час?

– Слушай меня! – шёпотом сказал подпоручик, входя за ограду. – Никому ни о чём не докладывай. Разбуди только Екатерину Ивановну и передай, чтобы барышня немедленно вышла сюда! Да побыстрее, мне некогда ждать! Понял меня?

– Слушаюсь, барин! Как не понять? – и Анисим старческим тяжёлым бегом потрусил к дому. Пробежал напрямик в девичью, растолкал горничную барышни Настасью. Та сонно захлопала глазами и в одной рубаше побежала в верхние покои.

Екатерина не умела быстро пробуждаться. Она имела привычку сидеть четверть часа с закрытыми глазами на пуфе перед камином или трюмо.

– Барышня, проснитесь же ради Христа! Барин ждёт! Дайте ж, барышня, чулочки... обутку...

²⁴ Твёрдый высокий головной убор военных с козырьком.

Разомлевшие ноги спустились в туфли. Настасья сунула ей под нос фарфоровую чашу – оживить лицо холодной водой; смахнула ночной чепец, провела гребнем по спутанным волосам. На ходу накинула ей на плечо редингот, на простоволосую голову – маленькую шляпку с перьями.

Екатерина выбежала на улицу и окунулась в мартовскую влажную прохладу. Ночной стылый воздух прохватил тело.

Александр нервно прохаживался до ограды и обратно. Хрустнул наст позади – он обернулся.

– Почему вы так долго, Катрин? У меня совсем нет времени ждать!

Она запахнула полы серого редингота, накинутаго на одну сорочку...

Александр – в походной форме! Шинель с пелериной, кивер с чёрным пушистым султаном, латунный двуглавый орёл поблёскивал над козырьком.

– Простите... Быстрее выйти я не могла.

– Бог с вами! Катрин, я спешу, мне нужно в казармы. У меня лишь полчаса времени! Я знаю, что могу положиться только на вас. Я не могу пойти с просьбой к княгине Нине Григорьевне.

– С какой просьбой?

– Катрин, вы знаете, что теперь мы с вами свидимся нескоро, да и свидимся ли, одному Богу известно...

– Зачем вы так говорите?..

Его руки в белых перчатках сжали её плечи.

– Катрин! Мы все понимаем, что война неизбежна, хоть нам и не говорят о ней. Потому я прошу вас меня простить за всё.

Она хотела ответить, но холодный ночной воздух наполнил грудь и не дал вымолвить ни слова.

– Простите меня! – повторил Александр.

– Мне нечего... прощать вам. О чём вы хотели просить меня?

– Сейчас я еду в казармы. Мне поручено отправить слабых на фуражный двор к обозам. Мы выступаем в половине девятого утра и вечером будем в Царском Селе. Я прошу вас, привезите ко мне Веру!

– Откуда вы выступаете?

– Я вывожу свой взвод на Глебов двор. Какая нужда вам знать?

– Куда мне приехать с Верой?

– При выходе полка вам присутствовать не следует! Поезжайте днём за нами. Вы нас догоните, и мы успеем повидаться на стоянке. Княгиня Нина Григорьевна, верно, поедет к Петру Васильевичу. Поезжайте с нею, вы найдёте нас! Вы поняли меня, Катрин?

– Да, поняла. Я привезу к вам Веру.

– Благодарю вас! – Александр выдохнул, как после исповеди. Глаза его будто промылись ключевой водой, стал чище звёздный блеск в обволакивающих Екатерину зрачках...

Оставив на её тёплых губах вкус лёгкого поцелуя, он взглянул ей в лицо последний раз. Замер на минуту... И сделал шаг в сторону калитки.

– Александр!

Он вернулся, притянул её за хрупкие плечи – и серое сукно шинели обожгло ей щеку. Замёрзшие руки проникли под ремешки ранца, почувствовали крепость его спины.

– Всё... Мне пора, Катрин!

Он отцепил от шинели её руки и отдалился на шаг, продолжая их удерживать:

– Прощайте!

Её холодные пальцы соскользнули с лосиной кожи белых перчаток, и Александр поспешным шагом направился к калитке.

Екатерина смотрела, как он отвязывал лошадь, как вспрыгнул в седло. Она стояла на холоде, пока отдалённый цокот копыт по скользкой мартовской мостовой не затих. Губы горели, а сердце металось между счастьем любви и грустью разлуки.

Анисим не спал, дожидаясь барышню на лавке под лестницей у чёрного хода.

– Уехал барин?

– Уехал... Ты, Анисим, ступай, запри калитку. И спать пока не ложись, надо будет два письма доставить.

– Прямо сей же час, ночью? – связка ключей загремела у него под вытянутым рукавом.

– Так уж скоро утро. Как я напишу, так и отвезёшь.

Она поднялась в свои покои и написала две записки: к Вере Ильиной и к княгине Нине Ланевской.

В доме в предутренние часы остывали печи. Екатерина забралась на широкую кровать-кушетку и завернулась в одеяло. В ожидании рассвета она смотрела на окно и сладко улыбалась.

Скоро закончится ночь, вдоль набережной под окнами начнут ходить разносчики. Послышатся с улицы привычные голоса, зычно начинающие пробуждение Петербурга: «Ножи-ножницы точить!», «Молоко, творог, сметана!» По-петербургски чинно куранты в Петропавловской крепости зазвонят «Коль славен наш Господь в Сионе». Настанет утро – первое утро, когда Александра в Петербурге нет.

Пусть!

Мягкое облако блаженства любви носило её над земными заботами. Глядя на жизнь сверху, она ничего теперь не боялась. Потому что у неё он – есть.

Около восьми часов над Петербургом заиграл марш лейб-гвардии Семёновского полка. Это шли за знамёнами. Екатерина куталась в одеяло и слушала сквозь стекло зависающие в воздухе далёкие звуки. Барабаны били грозно...

Перед завтраком принесли записку от Нины: «Выезжаем в полдень. Будь готова в 11½. За Верой я пришлю экипаж».

Мартовский снег, крепкий и мокрый на обочинах, царапал дверцы кареты. По Царско-сельской дороге только что прошла пехота, благодаря чему колёса не увязали в тающем снегу и ровно ехали по протоптанной колее.

Спустя два часа езды шестёрка замедлила шаг. На ходу княгиня Нина приоткрыла дверцу, чтобы посмотреть вперёд. Ветер принялся ломать поля её белой шляпки, заиграл серыми перьями. Впереди ползли обозы с провиантом.

– Извольте посторониться, служивые! – кучер Ланевских вытянул бородку клинышком.

Накрытые рогожами повозки друг за другом встроились в ряд у обочины. Княжеский экипаж миновал их. Обозные поднимали головы – разглядывали, чей герб светится на карете.

На телегах, свесив ноги, сидели солдаты в шинелях и киверах. Больные. Слабые – как говорил Александр. *Он* командовал этими усами лицами. Верно, *он* посадил их сюда. И, глядя на их понурые головы, Екатерина чувствовала общее с ними, оттого что они находятся близко к её Александру. Возможно, в его взводе... Она смотрела в окно и улыбалась – а экипаж ехал мимо обозов и оставлял позади провожающие глаза.

И вот лошадиный запах развеялся, и кучер снова придержал вожжи. Впереди шли стройные ряды пехоты: в шинелях, чёрных киверах, с полусаблями на белых портупях. У всех одинаково торчали штыки ружей. Они шагали в ногу, не сбиваясь, – все, как один, крепкие в плечах. Кучер попытался обойти строй и велел фореитору²⁵ повести лошадей влево, но один

²⁵ Человек, сидящий, при езде четверкой или шестёркой, верхом на передней лошади и управляющий передней парой.

из унтер-офицеров указал ему на длинную рытвину с водой у обочины – и шестёрка осталась позади. Пришлось ехать за пехотой след-в-след, подстраиваясь под скорость их шага. Чтобы развлечь себя и неизвестных особ в карете, солдаты запели полковую песню:

Мы верно служи-или при русских царях,
Дралися со сла-авою-честью в боях,
Страша-атся враги-и наших старых знамён,
Нас зна-ает Росси-ия с петровских времён.
Ца-арь Пё-тр покрыл нас сла-вою побед,
И помнит бой, По-олта-вский бой помнит швед.²⁶

Карету догнали обозы и встроились за нею в одну колонну.

– Далеко ли до Царского? – спросила Вера. – Неужели мы так и проедем весь день?

Княгиня Нина снова выглянула в открытую дверцу. Впереди простирались заснеженные холмы, а строй пехоты тянулся вдаль.

За холмами открылась небольшая деревня. По другую сторону дороги на снежном пространстве с редкими тонкоствольными сосенками, елями и осинками полк устраивался для обеда. Нижние чины отдыхали стоя, опираясь на ружья, в ожидании обозов с провизией. Одни успели набрать хвороста и разводили костры, другие готовили котелки для обеда. Кто-то заготовил сослуживцам байки, и солдаты разражались мужицким грубым смехом.

Экипаж Ланевских остановился на краю деревни. Дамы сошли на притоптанный снег – и закрылись от ветра. Нина послала фореитора осведомиться, где остановился полковник князь Пётр Ланевский.

Пётр Васильевич обедал в избе.

– Прикажете ехать в деревню? – спросил кучер.

– Не нужно, – ответила княгиня. – Я не гнушаюсь пешими прогулками.

В сопровождении фельдфебеля она направилась через дорогу к избам, окружённым штаб-офицерскими каретами и выючными лошадьми.

Екатерина и Вера остались вдвоём у своей шестерни. Щурясь от колючего ветра, они искали глазами Александра. Тысяча восьмьсот человек заняли огромную снежную равнину. Повсюду слышались мужицкие голоса, треск хвороста в кострах, крики обозных, раздающих провиант. Кто-то слепил себе из снега пuffy. Молодой прапорщик прохаживался мимо:

– Надень портянки как полагается! Не сидеть на снегу!

Костры гнулись на ветру. Солдаты тёрли глаза от летящего пепла, лица их покраснелись. В гуляющем дыму не различались по званию одинаковые шинели и кивера.

Один офицер вдаль гладил гнедого коня, привязанного к молодой берёзе. Оглянулся...

И вот он уже бежал по разбитому насту.

Александр! Сердце у Екатерины заколотилось отзвуком барабанов, сотрясающим оконные рамы утром. Васильковый воротник отражал цвет его глаз. Двуглавый орёл на кивере лунно блестел в рассеянном свете дня.

Дождавшись его радостной улыбки, Вера пошла навстречу. Они протянули друг к другу руки. Обнялись – и Вера заплакала. Александр тут же развеселил её с первой фразы. Голоса их заглушала солдатская болтовня.

Екатерина улыбалась, наблюдая сцену прощенья и семейного воссоединения. Одна на дороге. словно её никогда не существовало для семьи Ильиных. Какой незаметной казалась теперь её роль!.. Ветер раздувал полы редингота, и она грела дыханием руки в тонких серых

²⁶ Марш написан в 1796 году командиром Семёновского полка генералом-майором А. Римским-Корсаковым.

перчатках. Но что ветер? Ради искренней улыбки Александра она согласилась бы зябнуть до смерти.

Брат с сестрой подошли в обнимку.

– Садись в карету, Вера, не стой на ветру, – Александр подал ей руку, помог подняться на ступеньку. Затворил дверцу.

– Мне надобно сказать вам, Катрин, – он заметил, что Вера смотрит на них из окна. – Давайте пройдемся.

Меховые серые полусапожки скользили плоскими подметками на обломках наста вдоль обочины – Екатерина едва поспевала за быстрым шагом Александра. Солдаты поглядывали на них и довольно хлебали деревянными ложками из котелков. Дуло картофельно-говяжьим бульоном.

Они дошли до привязанных к осине двух лошадей с пустыми санями. Александр остановился. Повернулся лицом. Екатерина смотрела на него доверчивыми, ясными, какими-то (чёрт возьми!) одухотворёнными глазами.

– Катрин, я благодарен вам за Веру. Но... Я буду честен с вами. Я прошу вас не ждать от меня ничего и не надеяться. У меня нет намерений жениться на вас.

Тёмно-серые дуги её бровей дрогнули.

– Вы не любите меня. Но почему вы прощались со мной так, будто...

– Прошу вас, не спрашивайте! Не говорите о чувствах! Катрин, я вижу своё будущее на военном поприще. Служба в гвардии – главное в моей жизни. Я не свободен в выборе жены. А вы не соответствуете кругу жён офицеров нашего полка. Да, вы из хорошей семьи, ваша безупречная репутация вызывает дрожь у всякого, кто слышал о вас. Вы образованны, умны. Нет сомнений, что командир полка одобрил бы брак. Но жёны офицеров гвардии должны иметь общие интересы – а у вас в голове одни цифры и счёты. Мне нужна жена, которая будет танцевать со мной на балах, устраивать званые вечера и очаровывать на них гостей. Вы принимать гостей не любите. К тому же, ваши прямые суждения только отпугивают! Иметь свой собственный ум – это, конечно, похвально, но жене офицера следует проявлять и мягкость, и гибкость характера в особых случаях. Жена подпоручика обязана склонять голову перед жёнами капитана и полковника. Вы же не уступите самому Криденеру, если глубоко не сойдётесь с ним во мнениях. Вы не научены ни петь, ни музицировать, спотыкаетесь на ровном паркете, а за столом у вас на платье всякий раз оказывается капля щей или варенья. Ваши промахи делают вас предметом насмешек моих приятелей, командиров и их жён – тех, от кого прямо зависит моё продвижение по службе! Мой полк не допустит, чтобы вы оказались выше по положению иных уважаемых дам. А это значит, что и мне придётся распрощаться с карьерой. Но я от своей цели отказываться не хочу!

– Мне нечем возразить вам. Я знаю, что жёны ваших командиров не признают меня. Но разве и Нина Ланевская состоит в их числе?

– Княгиня Нина Григорьевна – единственная, с кем вы дружны, но вы стоите для неё по другую сторону от общества офицерских жён. Вы не можете входить в нашу полковую семью, как в неё не входит ваш друг – герцог ди Кастеланьо. Ваша дружба для Нины Григорьевны – как развлечение, она не имеет ничего общего с продвижением по службе князя Петра Васильевича. Да и терять Ланевским нечего: Пётр Васильевич – полковник гвардии. Нина Григорьевна принимает вас – ей простительно. В глазах офицерских жён вы для неё – некто вроде собственного скомороха.

– Я поняла, – Екатерина заставляла себя смотреть не на снег под ногами, а в лицо Александру. Только бы не дрожали губы, только бы не унижать себя слезами!

Она хотела уйти, но разговор казался неоконченным.

Да разве стоило спрашивать позволения?..

– Пойдите, Катрин! Я ценю дружбу с вашей семьёй. На балу у Ланевских, когда вы утопили в колодце мои пистолеты... Две дамы, чьих имён я не стану называть, оскорбительно отзывались о вас.

Александр рассказал ей в подробностях, как случилась известная ссора со штабс-капитаном Черевиным. Не упустил ни единого слова честивших её красавиц.

Она слушала – и склоняла голову против воли. Взгляд её сделался тяжёлым – под тенью нахмуренных бровей. Ветер рвал шляпку, туго подвязанную под подбородком.

– Позвольте мне идти, – прошептала Екатерина. И пошла прочь. Не оглядываясь.

За воем ветра она не слышала, что Александр следовал за нею до экипажа.

– Благодарю вас, что выслушали меня с достоинством, – он открыл дверцу и предложил ей руку опереться.

Екатерина не дала ему руки.

И слава Богу – Нина не вознамерилась провожать Петра Васильевича до Царского Села!

Глава VI

– Катя, посмотри-ка, первые подснежники! – Александра Павловна вошла в комнату дочери с букетом, перевязанным голубой лентой. – Это тебе от сеньора Раффаеле принесли.

Екатерина две недели провела в постели, и только к Крестопоклонной горячка отступила. Тусклыми, впалыми глазами она следила, как маменька опускала короткие стебли подснежников в пустую вазу. На туалетном столике рядом с кроватью копились записки с пожеланиями выздоровления: десять от княгини Нины Ланевской и ни одной от Веры. Проводив Александра в Вильно, Вера уехала в Москву.

– Хочешь, киселя прикажу Настасье принести?

Екатерина поморщилась и отвернулась на бок.

– Ну, отдыхай. Отдыхай, – Александра Павловна вздохнула и тихими шагами ушла, затворив дверь.

Подснежники клонились из гранёной вазы белыми крылышками. Маман не налила воды... Что с ними станется? Зачахнут, не вынесут сухости натопленного дома – как Екатерина не удержалась от простуды.

Она потянулась за графином, но вошла Настасья с полным кувшином воды для цветов.

– Барыня приказали окно расконопатить. Говорят, дохтур позволил у вас проветривать.

В просторную спальню хлынула влажная свежесть весеннего воздуха. Екатерина услышала журчание под крышей талой воды и звон колоколов. Эти звуки стали напоминать ей, что за пределами её собственной жизни тоже есть жизнь.

Она подняла подушку и села на кровати. Заправила за уши слипшиеся волосы.

– Настасья, подай мне рукоделие.

Тонкая игла принялась вплетать в белое полотно синие и зелёные крестики, рисуя воды Неаполитанского залива.

Когда Настасья унесла ворох сухой пакли, Екатерина запахла на груди кофту и, опираясь о комод и стулья, подошла к окну. Она увидела ледоход на Екатерининском канале и сидящих на чугунных бортиках ворон. Разносчик кидал воробьям сушёный крыжовник.

Пришлось вернуться в постель: мучил кашель, и слабость одолевала ноги.

Весна пришла в северную столицу проливными дождями. Твёрдый залежалый снег к середине апреля ещё виднелся кое-где, но каменные мостовые старательно расчищались дворниками и блестя, обильно орошаемые дождевой водой.

В Вербное воскресенье Екатерина поехала с княгиней Ниной в новый Казанский собор. После праздничной Литургии облака на северном небе Петербурга разошлись. Белое солнце подсушивало лужи тёплыми лучами.

Подруги ехали в открытой коляске по Невскому проспекту с веточками спящей вербы в руках. Шаль с русским узором обвивала плечи княгини и трепетала от ветерка. Екатерина похудела из-за болезни, но живительный воздух весны свежил её лицо.

Вся ширина мощёного проспекта кишела открытыми экипажами. Из них кланялись двухуголки и шляпки. Богатые мещанки прогуливались пешком под руку с кавалерами. Стучали трости под скрип покрытых рогожами телег, под выкрики разносчиков:

– Постные пирожки!

– Крыжовник! Сушёный крыжовник!

– Первоцветы, подснежники... Купите цветочки!..

У базилики Святой Екатерины католики выходили с мессы. Маркиза Сан-Чезаре и Биатриче первые замахали руками. Коляска княгини завернула к ступеням.

– У вас праздник! – Сибилла схлопнула ладошки от вида вербы. – Позвольте вас поздравить! Дорогая Катарі, вы здоровы и выезжаете!

– Есть ли новости от князя? – спросил Раффаеле.

Нина подала ему руку в агатовом браслете.

– Последнее письмо было из Белоруссии. Пётр Васильевич в добром здравии, но дорога трудна из-за дождей и ледохода.

Екатерина безучастно смотрела на букет вербы в своих руках и пряталась под полями шляпки. Нина одна знала о разговоре между нею и Александром на Царскосельской дороге.

– Вы позволите навестить вас? – обратился к ней Раффаеле, когда карета разворачивалась на Невский.

– Да.

Май и июнь 1812 года выдались дождливыми. Но Петербургская погода имела переменчивый нрав, чередуя знойный покой с пронизывающими ветрами и ливнями.

Наступала пора белых ночей и дивного заката, какой бывает только в Петербурге – когда в лёгких прозрачных сумерках небо становится голубовато-жёлтым, а за Зимним дворцом солнечный свет расплывается сплошной розовой зарёй, оттеняя плоские силуэты длинных северных облаков.

21-го июня герцог посетил дом Чубаровых и спросил позволения взять Екатерину на прогулку с Биатриче и Джулиано.

– Вам не надобно спрашивать, сеньор Раффаеле! – ответила Александра Павловна. – Катя поедет!

Желание дочери она не брала в расчёт. Но Екатерина и сама тянулась к Раффаеле, как к целительному источнику.

Они отправились в Летний сад. Старики Чубаровы лишь сопроводили дочку – и уже спешили от неё отделаться. Повстречали знакомых и присоединились в беседке к игре в вист.

Екатерина и Биатриче, гуляя рука об руку, прятались от солнца под белыми зонтиками. Раффаеле и Джулиано шли позади. Прохладный ветерок шелестел кронами высоких лип. В листьях весёлым щебетанием перекликались птицы. Из-за бурых стволов, словно бывшие когда-то живыми, а теперь закованные в мрамор, выглядывали замершие в разных положениях фигуры античных богов. Биатриче останавливалась возле каждой статуи:

– Смотрите на Вакха в венце с виноградной гроздьёй! Глаза – как живые. Как будто скульптор лепил его с портретов из вашей семейной галереи, Джулиано!

Джулиано смеялся:

– Полно, Биатриче! Он уродец с отколотым носом!

– Почему уродец? – Екатерина хмыкнула в нос (хорошо, не слышали маменька и покойный месть Шапелье). – Это же искусство.

– Если бы вы увидели наши скульптуры в парке Казерта...

– Что ж... Верю. А кем были ваши предки, сеньор Джулиано?

– Род отца идёт из Рима, но имеет греческие корни. А донна Сибилла – истинная неаполитанка.

По берегу Лебяжьей канавки они дошли до пруда, усыпанного лилиями на плоских листьях. В прозрачной воде били хвостами карпы, а по искрящейся ряби волн плавали белые лебеди.

– Смотрите, какое чудо! – Биатриче подбежала к зелёной решётке над крутым спуском.

Джулиано снял шляпу, чтобы ветер случайно не унёс её в воду, и присел на корточки. Стал подсвистывать птицам.

– Давай их кормить, Джулиано! На набережной я видела торговцев *panelle*²⁷! – Биатриче махнула себе за плечо. – Пойдём искать!

Она оглянулась на Раффаэле, спрашивая живыми серо-голубыми глазами, можно ли пойти, – улыбнулась с детской радостью и побежала по дорожке к набережной Мойки. Белое платье с розовой лентой под грудью и светло-коричневый фрак скрылись за стволами и зеленью лип.

– Они совсем не видели детства, – Раффаэле улыбнулся им вслед.

Он предложил Екатерине руку опереться – она осмелилась лишь коснуться его чёрного рукава слабыми пальцами.

Каменная дорожка огибала пруд. Дамы под зонтиками ловили взгляд герцога. Его чёрные волосы из-под фетровой шляпы сияли ровным блеском, глаза флиртывали с солнцем. Глубокий цвет их таял, расходясь от зениц тёмно-огненными лучиками.

Знакомые лица узнавали *mademoiselle* Чубарову. Она то и дело спотыкалась о камни, и рука её в белой перчатке скользила под локоть Раффаэле. Кофейный шарфик едва не потерялся, зацепился за липовую ветку.

Статская советница Шамшева шла с дочерью навстречу. Девушка прятала нежное кокетство в притворно-застенчивой игре ресниц.

– Катрин! Вы нынче без Нины Григорьевны?

– Нина Григорьевна не выезжает без Петра Васильевича. Я с матушкой. Они с отцом в беседе.

– Сам Иван Дмитрич здесь! Право следует подойти, засвидетельствовать почтение. А Нине Григорьевне я сочувствую. Вы слышали, что французы перешли Неман и заняли Ковно? Нескоро теперь вернутся наши военные.

Вечером Екатерина была у Нины Ланевской. И княгиня, возвратясь из дома одной из офицерских жён, нервно скидывала перчатки на стол и пересказывала последние новости. Наполеон двигался с армией к Вильно.

Так в Россию прокралась война. Без громкого объявления – не всколыхнув чинного покоя северной столицы. Летом 1812 года Петербург не зеленел гвардейскими мундирами, не золотился бахромой эполет. Невский проспект, набережные, бульвары и сады цвели одними дамскими платьями и детскими кружевами.

В салон княгини Нины Ланевской съезжались теперь для чтения писем вслух. Письмами делились, чтобы вообразить полную картину событий на Днепре. Альбомы барышень заполнялись не стихами, не нотами романсов – цитациями посланий своих и чужих братьев и женихов.

12-го августа обсуждали Смоленское сражение. Одни бранили Багратиона, другие – Барклай-де-Толли. Дамы сплотились вокруг единственного стола и княгини Нины.

Екатерина ходила за спинами гостей – мимо окон, занавешенных портьерами с золотистой бахромой. Никто не обращал внимания на размеренное движение её фигуры в белом платье. А она ходила, ходила, ходила... И о чём-то думала.

«Друг мой, Нина! С трудом отыскал возможность написать тебе, ибо только сейчас нам позволили немного отдохнуть, – читала вслух княгиня. – Вот уже второй день, как мы отступаем от Смоленска. Город занят французами, которые безжалостно жгут всё, что в нём есть. Два дня наши воины мужественно защищали Смоленск. Погибли многие, но наш полк оставался в резерве, а потому все живы и здоровы. На сердце у всех тяжело, и сил, кажется, никаких нет. Прости, что пишу тебе жалобы. Здесь не хватает твоей ласки. Ложусь спать и представляю твоё лицо. Но за день устаю так сильно, что сон не позволяет долго наслаждаться мечтами.

²⁷ булочками (неап.)

Обедаем мы, признаться, ужасно, даже без хлеба, но всё же не голодаем. Прости за короткое письмо, но времени совсем нет. Самое главное – тебе теперь известно, что мы живы, и ты, мой друг, будешь покойна. Прошу тебя передать привет всем нашим друзьям и добрым знакомым. Передай им, что не теряем мы надежды одолеть нашего общего врага, и пусть молятся за нашу армию. Искренне любящий супруг твой, полковник князь Пётр Ланевский».

Раффаэле наблюдал за Екатериной. Она замерла у окна, словно Римлянка из Летнего сада: каменное лицо, две белые ленты вокруг головы. И смотрела через стекло на чёрные волны Невы.

Глава VII

29-го августа, угощая герцога чаем в гостиной, Александра Павловна возмущалась последними новостями:

– Вообразите, что пишет Евдокия Николаевна: французы уже за двести вёрст от Москвы! Говорят, не следовало доверять командование немцу.

– Я не знаю господина Барклая-де-Толли, – ответил Раффаеле. – Но возможно ли обвинять генерала в неверной стратегии только за то, что он не русский? У нас комендант Гаэты тоже был немец²⁸, но защищал крепость как настоящий патриот. Тогда как иные неаполитанцы продавались французам.

– Я знал Барклая. Шапочно, – буркнул Иван Дмитриевич.

– И что вы о нём скажете? – спросила Александра Павловна.

– Ничего. Моё какое дело?

Екатерина не добавляла ни слова, склоняясь над пальцами у клавикорда. Раффаеле поглядывал на её прямой пробор, на подвёрнутые на висках тёмно-русые локоны. Медлительная рука с иглой тянула цветную нить. Загадочное равнодушие! Она усердно делала вид, что рукоделие занимает её больше, чем война.

После визита к Чубаровым Раффаеле, привыкший к обеденному отдыху, гулял по тенистому бульвару на Невском проспекте. Здесь его заметила графиня Буксгевден – дама почтенного возраста, входящая в дом Ланевских. Она шла с компаньонкой.

– Какая приятная встреча, господин герцог! – графиня подала ему холодную руку из-под бежевой шали. – Встретить нынче кавалера на бульваре – величайшая редкость и счастье для одинокой старушки: повсюду одни гувернантки с воспитанницами. Вы позволите?

Она оперлась о его локоть.

– Вы уж простите, милостивый государь, но в мои лета позволительно с вами малость пококетничать. Ваш предмет не возымеет на меня обиды.

– Пред-мет... Простите. Что значит это русское слово?

– Ах, предмет! – графиня засмеялась. – Я говорила о молодой Чубаровой. Все знают, что вы бываете у них. Александра Павловна молчит о ваших намерениях касательно её дочери, но свет всё-ё понимает... что вы ездите к Чубаровым – не с Иваном Дмитричем поболтать.

«Не – с Иваном Дмит-ри-щем – по-болтать...» Губы Раффаеле повторили замысловатую фразу.

На набережной Мойки он распрощался с графиней и перед дворцом Строгановых поймал пролётку.

– Куда прикажете, ваше сиятельство? – длиннобородый извозчик подтянул жёлтый кушак.

– Английская набережная.

Княгиня Нина Ланевская – вот кто расставит точки над *i*!

Паисий проводил герцога в широкую прохладную залу с колоннами и высокими зеркалами.

За белыми дверями послышалось эхо женских шагов по паркету. Позолоченные дверные ручки повернулись, и княгиня показалась в зале – в розовом платье с мерцающей пряжкой под грудью, с простым греческим узлом без локонов.

– Приятная неожиданность, сеньор Раффаеле! – она подошла, улыбнулась и подала руку в кольцах. – Я рада вам!

– Мой визит к вам... Я прошу вас помочь мне...

²⁸ Принц Людвиг фон Гессен-Филиппшталь.

Нина указала на белый диван-кушет у стены. Села сама. Дождалась, когда сядет герцог. И обратила к нему умные глаза:

– Я вас слушаю.

– Княгиня, мы хорошие друзья, и только вы можете мне разъяснить. Верно ли я понимаю? Мои визиты в дом Чубаровых компрометируют сеньорину Каттерину? В России строгие правила. В Неаполе всё проще, мы не придаём значение многим вещам.

Взгляд её вильнул на ковёр.

– В ваших визитах как таковых свет не находит предосудительного, сеньор Раффаеле. Но, как я вижу, вас беспокоят толки вокруг ваших отношений с семьёй Чубаровых. И подозрения относительно ваших намерений. Тогда я скажу вам: да, подозрения породили ваши открытые визиты в дом родителей незамужней дочери. Если они не оправдаются – это и скомпрометирует Екатерину.

– Возможно ли этого не допустить? Как я могу поправить сие недоразумение?

– Поправить – в ваших силах.

– Скажите мне. Как?

– Сеньор Раффаеле, вы сами знаете: едва ли найдётся в Петербурге человек, который не обожал бы вас! Достаточно одного вашего слова – и дело тотчас переменится!

– Вы говорите полусловами, княгиня! – он покрутил пальцами над ухом. – Мне трудно понимать вас. Скажите прямо. Мои визиты к Чубаровым налагают на меня обязательства перед сеньориной Каттериной?

Нина подняла изломы бровей:

– Сеньор Раффаеле! Я не могу сказать вам, как поступить! Не мне указывать вам, что вы должны делать – и должны ли!

– Княгиня! Я приехал к вам, как к другу. Но даже вы говорите со мной не как друг! Даже вам мешает легенда о моём королевском происхождении!

Раффаеле вышел из дома Ланевских, пересёк мостовую и остановился на гранитном берегу Невы. По Английской набережной гуляли петербургские аристократы, постукивая тросточками о камни; прохаживались дамы с зонтиками, ошивались разносчики-торговцы, катились пролётки, скрипели телеги с соломой и бочками. Он надвинул шляпу на лоб и отвернулся к Неве.

Перед глазами на противоположном берегу желтело здание Академии художеств. По медленному течению плыли парусники и челноки с грузом. Заморосил мелкий дождь, оставил влажные крупинки на чёрном фраке. Строгие здания с колоннами взыскательно смотрели герцогу в глаза с Васильевского острова, где вместо улиц – линии, прямые, как правила петровского этикета.

Погода переменялась: серое небо разбросало тучи, открыло голубое пространство. Над Невой поплыли перистые северные облака.

Перед домом княгини Нины ждал извозчик. Ждал извозчик, ждал петербургский свет. Но ждала ли Екатерина?

Раффаеле застал её дома одну – в гостиной. Она по-прежнему сидела у изразцовой печи и клавикорда и вышивала неаполитанский пейзаж – в безмятежном мире тишины, размеренного маятника часов и голубых стен.

– Отчего вы вернулись? – Екатерина подняла на него строгие глаза. И потянулась к клавикорду, чтобы положить рукоделие.

– Прошу вас, не вставайте! – Раффаеле выставил руки.

Она замерла на стуле, прижимая к себе полотно с воткнутой под стежки иглой.

– Что случилось, сеньор Раффаеле?

– Сеньорина Каттерина, – он взглянул на неё сверху. – Каттерина! Мои визиты в ваш дом привлекли внимание общества Пьетробурга. Я искренне не желаю погубить ваше положение – и прошу вас стать моей женой.

У неё дрогнули ресницы. Глаза не выдержали – убежали к ножке клавикорда. Королевская красота герцога слепила их.

Длинный носок его чёрной туфли подвинулся на полдощечки паркета к шёлковой бахrome её подола.

– Но, сеньор Раффаеле, вы же не любите меня, – тихо произнесла Екатерина и встала. Откинула скомканное полотно на клавикорд.

– Вас нельзя не полюбить.

– Это вас нельзя не полюбить!

Он приблизился. Вгляделся в её неподвижные серые глаза. Русские глаза – раскрытые по-славянски, с восточно-зауженными уголками.

– Смогу ли я сделать вас счастливой?

– Я не сомневаюсь. Но, сеньор Раффаеле...

– Говорите мне «Раффаеле».

– Нет, сеньор Раффаеле! Я не могу вас так называть!

– *Ddìo mio!*²⁹ – его рука потянулась ко лбу.

– Сеньор Раффаеле, – Екатерина теребила кисейную канзу на груди. – Я не знаю, что ответить вам. Я не готова ответить вам сейчас. Я никогда не получала подобных предложений, со мною это впервые в жизни. К тому же, от вас... Я должна подумать.

– Как вам угодно, – он покачал руками перед собой. Словно погладил разделяющее их пространство. – Вы свободны. Моё предложение не обязует вас ответить немедленно. Я выслушаю вас, когда вы будете готовы и уверены в своём решении.

Екатерина не сказала родителям о разговоре с Раффаеле. Забросила рукоделие, книги. Два дня ходила по дому из комнаты в комнату.

«Стать герцогиней?.. Что будет? Наполеон подступает к Москве. Если он захватит Россию, мне придётся бежать вместе с сеньором Раффаеле. Куда? А вдруг его найдут... Нет! Страшно думать! А если Россия выиграет войну, разобьёт французов? Тогда мы останемся с ним в России. Возможно, однажды Бурбоны вернут Неаполь. Если так случится, я уеду с ним туда. Но смогу ли я отдать ему всю себя? Не вспоминать об Александре? Да разве возможно рядом с сеньором Раффаеле думать о другом? Если бы маменька узнала о предложении сеньора Раффаеле, она заставила бы меня согласиться. Разве нашлись бы причины для отказа? Ведь их нет? Почему тогда я сомневаюсь?»

Долгие хождения помогали ей думать. Бывало, в деревне Екатерина обходила парк, берёзовую рощу. До леса. Однажды, бредя лесными тропами, она встретила на тающем снегу огромную звериную лапу – и поняла, что едва не заблудилась. О чём, о ком она думала тогда, что забыла о времени и не считала пройденных шагов? Это был конец Великого поста, близилась последняя Пасха в деревне. Осенью её ждал Петербургский свет, а летом – приезд Ильиных и встреча с Александром, будущим выпускником кадетского корпуса.

«Вот смотрю я сейчас на эти летящие жёлтые листья, а думаю о сеньоре Раффаеле, – размышляла она в полдень 1-го сентября, проезжая в коляске сады особняков. – Почему они напоминают мне о нём? Может ли быть кто-то лучше сеньора Раффаеле? Что скажет Нина, если я спрошу её совета? Она скажет: согласиться. Да, так и будет. Ведь причин для отказа – нет».

²⁹ Боже мой! (неап.)

Лошади остановились на Английской набережной.

– Нина Григорьевна в своих покоях, – сказал лакей.

Екатерину пускали к Ланевским без доклада. Она поднялась по лестнице, прошла через залу и гостиную в половину дома, где находилась спальня княгини. Нина вышла к ней. Она безошибочно узнавала Екатерину по шагам в темпе *andantino*.

– Нинетт, я хотела... У меня в голове одни вопросы, вопросы... А мне нужен ответ!

Княгиня смотрела на неё влажными глазами. Веки у неё набухли и покраснели, на ресницах поблёскивали невысохшие слёзы. Из-под мизинца сжатой руки торчал уголок мокрого платка.

– Нина... Что?.. Что случилось? Пётр Васильевич?..

– Поди сюда.

Она провела Екатерину в свою спальню, усадила на кушетку. Подошла к комоду, где на подносе лежали письма, и подала ей конверт со сломанной печатью:

– Прочти.

Томящий жасминовый аромат пронизывал Нинину постель. Сложенный вчетверо лист сам распался в руках.

«Дорогая Нина! Пишу тебе, находясь на бивуаке».

Пётр Васильевич жив – слава тебе, Господи!

«Прости за почерк, писать приходится на коленях в палатке. Я живой! Это главное, что обрадует тебя, ибо не всем досталась такая участь после трех дней боя. Мы сражались с французами под Можайском, в местечке Бородино. Не стану страшить твою нежную душу подробными описаниями, что творилось перед моими глазами. Сколько я видел смерти, боли и человеческих страданий. Я до сих пор не осознал, к чему привёл этот бой. Должно быть, мы проиграли его, если приказано отступать к Москве. Мы потеряли в этом бою...»

Неразборчивые буквы князя запрыгали у Екатерины перед глазами.

«Одним ядром были убиты два наших офицера: граф Татищев и старший сын Олениных. Убит молодой князь Иван Туренин – наш добрый друг».

Она сомкнула веки, выдавленные слёзы потекли по лицу. Рука с письмом упала на атласное покрывало.

– Туренин... Так и вижу его лицо перед собою. Глаза большие, синие. Говорили, что он офицерское жалованье отдавал на Воспитательный дом. Ведь у него жена на сносях! И две дочки!

– Да... Да, – Нина захлёбывалась слезами.

– Сын графа Татищева – того, что воевал со шведами вместе с моим отцом! А Оленин – он был, кажется, одних лет со мной? Как же так, Нина? Как страшно! Таких, как они, больше не будет... Не будет...

Вспомнился какой-то воскресный день в приходской Спасо-Сенновской церкви. В прошлом году. Осенью. В правой половине вдруг мальчишки расхохотались. Два брата Олениных, два портупей-прапорщика. Оказалось, одному на плечо спустился паук, и тот его на другого перебросил. Два брата... Один озорной, громкоголосый, с болотно-карими всёподмечающими глазами. А в другом что-то было ангельское, как будто на земле ему и делать нечего. Екатерина оглянулась тогда на них. Рядом стоял Александр. Как в Бежецке...

Сердце кольнуло.

– Прочла ты о подпоручике Ильине? – Нина заглянула ей в глаза.

– Нет... Не-ет!

– Прочти письмо до конца. Ты всё одно узнаешь...

Прочешь... Рука дрожала. Глаза искали строку, на которой остановились, – а буквы прыгали и расплывались.

«Наш полк с пяти часов утра стоял в резерве под огнём. Подпоручик Александр Ильин был тяжело ранен картечью. Ему задело голову, перебило руку и колено. Если ногу не отнимут, ходить на ней он не сможет, как и владеть левой рукой. Когда его уносили с поля, с ним случился истерический припадок. На перевязочном пункте он потерял сознание от боли, а когда пришёл в себя, было решено отправить его в Москву на излечение. Но вот невероятная сила духа! Ильин упорно отказывается ехать с ранеными, не желает оставлять полк и намерен следовать за нами в подвижном госпитале, чтобы оправиться от ран и вновь сражаться с неприятелем».

Екатерина замерла, как неоразумлённая кукла, глядя на комод, на поднос с почтой. Слёзы высохли на разгорячённых щеках. Нина села рядом с нею на кушетку. Взяла за руку.

– Мне надо идти, – прошептала Екатерина. Пальцы её словно окостенели – не захотели разжать письмо.

Её коляска мчалась к дому. Письмо князя Петра Васильевича так и оставалось в руке. И ещё одна бумага...

Спустя час за плотно закрытыми дверями просторной спальни, где с каждого шкафчика и столика свешивались кружевные салфетки, где взбитые пуховые подушки покоились под накидкой, вышитой её рукой, Екатерина сидела за столом и писала. В тёмно-сером дорожном платье с длинным рукавом, с простой причёской, по-гречески, на пробор, – в тишине комнаты, куда сейчас никто не смел зайти, она писала к герцогу ди Кастанельо.

Сеньор Раффаэле!

После всего, что теперь связывает меня с Вами, я не могла не написать к Вам, чтобы проститься. Я уезжаю в Москву. Я еду к человеку, которого знала с детства и любила. Он тяжело ранен. Мне ни к чему скрывать от Вас его имя. Вы знакомы. Это подпоручик Александр Ильин. Я знаю, что он не отвечает на мои чувства, что его, может статься, не обрадует мой приезд.

Сеньор Раффаэле! Лучшие Вас нет никого на свете! Вас полюбит кто угодно! Но едва ли Александр будет кому-то нужен теперь, искалеченный множеством ран. А потому я принимаю решение ответить Вам отказом.

Сложила письмо. Скрепила своей печатью. Дорожная шкатулка была собрана. На кресле стоял небольшой узелок. По пути домой она выписала подорожную. До отъезда оставался час. Екатерина отправилась к Нине – проститься и вернуть письмо Петра Васильевича, перечитанное трижды в тишине спальни.

Долетев на Английскую набережную за пятнадцать минут, она стояла в гостинной перед удивлённой подругой, преисполненная решимости и упрямства.

– Возможно ли, Катрин? – Нина хваталась за голову. – Разве забыла ты, что он сказал тебе перед походом?

– Не забыла. Но я простила.

– Как так? Я не смогла бы подобного простить!

– Что ж... Не всем дано.

Княгиня сжала её тонкие запястья:

– Катрин! Опомнись!

– Не отговаривай меня, Нина.

– Но как же твоя честь?

– Лучше поступиться честью, нежели совестью.

Что ни слово – будто камень в Екатерининский тракт. Какое бесповоротное упорство! Какая твёрдость и прямота!

Спустя полчаса у дома Чубаровых ямщик впрягал четверню в дорожную карету. Екатерина прощалась с родителями в вестибюле. Она не брала с собой никого из слуг. Сказала, что едет пожить в деревню. На ступеньке лестницы стояла дорожная шкатулка. Горничная Настасья в чепце и белом кухонном переднике держала узелок барышни.

– Что же ты, Катя, – беспокоилась мать, – ни платьев, ни книжек в сундук не положила?

– Мне не нужны лишние наряды, там остались старые, – она оглядывалась на дверь, то крутя пальцами бахрому серого зонтика, то постукивая им по ладони.

Анисим бегал туда-сюда: справлялся, готов ли экипаж и хорошо ли впряжены почтовые лошади.

– Напрасно ты едешь в деревню, Катя, – покачала головой Александра Павловна. – Так просидишь в девицах, тебя и замуж не возьмут.

– Пусть едет! – Иван Дмитриевич прохаживался за спиной жены, стуча тростью о жёлтый паркет. – Её и в столице никто не берёт.

– И взяли бы! Напрасно, напрасно, Катя, ты покидаешь Петербург. Вот ездил же к тебе герцог...

– Герцог... Я отказала ему, – отрешённый взгляд её прощался со стенами.

– Отказала – герцогу?! А разве он сватался к тебе?

– Готово, барышня! – Анисим вошёл с улицы.

– Благословите меня с иконой, маменька.

Принесли образ Богородицы. Александра Павловна сделала большой крест над дочерью. Екатерина припала губами к холодному серебру оклада, поцеловалась с матерью и подошла к отцу. Он перекрестил её и стиснул в крепких объятиях.

Чёрный короб с серебрящимся родовым гербом Чубаровых покатился вдоль Екатерининского канала к Конному переулку. А родители, не ведая ничего худого, с улыбками долго махали вслед.

Часть вторая. Путешествие.

Глава I

Четвёрка лошадей несла карету осенней размытой дорогой. В окне мелькали каменные верстовые столбы, северные тонкие берёзки с гнутыми стволами и хмурое Петербургское небо. Желтизна сентябрьской листвы развлекала глаза.

Болотистая унылая природа долго не кончалась. Дорожный колокольчик звоном заглушал хлопанье колёс и копыт по лужам и слякоти. Ямщик гнал лошадей рысью: берёт их.

Миновали Царское Село. Стемнело. И Екатерина отодвинулась от окна, стараясь не замечать тревожных сумерек. Одна на почтовом тракте! Её родители и подруга остались позади – за пятьдесят вёрст. Колокольчик играл дорожную мелодию. Карета прыгала на ухабах.

К вечеру похолодало. Пригодилась шерстяная шаль.

В запотелом окне мелькнул фонарь. Косой свет упал на стекло и отразил лицо... Её ли? Будто утопленница выглянула со дна ночного пруда. Карета остановилась на станции. Дверца отворилась – Екатерина спрыгнула со ступеньки. Одеревенелые ноги по щиколотку увязли в холодной жиже.

– К-какая станция?

– Тосна, – ямщик усмехнулся себе под нос, распрягая лошадей.

Станционный смотритель равнодушно переписал в книгу подорожную. Поднял блёклые глаза:

– Ужинать не желаете?

Екатерина разместилась в дальнем углу. Спрятала под маленьким дощатым столиком промокший от грязи подол. Подали варёную картошку с сельдью и грибами.

Голод после восьми часов езды утолила. Теперь – чаю и закладывать лошадей...

– Да неужто, сударыня, сразу поедете? – удивился смотритель. – Переночевали бы. Дорога дальше хуже будет. До следующей станции двадцать пять вёрст – да всё по ухабам. В карете никак не уснёте. Да и шутка ли – в ваши-то годы одной путешествовать по ночам?

«По ухабам, не уснуть... А я попробую», – под голову Екатерина подложила шаль. Укрылась шерстяным одеялом.

Увы – рессоры не способствовали телесному покою.

Она задремала, когда карета перестала подпрыгивать, – но остановка на станции прогнала сон.

Как ни расхваливал смотритель комнаты – ни опрятность дома, ни аромат жареных отбивных с кухни, ни песчаные дорожки и клумбы с астрами не заманили Екатерину на ночлег. Чтобы отделаться от немца-смотрителя, она вышла в ночной сад и прислонилась к дереву, пока закладывали новых лошадей. Только бы не заснуть, не съехать по стволу на землю, не ободрать щеку корой...

– Извольте садиться, барышня! – крикнул ямщик. – Готово!

Она открыла глаза, когда в окне кареты брезжил утренний свет. Закутанная одеялом, как чадрой. Она одолела ночь! Впереди – десять часов света и триста вёрст!

За окном мелькали ели и сосны – всё гуще и гуще. Среди хвойного леса вдоль обочины бежали тонкие берёзки: ровные и белые, как дорожные столбы. Однообразная рябь жёлто-зелёных, зелёно-оранжевых пятен леса и непрерывающийся звон почтового колокольчика наводили сон. Екатерина дремала, собирая силы после трудной ночи на ухабах и бревенчатых гатях.

К полуночи её экипаж остановился за Новгородом, в Бронницах – у побелённого кирпичного дома. Нижний этаж занимал станционный смотритель с семьёй. Верхний служил для приёма постояльцев.

Стол со стопками бумаг и масляной лампой стоял в пустой тёмной передней комнате. Отсюда поднималась лестница с перилами на второй этаж. Смотритель переписал подорожную и предложил комнату и ужин. Дорога и тряска изнурили Екатерину до того, что ноги запинаясь за половицы.

– А смогу ли я поутру скоро получить лошадей?

– Не извольте беспокоиться, сударыня! У нас две тройки для фельдъегерей имеются – для вас лошадей хватит. Отдыхайте. Доброй вам ночи!

Жена смотрителя проводила её по лестнице в сумрачную, но чистую комнату с белыми занавесками на окнах, старой дубовой кроватью и круглым столом с белой скатертью.

Мальчик двенадцати лет расставил на столе тарелки с запечённым лососем, хлебом и пирогами, солонку и чашку горячего чая.

– Чего-то ещё изволите?

– Передай господину смотрителю, чтобы в семь часов приготовили лошадей. И приди доложить, когда можно будет ехать.

Мальчик принял гривенник, поклонился. И бесшумно затворил за собою дверь. Екатерина опустила щеколду.

Поужинала. Разделась и легла. Сумочку-кисет с деньгами надела на шею под сорочку, дорожную шкатулку спрятала под кровать. От белья пахло свежестью и прохладой. На стуле висело платье: подол морщился от сохнувшей глины. Следовало бы наказать мальчику почистить одежду...

Светало. Часы показывали без четверти семь. Екатерина открыла глаза. Оделась и уложила волосы перед старым замутнённым зеркалом над умывальником. Она забыла взять в дорогу гребень, и спутанные пряди пришлось разбирать пальцами.

В семь часов мальчик постучался в дверь.

– С добрым утром, барышня! Хозяева послали узнать, не угодно ль вам чего.

– Скажи, готов ли мой экипаж?

– Не готов, барышня. Лошадей, говорят, нету.

– Как так – нету? Разве их отдали? Приезжал ли после меня кто-нибудь?

– Господин какой-то важный под утро из Петербурга прискакали, а боле никого не было, – мальчик поклонился с равнодушно-послушным видом.

– Проводи меня к смотрителю!

Они спустились по лестнице. Из тёмной нижней комнаты мальчик отворил тяжёлую дверь и провёл Екатерину в жилые покои, где пахло пирогами, нюхательным табаком и прогоревшими дровами. В передней стояла русская печь, старые шкафы, напольное зеркало, кресла, накрытые пушистыми покрывалами, и круглый стол со скатертью. Смотритель пил чай из самовара.

– Алёшка! Ступай к господину, что приехал два часа тому назад.

Мальчик поклонился и ушёл.

– Отчего вы не даёте лошадей? – спросила Екатерина.

– Их нету-с, – смотритель хлебнул чай. – Не изволите ли позавтракать, сударыня?

– Милостивый государь! Вчера вы говорили иначе и обещали, что ждать мне не придётся! Извольте объясниться!

– У меня нет свободной четверни.

– Не стыдно ли вам обманывать? Я еду одна, к раненому офицеру! Родители мои далеко и опекать меня в пути не могут! У меня подорожная. А вы хотите взыскать с меня плату больше положенной! Если вы хотите поживиться за мой счёт, дайте мне курьерскую тройку!

– Курьерских тоже нет, – смотритель звякнул чашкой о блюде.

– Какой же упряжкой приехал господин после меня? – Екатерина прищурила глаза.

– Пятёркой.

– Пятёркой! Я приехала четвернёй, и у вас имелись вчера две курьерские тройки. У вас десять лошадей! А вы говорите: нет.

– Ловко посчитали, госпожа Чубарова! Но лошадей я вам отпустить не могу.

– Я сама пойду в конюшню – и посмотрю. Потрудитесь приготовить жалобную книгу!

Она отворила тяжёлую дверь – и в передней комнате у лестницы столкнулась с высокой фигурой в тёмно-коричневом каррике³⁰.

– Сеньор Раффаеле... Зачем вы здесь?

– Мог ли я позволить вам ехать одной, когда узнал о ваших намерениях?

Екатерина отступила на шаг и прислонилась спиной к двери смотрителевой квартиры.

– Вы проделали этот путь, чтобы остановить меня...

– Я не вправе останавливать вас, – герцог приложил руку к груди. – Поверьте мне, я рад, что доехал до вас. Я буду вас сопровождать.

Его глаза чёрным жемчугом блестели в темноте комнаты.

– Но... Как же вы, сеньор Раффаеле... Как же вы... Ведь я отказала вам...

– Ваш отказ не мешает мне быть вашим другом.

– Вы отправитесь со мной – в Москву? В военный лагерь?

– Куда вы желаете.

Он приехал в Бронницы, когда просыпалась заря. Узнал, что Екатерина остановилась на ночь, – положил смотрителю на стол ассигнацию, попросил задержать госпожу Чубарову и не отпускать ей лошадей.

Привычно зазвенел дорожный колокольчик. Четвёрка понеслась по Московскому тракту.

Под сиденьем прятался маленький дорожный сундучок герцога, а в ногах – белый голубь в клетке нарушал однообразие дорожных стуков тихим воркованием.

– Я намереваюсь заехать в наше имение, – сказала Екатерина. – Оттуда мы поедем на своих лошадях. В Московской губернии почтовых нам может не достаться.

Раффаеле улыбнулся: как легко произнесла она слово «мы».

– Вы не боялись ехать ночью?

– Правду сказать, было страшно – в первую ночь. Теперь же мне кажется, что я проеду и даже пройду пешком, если понадобится, и ночью, и бездорожьем – одна. А позвольте мне теперь вас спросить, сеньор Раффаеле.

– Спросите.

– Для чего вы взяли клетку с голубем?

– Я знаю, какво путешествовать в опасные времена, Каттерина. Почтовый голубь может быть полезен, поверьте мне.

– А где его парочка?

– Я оставил её Биатриче.

Екатерина, склонив голову, заглядывала в маленькие голубиные глазки. Тёплые розовые лапки топтали ей пальцы, просунутые в клетку.

– Вы понимаете, что ждёт вас в Москве? – спросил Раффаеле.

³⁰ Мужское двубортное пальто с двумя или тремя воротниками-пелеринами, покрывающими плечи.

– Я не хочу думать. Мне нужно быть там.

В компании время потекло быстрее – путь от станции до станции сократился. О чём только не говорили они, пока карета мчалась мимо густо-зелёных сосен и елей, мимо берёз и осин с радостно-яркими сентябрьскими кронами! Раффаеле рассказывал Екатерине о Неаполе, о пенных волнах залива, омывающих Молочные горы, об усыпанном апельсинами саде за окнами его виллы, о руинах Амфитеатра Помпеи под тенью пиний. А Екатерина делилась с ним воспоминаниями о Бежецкой земле, о берёзовой роще и зеркальном её отражении в глади пруда, о детских играх с крепостными девочками, об учебе Александра в кадетском корпусе и безумном их приключении в Духов день 1807 года.

Дорога бежала и бежала. Всё дальше оставался Петербург с гранитными набережными, великолепными дворцами и особняками, с переменчивым небом и северным солнцем. Всё ближе становилась Москва...

Навстречу попадались вереницы экипажей. На станциях приходилось часами ожидать лошадей. В сторону Москвы ехали только почтовые кареты и фельдъегери.

К ночи добрались до Валдая.

Хозяин постоялой избы перешёптывался у окна с дочкой – дородной круглолицей девкой, когда барышня и герцог ужинали вместе за одним столом:

– Как думаешь, кто они друг другу?

– Супружники. Нет?

– А комнаты-то разные взяли.

Шушуканье их долетало до ушей Екатерины. Она смотрела на Раффаеле и с досадой комкала салфетку.

– Жаль, что мы с вами не похожи и не сойдём за родственников! – она бросила недоеденную кулебяку. – Доброй ночи вам!

Он простился с нею одним поклоном – без нежностей. Подозвал девку, попросил подать ячменных зёрен для голубя.

Наутро они отправились на станцию. Поднялись по ступеням в тёплый бревенчатый дом, и Раффаеле отворил дверь – пропустить Екатерину.

На столе кипел самовар – труба гудела, выпуская клубы горячего дыма. Отставной генерал... Сергей Степанович мешал ложкой чай, подпирая кулаком сдобренную сединой голову.

Екатерина спряталась за плечо Раффаеле:

– Там Ильины! Семья Александра! Я не могу показаться им. Они не должны видеть меня с вами.

Евдокия Николаевна обнимала шалью дремлющую Веру. Восьмилетний Костя спал на лавке под отцовской шинелью – головой на коленях сестры.

– Но вы можете узнать вести от них, – Раффаеле приподнял ярко-чёрные полосы бровей.

– Дверь, господа, затворите! Избу остудите! – крикнул голос смотрителя. Екатерина убрала ногу с порога.

– Прошу вас, займите их, а я подойду к смотрителю. За вами они меня не заметят. Постарайтесь узнать, куда они едут и есть ли новости об Александре.

Раффаеле прошёл в дом.

– Могу ли я ждать за вашим столом?

– Ради Бога, – ответил Сергей Степанович.

Герцог подвинул стул и сел напротив генералыши и детей, закрыв собою смотрителя. Вера застенчиво хлопала сонными глазами, Евдокия Николаевна улыбалась. Костя, как мёртвый, не поднимал кудрявой головы с Вериних колен.

Екатерина пробралась к смотрителю, закрываясь полями шляпки.

– Вы путешествуете по России в такие опасные времена, господин герцог? – слышался за её спиной голос Евдокии Николаевны.

– Я еду на войну, – ответил Раффаеле.

Генерал окинул ироничным взглядом его тёмно-коричневый каррик с тройной пелериной, белые панталоны, заправленные в сапоги с каблуками, кастановую³¹ шляпу в руках с «кваркерской» пряжкой, подбитую изнутри белым шёлком.

– Хотите примкнуть к ополчению? – спросила Евдокия Николаевна.

– Да. К о-поль-ченью.

Веру насмешил иностранный выговор герцога. Она улыбалась, поглядывая на матушку.

Городок окружали живописные высокие холмы, поросшие сосняком, ельником и низкими пушистыми кустиками – по-летнему зелёными и усыпанными золотыми крапинками. Погода налаживалась: синее небо с маленькими кучками облаков казалось здесь по-особенному сухим.

Четверню запрягли – и Екатерина разместилась в карете рядом с голубиной клеткой, у окна. Стала ждать Раффаеле. По пустому двору, утопанному копытами, гуляли смотрительевы куры, раскапывали лапками землю, выклёвывали дождевых червей.

Наконец, он появился. На ходу надевая шляпу. Со связкой баранок на локте.

– Ну что, сеньор Раффаеле?

– Они едут в Сан-Пьетробург. Генерал сказал, что французы за сто вёрст от Москвы, а русская армия располагается сейчас у города Вья-зё-мы.

– Значит, они отступают. Нам следует ехать в Москву, чтобы встретиться с русской армией.

Колокольчик зазвякал в такт лошадиному шагу.

– А что Александр? Они получали известия о нём после двадцать шестого августа?

– Они ничего не знают о судьбе подпоручика, – Раффаеле покрутил большим и указательным пальцем. – Я сказал, что знаком с их сыном. Они не получали вести о нём.

– Не знают? Он не написал к ним, что ранен? Верно, и друзьям запретил писать. Узнаю подпоручика Ильина., – Екатерина вздохнула. – А вы не рассказали им?

– Вы не дали мне право.

– Вот и хорошо. А отчего семье генерала долго не дают лошадей?

– Они не едут на почтовых. В Москве нет лошадей. Все покинули город. Ильины приехали ночью и не нашли свободных комнат. Они всю ночь провели на станции, не спали.

– Почему же они не поехали в Бежецкое имение? Неужто из опасений, что, если Москва погибнет, Наполеон пойдёт на Петербург через Тверскую губернию? Боже сохрани!

Екатерину тошнило от мысли, что очерствелые бонапартовские приспешники будут топтать ногами Бежецкую землю. Её землю! Будут мыть коней в её милом пруду, мутить в нём воду. Будут отлавливать Чубаровских кур и жарить для своей голодной утробы. На их, Чубаровых, кухне! Будут жечь стройные берёзки; их, Чубаровых, родной дом, Ильиных дом, – как жгли в Смоленске. И называть Бежецк – Францией!

Как она понимала безумное рвение Александра биться с врагом! Пусть с раненой головой, пусть с одной здоровой рукой, пусть на одной ноге – только остановить их любой ценой, не отдать французу ни горсти русской земли! Не отдать Бонапарту родного имения с берёзками, прудами и парками! И Бежецка – с завораживающими душу куполами, с тихими улицами и ровными, низкими зелёными берегами размеренной Мологи!

Они выехали из Валдая на высокую гору, откуда из окна далеко виднелись холмистая местность с летне-зелёной травой и край озера, отражающего синеву небес. Яркое оранжевое зарево разливалось по горизонту с востока и юго-востока, окутанное серым туманом.

Подъезжая в вечерней темноте к Вышнему Волочку, они снова увидели это зарево на юго-востоке. Казалось, что на звёздном ночном небе появилось третье светило. Солнце давно

³¹ из бобрового фетра.

село, серп луны выглядывал из-за плывущих облаков; и что-то новое, непонятное, рассеивало оранжевый слабый свет вдали на краю неба – в стороне Москвы.

Глава II

Ранним утром 6-го сентября экипаж Екатерины въехал в её родную деревню ровной двухколейной дорогой среди широких зелёных лугов. Кое-где до сих пор цвели запоздалые ромашки и сочно-розовые головки клевера-долгожителя. За воротами открылся вид на фасад старенького каменного дома с деревянным жёлтым крыльцом и большими окнами, украшенными резными синими наличниками. Слева от дома тянулись к синеве сентябрьского неба шафрановые верхушки берёзовой рощи. Справа дикий сад слепил гроздьями лесной рябины и пестрил осенними листьями. На яблонях и липах, как проседь, проглядывала желтизна, а зелень прозрачностью напоминала о приближении осени.

В имении Чубаровых жила сирота Лиза Лужнина. Её отец, мелкопоместный дворянин Ярославской губернии, был давним другом Ивана Дмитриевича. Три года тому назад Лиза осталась одна. Первой пожалела сироту юная Екатерина. Она и убедила отца и мать взять девочку на попечение.

Лиза осталась жить в имении, когда Чубаровы переехали в Петербург. Сельское одиночество юной барышне скрашивала молодая русская гувернантка Аглая Макаровна, нанятая для неё ещё при жизни отца.

Лошади остановились. В прозрачном утреннем воздухе на фоне яркого неба проявлялся каждый жёлтый листочек на берёзах, каждая чёрная полоска на белых гладких стволах. В истощённо-коричневой листве рябин шевелились рыжие хохолки: посвистывая, свистели лакомились налитыми ягодами. Екатерина спустилась с подножки кареты. Остановилась. Вдохнула всей грудью морозный воздух бесконечного деревенского простора. И пошла – навстречу знакомому до боли миру своего детства. Под ногами шуршала опылённая инеем трава и прыгали, как брызги, чёрные лягушки. На Бежецкой земле всегда было полно лягушек.

Хлопнула дверь крыльца. Как ни в одном чужом доме не хлопает – сотрясая стёкла; задрожало эхо в утренней сентябрьской тишине. Маленькая фигурка, зелёная, как стрекозка, показалась на ступенях – и полетела навстречу Екатерине.

Лизе шёл шестнадцатый год. Она бежала и радостно улыбалась: тоненькая и нежная, в домашнем платье, не боясь первых утренних заморозков; не красавица, с неприметными, но милыми чертами лица, с бледными конопушками на кукольном носике.

– Какая радость, что ты приехала, Катя! – Лиза кинулась к ней на шею. – А я не знала, что ты приедешь. Никто не написал прежде.

– Я не успела написать, – Екатерина поправила ей растрёпанный от бега светло-русый завиток.

Лизины маленькие глазки насторожились: незнакомый высокий господин улыбнулся ей и снял шляпу.

– Лизонька, это сеньор Раффаеле, герцог ди Кастеланьо.

Она поклонилась – переборола смущение, как учила гувернантка. И прижалась плечиком к Екатерине. Совсем ребёнок, птенец – против него, большого, как царь Пётр Первый.

Обедать сели в маленькой тихой столовой со стеклянными посудными шкафчиками красного дерева, напольными часами и одним-единственным окном со спокойно-зелёными шторами. Обедали вчетвером вместе с гувернанткой Аглаей Макаровной – темноволосой грациозной дамой с певучим голосом и носом «уточкой». Наполовину пустующий стол казался Екатерине слишком длинным – привыкший в былые времена собирать много гостей.

Суп разливала высокая крепкая горничная с большими застенчивыми глазами: из-под повязанного назад платка на спину к ней спускались две льняные косы, белый передник стягивал набухшую грудь кормящей матери.

– Вот мы живём тут и каждый Божий день боимся недобрых вестей, – рассказывала Лиза.

– А что здесь говорят? – Екатерина помешивала серебряной ложкой суп.

– Приезжали на днях соседи, Ильины. Уехали из Москвы, но тут не остались – это люди их нашим передали.

– И другие соседи уехали в Петербург, – добавила Аглая Макаровна. – Старицыны тоже уехали.

– А ближе к Московской губернии, говорят, даже почтовые станции закрывают, – Лиза переводила взгляд то на Екатерину, то на гувернантку.

– Ходят слухи, что в Твери из присутственных мест важные архивы перевезли к нам в Бежецк, – сказала Аглая Макаровна. – В Твери, говорят, многие дома свои пооставляли и едут в другие города, подальше от Петербургского тракта. А Великая Княгиня Екатерина Павловна приказала ставить отряды на дорогах.

После обеда Лиза осталась за столом вдвоём с Екатериной, и они смогли побеседовать по-девичьи откровенно.

– А куда ты едешь, Катя? Ты сказала, что только проведать приехала и не останешься тут.

– В Москву.

Детские зелёные глазки замерли на её бровях.

– Там же французы, Катя! Какая нужда тебе туда ехать?

– У меня там дело есть. Прости, Лиза, я не могу тебе сказать.

– Это что-то тайное? Или государственное? Хорошо, я не стану спрашивать, если тебе нельзя говорить. А этот господин, герцог ди Кастельаноло, тоже с тобой по этому же делу?

– Да, сеньор Раффаеле со мной.

В столовую вернулась высокая горничная. Поджимая губы, опуская глаза, собрала пустую посуду. Екатерина оценила её взглядом в спину:

– А это кто?

– Ненила, солдатка. У неё мужа в нынешнем году в рекруты забрали, а она вот-вот должна была родить. А его убили на войне. Я пожалела её и взяла в дом. У неё никого не осталось, только дочка-младенец.

– Что-то я её не помню.

– Не помнишь? А она-то помнит, как ты с ними играла раньше, как в «Просо» играли.

– Скажи мне, Лиза. Тебе здесь оставаться страшно?

Она опустила маленькие глазки и пожала плечами:

– Мы боимся с Аглаей Макаровой, что, если из Твери люди бегут, то и до нас французы дойти могут. А защитить нас некому.

Лиза с гувернанткой занимали половину дома, а в жилых покоях Чубаровых пахло пылью и прохладной древностью. Екатерина, не переодетая с дороги, ходила по пустынным комнатам. Зашла в свою маленькую спальню, где по-прежнему стояла её кровать с белым пологом. Старинный туалетный столик с тройным зеркалом укоренился здесь ещё с прошлого века. Он покрылся таким слоем пыли, что на ней впору было рисовать. Добротный шкаф красного дерева до сих пор заполняли Катины старые платица. Её рука качнула скрипящую дверцу: там лежало и белое платье с затёртым болотным пятнышком спереди...

Раффаеле в кабинете Ивана Дмитриевича рассматривал выгнутую казачью саблю с медной дужкой. Ножны, деревянные, обтянутые кожей и перехваченные медью по старому образцу, висели на чёрном ремне над кроватью.

– Это сабля отца, – Екатерина тихо подошла сзади. – На ней надпись имеется.

Она с девичьей осторожностью перевернула в руках Раффаеле блестящий стальной клинок и прочла:

– «За верную службу и храбрость в бою против шведов». Жалованная, от Императора Павла. Отец дорожит ею.

– Каттерина, я думаю, что стоит взять её с собой. Мы едем на войну – и не имеем оружия. Я не подумал, имея в голове одну идею догнать вас. Вы позволите мне взять саблю вашего отца?

– Берите, если надобно, – отозвалась она без интереса и отошла к письменному столу.

– Я смотрю ваш дом, – Раффаеле улыбнулся. – Я не видел, как живут русские в деревне...

Из окна за письменным столом виднелась берёзовая роща и шлем деревянной ротонды. Некошенная трава клонилась к земле, прибитая тающим инеем. В ней цвели флоксы, посаженные ещё в те времена, когда Екатерина жила здесь. Сад зарос и одичал.

– Меня сейчас одно тревожит, – она приподняла белую прозрачную штору. И повернулась к Раффаеле. – Как быть с Лизой? Она остаётся здесь одна с гувернанткой, когда Тверь оказалась вблизи от театра войны. Конечно, может статься, что французы не дойдут сюда. А если дойдут? Я не буду знать покоя, если оставлю её здесь. Отправить её в Петербург я не могу. Что она скажет маме за меня? Мои бедные родители думают, что я намереваюсь здесь жить. Они не знают здешних слухов. И дай Бог, чтобы не узнали!

– У сеньорины Элизы нет родных?

– Нет. У неё никого не осталось. Впрочем, есть одно семейство в городе Угличе...

– Этот город далеко от вашего имения?

– Дня два езды на своих. Я поговорю с Лизой, и, если она пожелает уехать из имения, мы с вами отвезём её в Углич и поедem в Москву. Я уверена: как бы ни решила я её судьбу, она беспрекословно согласится. Лиза совершенно не гордая. Она рано осталась одна, поселилась у нас, у чужих людей. Она никогда не говорила ничего против воли моей маменьки из благодарности к нам. Теперь её судьбу придётся решать мне.

Лиза была помолвлена за Угличского личного дворянина – обер-офицера Михаила Ивоницкого. Он имел деньги, но не успел дослужиться до потомственного дворянства – а потому не мог найти подходящую невесту. Дворянским девицам выбирали мужей другого рода: с титулом и чином, – а искать жену в богатых купеческих и мещанских семьях надобности он не видел. Сам Михаил из мещанской среды вышел и денег имел достаточно. Лиза имела потомственное дворянство, но была бесприданницей. Чубаровы как попечители нашли выгодным для неё такое замужество. Ивоницкому понравился её кроткий нрав и недурное домашнее воспитание – на том и сговорились его родители с Александрой Павловной Чубаровой. Теперь Михаил служил в Нарвском пехотном полку.

Екатерина прошла в комнату Лизы через лестничный коридор. За нею – Раффаеле.

– Лиза, вот что я придумала. Мы с сеньором Раффаеле отвезём тебя в Углич к родителям твоего жениха. Ты останешься с ними, а мы оттуда поедem в Москву. Если случится несчастье, и Наполеон дойдёт до Углича, слушай их и следуй за ними, куда скажут.

На Лизином лице не промелькнуло ни тени недовольства. Она глядела с отроческим доверием.

– Ты согласна?

– Да, – ответили одни её губы.

Екатерина поцеловала её в висок.

– Тогда собирайся. А у меня ещё много дел – с ними надобно скорее управиться.

Оставив герцога на попечение Лизы и Аглаи Макаровны, она вернулась в пустые комнаты и позвонила в колокольчик. Прибежала горничная в белом переднике, с завёрнутыми по локоть рукавами. Крепостная подружка её детских игр... А повзрослела! А располнела!

– Варя... Мне нужно собрать в дорогу ящик с чистым белым полотном, какое годится для перевязки раненых. И пришли ко мне приказчика.

В маленькой комнате, заставленной шкафами с книгами, журналами и документами, стоял письменный стол, забитый бумагами. Туда явился приказчик Ксенофонт Захарыч – невысокий опрятный человек сорока лет с крупным носом и близорукими глазами.

– Ксенофонт Захарыч, посчитали ли вы, сколько урожая уже собрали?

– Рожь, пшеницу, горох посчитал.

– И уже отобрали на посев?

– Отобрали, барышня, да только слетье неурожайное – на продажу мало что уйдёт...

– Вы вот что сделайте. Все мешки, что на посев, погрузить надобно на подводы и отправить в Петербург. Долю, что сушится, разделить. Часть отдать крестьянам, чтобы хватило им. Остальное продать и деньги отвезти в Петербург...

– Никак случилось что, Екатерина Иванна? Зачем в Петербург?

Она прохаживалась от одного шкафа к другому.

– Я уезжаю сегодня или завтра утром, как только все дела устрою. Елизавета Андреевна уезжает со мною. Вы, должно быть, слышали, что французы идут на Москву. Если Москва им достанется, они пойдут разорять ближние губернии.

– Слышал, барышня, как же, – вздохнул приказчик.

– Мне нужны книги по учёту урожая.

Ксенофонт Захарыч подбежал к столу, выдвинул нужный ящик и положил перед барышней стопки аккуратно сложенных документов в толстых корочках.

– Только, барышня, Екатерина Иванна, собрано ещё не всё.

– Так и быть, я разберусь пока с тем, что есть, – она перелистала страницы лежащей сверху книги. – Остальное вы сделаете сами, когда уберут лён, овёс, картофель... Сколько у нас нынче голов скота?

– Сто семьдесят... шесть... Да у меня же записано всё! – приказчик вновь полез в стол и достал ещё одну книгу. – Вот, барышня, извольте прочесть!

– Вот что, – узкая ладонь Екатерины накрыла затёртую книжную корку. – Весь скот забить, отдать крестьянам мяса сколько нужно, остальное продать...

– Как же так – забить? Да ведь морозы ещё не наступили! Как, куда мы мясо повезём? Кто его покупать будет? Соседи все разъехались... А в Бежецке, чай, своё добра у всех хватает!

– Не купят в Бежецке, везите в Валдай, на ярмарку.

– Не извольте гневаться, Екатерина Иванна! До Валдая дня два езды, а у нас ещё бабье лето – протухнет всё, покуда везём. А зимой чем крестьян кормить станем?

Она остановилась возле шкафа и оперлась на полку. Небо за окном смерклося. Шквалистый ветер пригнал ливень, и в стекло полетела дробь крупных капель.

Постучали в дверь. Зашла Аглая Макаровна.

– Вы простите, Екатерина Ивановна, что мешаю вам, – сказала она певучим голосом, комкая кисти синей шали.

– Что вам угодно?

– Екатерина Ивановна, вы все вместе уезжаете в Углич. Если Елизавета готовится замуж и будет жить в доме жениха – стало быть, ей я теперь не нужна? Не позволите ли вы мне уехать? Я подыскала бы место гувернантки в Бежецке. Я понимаю, Екатерина Ивановна, что платят мне ваши родители, и без их согласия вы можете не отпустить меня...

– Не тревожьтесь, Аглая Макаровна, я знаю, сколько вам платят. Я отпущу вас. Я посчитаю ваше жалованье и выдам вам.

– Благодарю вас!

– Я могу дать вам лошадей и коляску.

Обрадованная Аглая Макаровна выпорхнула за дверь.

Екатерина села за стол, облокотясь, и потёрла виски. Голова гудела после долгой дороги. И от внезапной смены погоды. И от хаоса хозяйственных вопросов. Ей предстояло изучить все бумаги и рассчитать, какую долю куда отправить и по какой цене продать.

– Барышня, ещё такое дело, – заговорил приказчик. – Отколе нам столько подвод взять, чтобы отвезти в Петербург зерно, как вы изволили распорядиться?

Она потёрла усталые глаза:

– Отвезите тогда только хлеб. Чтоб ни зёрнышка французу проклятому не досталось...

– А не думаете ли вы, барышня, что придёт француз, не найдёт у нас ничего съестного – обозлится вконец да и начнёт всё жечи?

– А раз так, то пусть наши люди их встречают хлебосольно и угощают протухлым мясом, чтоб они отравились! Приготовьте для них несколько порций – как раз на бабье лето пусть и забьют!

Приказчик засмеялся. Но Екатерине было не до веселья и не до шуток. Старые настенные часы с маятником показывали три часа пополудни. Управиться с делами до ночи она не успевала, а бросить свою землю, дом, своих людей не могла.

– С птицей будет проще. Как только услышите, что приближаются французы, велите крестьянам от моего имени птицу всю забить, и пусть разделят между собою, и яйца тоже. А если будет возможно, если успеете, то лучше отправьте часть тушек на копильню, а после отвезите в Петербург. Впрочем, и с мясом вы можете поступить так же...

– Вы, барышня, написали бы лучше всё письменно: что, куда да сколько, да по какой цене, – приказчик снова подошёл к столу. – Вот – тут книга есть для подобных записей.

– Я непременно всё запишу. Давайте-ка мы с вами ещё разберёмся, как поступить со льном...

Они едва склонились над столом, как в дверь вбежала Ненила.

– Барышня! Катерина Иванна! Правда ли вы все едете отсюда?

Приказчик, опираясь руками о стол, обернулся на солдатку. Ненила подбежала к Екатерине и упала ей в ноги:

– Прошу вас, барышня, ради Христа умоляю вас, возьмите и меня с собой! Я к Лизавете Андреевне привыкла, и она привыкла, как я ей служу. Ради Бога, барышня, не оставляйте меня здесь! Лизавета Андреевна одна меня жалеет! У меня здесь никого! Христом Богом молю, возьмите меня!

Екатерина поднимала-опускала тяжёлые веки. На сочувствие не находилось сил. Ненила утирала глаза уголком своего белого платка:

– С тех пор, как Миронушку мово убили, жить мне здесь не хочется. Только Лизавета Андреевна помогала мне. Кабы не она – не знаю, как жила б я дальше. Полюбила я Лизавету Андреевну. Знаю, барышня: я вольная. Да только некуда мне податься. Никого у меня здесь нету.

– А дочь твоя? – спросила Екатерина.

– Так я бы и Алёнушку с собою взяла, – Ненила заглядывала ей в глаза. – Она у меня тихая, плакать не будет, не помешает...

– Будь по-твоему – если пустят тебя Ивоницкие с младенцем, и если Елизавета Андреевна пожелает.

– Так я как горничная поеду! Отчего ж не пустят? Как Настасья ваша!

– Воля твоя.

– Барышня! Матушка! Благодетельница! Век не забуду! Молиться стану! – Ненила кинулась целовать ей руки.

Близилась полночь. Дождь не переставал лить в темноте за окном. Тишина кабинета наполнилась ночными отголосками. На столе потрескивали три свечи в бронзовом подсвечнике. За окном во мраке затихшего сада шлёпали капли по осеннему пласту листвы. Бумажный шелест, деревянный стук костяшек счётов и скрип пера диким эхом раздавались в спящих стенах. Вопреки желанию спать, головной боли и тревоге от неясных сроков отъезда, Екатерина спокойно и терпеливо обдумывала способы сохранения своего имения, тщательно рассчитывала цифры, записывала итоги.

В кабинет заглянул Раффаеле. Она встрепелась от дверного скрипа и подняла на него устало-сосредоточенные глаза. Его шейный платок подкалывала серебряная булавка, как и днём.

– Сеньор Раффаеле, отчего вы не спите? Разве Лиза не приказала приготовить вам комнату? Простите. Мне следовало больше времени уделить вам, как гостю, а я сбилась с ног, и весь день...

– Нет-нет, сеньорина Элиза всё сделала для меня! – сказал он вполголоса, повинувшись ночному покою дома. Прикрыл дверь и прошёл к столу. – В России я не могу ложиться и просыпаться рано. У вас солнце заходит долго, а утро всегда холодное и тёмное.

– Боюсь, вставать завтра и придётся рано, – Екатерина подняла глаза на тёмное окно. – Надобно выехать пораньше. Дождь проливной – так некстати, дорогу всю размыло. Скоро до Углича не доберёмся.

– В какое время уезжаем?

– Не знаю... Я ещё не все расчёты закончила, а к утру надо будет собрать крестьян и дать им наказ.

– Успеете ли вы?

– Пожалуй, я не лягу спать нынче, – она подпирала лоб обеими руками. – Как закончу – людей созову. И будем собираться.

– Вы не оставите сил на дорогу, – Раффаеле придвинул стул к боковому краю письменного стола и сел напротив окна. – Позвольте мне помочь вам.

Екатерина посмотрела на него, щурясь от ряби цифр.

– Если вы вправду не хотите спать, то можете посчитать это, – она подвинула к нему одну из тетрадей, раскрыла заполненную таблицу. – Вот здесь написано: «просо». В этом столбике – сколько собрали, а тут – по какой цене продавать один мешок. Надобно посчитать. Так же сделайте фасоль и бобы в другой тетради.

Раффаеле сдвинул брови, приложил перо к губам.

– Возьмите счёты, – предложила Екатерина.

Заполнив столбик цифрами, она уронила голову на руки:

– Я совсем забыла про Аглаю Макаровну... И к родителям не успела написать.

– Пишите письмо, я буду считать.

В спокойствии ночи слышался скрип пера, шелест бумаги, и лил за окном неутрачивающий дождь. Изредка поднимался шум: ветер качал тяжёлые ветви с гроздьями мелких красных яблок. Дождь то усиливался, то утихал. Яблоки осыпались дробью по деревянному наличнику.

– Заметьте, сеньор Раффаеле, – Екатерина повеселела, – крестьяне полагают, что мы ничего не делаем, а они одни трудятся. Что бы делали они в поле, когда б мы так тщательно хозяйство не вели и не расписывали каждую десятину?

Он глянул на неё, как ребёнок, впервые увлечённый уроком арифметики: прикладывая поочерёдно пальцы к кончику носа. Со счётами он так и не поладил.

Бронзовый змий на подсвечнике обливался воском – догорал последний из трёх огоньков, когда Раффаеле помогал Екатерине складывать бумаги и тетради.

– Я не помышляла завершить дела до рассвета. Теперь мне спокойно за имение.

Она упала головой в пуховую подушку – и уснула под шёпот ливня. Прохлада детской комнаты убаюкивала.

Утро было мрачное. Дождь по-прежнему стучался в окна и обильно поливал жнивы и дорогу.

Ненила последний раз убирала посуду в доме Чубаровых. Закончив завтрак в обществе Лизы, Раффаеле и Аглаи Макаровны, Екатерина поспешила вызвать приказчика. Ксенофонт Захарыч тотчас явился в столовую.

– Соберите крестьян у крыльца.

– Понял, барышня, немедленно скажу старосте. Я нынче, Екатерина Иванна, всю ночь думал... Нету у нас столько подвод, чтобы урожай в Петербург доставить. Даже хлеб весь не увезём.

– Вы хотите везти провизию в Пьетробург? – вмешался Раффаеле.

– Что в Петербург, а что на продажу, – ответила Екатерина.

– Но Сан-Пьетробург далеко. Можно ли спрятать ближе?

– А ближе негде прятать, ваше сиятельство, – сказал приказчик. – Ведь, ежели хранцуги пойдут сюда, они и к соседям заглянут, да и, не ровен час, Бежецк жечи начнут – тьфу, тьфу, сохрани Господи!

– У вас тут частый лес, – намекнул Раффаеле. – Частый – лес. Где много дерева. Так можно сказать по-русски?

– А вы предлагаете спрятать урожай в лесу? – спросила Екатерина.

Ксенофонт Захарыч, Лиза и Аглая Макаровна дружно смотрели на герцога.

– Французы не пойдут далеко-далеко в русский лес – там можно потерять себя. И жечь лес не станут. Не для того Бонапарте пошёл на Россию, чтобы сжечь её дотла. Знают ли хорошо ваши люди лес?

– А как же, ваше сиятельство! – обрадовался приказчик. – Да они же все тут выросли, и не лес – болота все исходили! Да они тут каждое деревцо примечают!

– Велите вашим людям найти в лесу места, куда трудно дойти. И там построить... Как вы называете дом, где хранится зерно?

– Житницы! – воскликнул приказчик.

– В самом деле, как я до того не додумалась? – произнесла Екатерина.

– Вот барин! Вот спаситель вы наш! – всплеснул руками Ксенофонт Захарыч. – И в России не жили, а вперёд самив русскив смекнули!

– Созывайте крестьян! – Екатерина встала, повесила салфетку на спинку стула. – Лиза, проследи, чтобы ящики перенесли в карету. И всё же, Ксенофонт Захарыч, отвезите долю урожая в Петербург. Так будет надёжнее и спокойнее.

– Как прикажете, барышня, так и сделаем!

Она вышла на крыльцо в одном платье. В ямках пузырились чистые лужи. Пахло холодом мокрого дерева. Дождь шумел тихо и ровно, под крышей звонко лились струйки. В жёлтой берёзовой роще ветви обвисли от тяжести промокшей листвы. Барышню встречало сонмище доверчивых и простодушных глаз. По лицам крестьян текло, волосы прилипли к их лбам, но они стояли перед благодетельницей и смотрели на неё – возвышавшуюся на жёлтом крыльце.

– Я не продержу вас долго под дождём, – громко сказала Екатерина.

Дверь в дом оставалась открытой. «Какая воля! Перед ней хочется пасть на колени и целовать руки», – думал Раффаеле на пороге.

– Сегодня мы уезжаем, – продолжала она. – Уедет и Елизавета Андреевна. Я не знаю, когда смогу вернуться. Быть может, к вам наведается Александра Павловна, если всё обернётся лучшим для нас образом. Вы знаете, что французы подходят к Москве. Я сделала всё, чтобы спасти наше имение и облегчить вашу участь, если враги придут сюда.

– Да вы не бойтесь, барышня! – послышались крики в толпе.

– Мы всё защитим!

– В обиду себя не дадим!

– И себя, и добро ваше!

– С вилами на чёртова злодея пойдём!

– Послушайте, что вам надобно сделать! Когда Ксенофонт Захарыч от моего имени даст вам указание, вы начнёте строить житницы в лесу, спрячете там урожай. Слушайте во всём Ксенофонта Захарыча – таков мой вам наказ.

– Всё сделаем, барышня!

– Может случиться и самое худое. Французы могут прийти и сжечь всё. Соберите по деревням вёдра, чаны, бочки. Запаситесь водой на случай пожара. Расставьте воду в разных уголках имения. А покуда беды не случилось, трудитесь с Божьей помощью и собирайте урожай!

Откормленных, лоснящихся гнедых лошадей выводили из конюшни к каретному сараю. Получив жалованье, со всеми прощалась Аглая Макаровна. Поставила на сиденье баул, обняла воспитанницу. Обе всплакнули друг другу в плечо. И пара лошадей понеслась по слякотной двухколейной дороге.

Лиза вбежала в дом, пряча светло-русую голову от дождя под шёлковым шарфиком. Направилась в верхние покои и столкнулась на лестнице с Ненилой: солдатка бежала в людскую, увлечённая сборами. Две горничные тащили сундук на задний двор, где запрягали лошадей. Раффаеле прохаживался по комнатам. В кабинете приказчика Екатерина ещё раз просматривала тетради и бумаги, заставляла Ксенофонта Захарыча расписываться на каждой страничке. В дверном проёме мелькнуло муравленое³² платье.

– Лиза, взяла ли ты с собою всё ценное?

Она остановилась и пожала плечами:

– А у меня нет ничего ценного. Только крестик золотой маменькин, а он на мне.

Четверню подвели к главному крыльцу, запряжённую в большую чёрную карету с Чубаровским гербом. Колёса тонули в грязи. Луи вокруг экипажа растекались по песчаной дорожке. Везти собирался кучер Леонтий – седой, с маленькой бородкой, шупленький мужичок. Лошадей запрягли цугом, и Леонтий, выдавший виды, отказался взять в помощники форејтора: мол, к лошадям подход он имеет, а эти лошади его одного слушаются. Екатерине самой не хотелось брать лишних людей. Один кучер – и забот меньше, и потерь для хозяйства, и глаз-ушей-языков. Да тот и не знал всей правды, куда её повезёт.

Самый большой сундук прикрепили позади кузова. Лиза уже сидела в карете: в коричневом дорожном рединготе и маленькой зелёной гроде на плевой шляпке. Смотрела в окно. Дворовые выносили из дома узелки и дорожные шкатулки, вдоль крыльца ходила толстолицая, белобровая девка. Ненила под крышей качала завёрнутого в лоскутное одеяльце младенца. Белый льняной платок, как намётка, закрывал ей лоб и обвивал концами шею.

– А эту-то, станину-то ³³ положили? – бasila девка.

– Положили! – Ненила шептала. Оберегала сон ребёнка.

Раффаеле отворил дверцу и поставил Лизе на колени клетку с воркующим голубем.

Екатерина говорила с приказчиком. Дождь капал на её серую шляпку и пелеринку редингота.

– Ну, что ж, оставляю хозяйство на вас, Ксенофонт Захарыч. Что делать, вы знаете, – она положила руку в серой перчатке на его плечо. – Я прошу вас, не говорите маменьке с папенькой, что я уехала. Пусть они думают, будто я здесь, и живут покойно. А если французы пожалуют, тогда и скажете, что мы вместе с Елизаветой Андреевной уехали в Углич к Ивоницким.

Приказчик взгляделся в её светлые при рассеянных лучах серые глаза и по-отечески сжал ей руку.

– Воля ваша, барышня-матушка, ничего не скажу. Только вы берегитесь там. Знаю я, понял, куда вы едете. Раненым помогать.

³² Травянисто-зелёный цвет (устар.)

³³ Станина – холст, из которого шьют бельё (бежецкий диалект).

Она вздохнула, сжала губы, потрепала его разглаженный лацкан. И пошла садиться в экипаж.

Раффаеле закинул саблю в карету и впрыгнул туда последний – на ходу. В окне стали отдаляться машущие девки в белых передниках, одиноко стоящий в стороне Ксенофонт Захарыч и любопытствующие дворовые люди с конюшни и скотного двора.

– Ну, с Богом! – Екатерина выглянула в окно на родные стены дома, на удаляющийся из виду дикий рябиновый сад.

– С Богом, – Раффаеле указал в небо.

– У нас так говорят на дорожку, – тихо пояснила Ненила, качая спящую дочь.

Копыта разбивали в брызги дорожную слякоть, колёса скрипели в тишине. Четверня передвигалась шагом, а дождь продолжал поливать карету, лошадиные гнедые спины и несчастного Леонтия – ему холодные капли летели прямо в лицо.

– Грустно тебе уезжать, Лиза? – спросила Екатерина.

– Грустно было уезжать из папенькиного дому. А теперь уже не так.

– Понимаю вас, сеньорина Элиза, – поддержал Раффаеле. – Покидать свой первый дом труднее.

После гоньбы из Петербурга под звон почтового колокольчика езда «на долгих», да ещё и по размытой дороге, казалась нескончаемой. По три-четыре часа приходилось просиживать в придорожных избах – ждать, когда отдохнут лошади.

Зато восток Тверской земли пролегал на живописной равнине. И скука возмещалась правом весь день любоваться неоглядной далью лугов, их поблёкшей ровной зеленью с бурыми островками полыни.

Закат ещё оставлял надежду встретить на дороге харчевню. Начался болотистый лес – колёса увязали в мягкой трясине дорожной колеи. В темноте за окном мелькали кроны раскидистых кустов, опутывающих упитанные ели.

– Ваш кучер потерял дорогу? – забеспокоился Раффаеле.

Екатерина клонила голову к окну:

– Нет, сеньор Раффаеле, это дорога. Столбовая дорога...

– Мы успеем добраться до постоянного двора, Катя? – спросила Лиза. – Тревожно здесь.

– Леонтий! – позвала Екатерина. – Леонтий, не спишь ли ты?

– Дело ли, барышня? – отозвался в темноте его голос. – Да не бойтесь, я по сей дороге езджу! Скоро пройдем это чёртово обиталище.

Лиза от его слов принялась креститься.

Словно по волшебству, за холмом дорога пошла высоким речным берегом. Из-за дождей река поднялась, но обочину защищали от половодья ровные берёзки. За берёзками показались кровли большого села.

Подвешенный к крыше кареты фонарь осветил огороженные частоколом избы. Леонтий отыскал постоянный двор – бревенчатый дом в два этажа.

Дождь накрапывал редкими и тяжёлыми каплями. Мокрая трава обжигала барышням ноги. Сонный дух витал над селом, и надрывались собаки в ночную тишину.

Девушки поднялись на второй этаж в отведённую для них комнату. На последних верстах их растрясло, ноги не слушались. Даже не верилось, что пол и стены не качаются на скрипучих колёсах.

Лиза скинула шляпку на лавку. Расстегнула редингот. И замерла, глядя в угол на маленькую облупленную икону.

Пошатаваясь, Екатерина дошла до кровати. Расправила простыню.

– Отчего ты не ложишься, Лиза?

- Я сейчас приду, – прошептала она, глотая слова. Подошла к двери. И остановилась.
- Тебе дурно?
- Нет... Я... приду...

Она приоткрыла дверь и проникла в коридор через узкую щель. Опираясь о тесовые стены, подвинулась на тусклый свет, исходящий с лестницы; прислушалась. Грубо сколоченные перила закрипели, и на узких ступенях застучали каблуки – всё громче и ближе. Раффаэле поднялся на второй этаж, заметил озарённую лестничным светом Лизу – улыбнулся. Она припала спиной к стене. Пропустить.

Герцог не успел дойти до своей комнаты в конце коридора – Лиза птицей вспорхнула, подхватив платье, чтобы не запутаться ногами.

- Сеньор Раффаэле! Я вас ждала.

Догнала его. И замолчала, глотая воздух, как брошенная на сушу рыбка. Маленькие глазки перебегали то на стены, то в пол, то на медные пуговицы его фрака, то на белоснежный воротник рубашки.

– Сеньор Раффаэле!.. Я вас люблю... Только я не для того вам говорю... Вы не обязаны отвечать... У меня есть жених, и я выйду за него замуж. Я просто... больше никогда уже не смогу вам это сказать.

Он замер на полушаге. Лизины руки сцепились на груди, инстинктивно ловя бегущее сердце.

– Это не потому, что я глупая – ведь я на десять лет вас моложе. Нет! Вы правда очень хороший! Я совсем не знаю моего жениха, но я буду верна ему, когда выйду замуж. И я не буду страдать и мучиться, оттого что люблю вас. Я и сейчас не мучаюсь – я счастлива, что вы есть, что я могу видеть вас и даже говорить с вами. Поверьте, моё сердце не болит от любви к вам, оно радуется – и по-другому быть не может. Я ничего не хочу от вас. Вы только знайте: если вам что-то будет нужно – я всё сделаю для вас.

Её глазки заблестели. Простодушная, искренняя русская девочка. У Раффаэле не нашлось для неё ответа. Он наклонился над светло-русой головкой и поцеловал её в лоб.

- Благодарю, – прошептала Лиза и зажмурилась.

Она вернулась в комнату. Герцог тоже ушёл к себе. Будто и не случилось ничего особенного. Только этой ночью ему почему-то хотелось улыбаться, а душа не скучала по исповеди.

Екатерина спала лицом к стене. Тёмно-русые волны волос укрывали ей плечи. Лиза разделась и легла рядом. Впечатлённая объяснением с Раффаэле, она смотрела в темноту, искала в ней призрачные очертания его лица, улыбалась. И слушала, как дождь постукивает по холодному стеклу.

- Почему ты не спишь? – Екатерина повернулась к ней.
- Не знаю... Не могу уснуть. А ты почему не спишь, Катя?
- Мне тоже не уснуть. Думаю, как мы завтра приедем... Ты помнишь адрес, где живут Ивоницкие?
- Нет...
- Ну ничего, найдём как-нибудь...
- Катя, а говорить с родителями Михаила Евстафьяча ты будешь?
- Я буду. Кто же ещё?
- Раз так, то хорошо. А то я боялась, что мне придётся – а я не знаю, что говорить. Они обе задумались.
- Катя, – снова шёпотом позвала Лиза. – А как ты узнала сеньора Раффаэле?
- Меня с ним познакомила княгиня Нина Ланевская.
- А княгиня Нина Ланевская – это твоя подруга? А она, верно, весь Петербург знает? Да?
- Нет, не весь.
- Катя, а сеньор Раффаэле где живёт?

- В Петербурге.
- А почему он приехал в Россию?
- Потому что Неаполь захватили французы. Ему там опасно.
- А почему опасно?
- Потому что говорят, что он королевской крови.
- Да ты что, Катя, в самом деле? – Лиза подняла голову от подушки.
- Не знаю.
- Как так, не знаешь? Почему? Ты же сказала...
- Потому что это может быть и неправда. Никто не знает. Я тебе завтра расскажу. Поздно уже, Лиза, надо как-то уснуть. Завтра выезжать рано придётся, чтобы мы до ночи успели приехать в Углич.
- А мне не спится.
- И мне. Здесь так мирно, спокойно. И кажется, как будто это последняя такая ночь для нас...
- Почему?
- Не знаю. Всё, Лиза, спи!

Глава III

Ненастная осенняя погода навевала сон. Дождь давно затих. От земли поднялся холодный туман. В вечерних сумерках четверня бежала вперёд безлюдной немощёной дорогой.

Лиза дремала, прислонясь к стенке кареты. У неё на коленях в клетке ворковал голубь. Рядом Ненила качала ребёнка, напевая колыбельную вполголоса, чтобы не мешать господам. Екатерина думала. На какой срок попросить Ивоницких приютить Лизу? Когда она вернётся от Александра? И вернётся ли? Четыре дня она не видела свежих газет, не слышала новостей с войны. Раффаеле рядом с нею смотрел в тёмное окно на беспроглядную белую пелену. Все молчали.

– Подъезжаем к Угличу! – бодрым голосом крикнул Леонтий.

Екатерина потянулась через плечо Раффаеле к правому окну. Далёкий пейзаж скрывался за низким облаком тумана. По ровным, ухоженным рощам угадывались хозяйские земли угличских помещиков. Грязная размытая дорога бежала под липами и берёзами, как парковая аллея.

С пригорка на мгновение открылась туманная линия реки – и дорога начала исподволь спускаться во влажную низинку. Показалась Волга. За нею мутно светили огоньки уличных фонарей Углича.

Вода в Волге прибыла, и лошади, мотая головами, послушно взошли на барку.

На городском берегу гасли огни в окнах. Вот он, Углич – рукой подать. А они никак не могли до него доплыть. По деревянному дощатому дну Екатерина прошла к паромщику.

– Нельзя ли быстрее?

– Куда быстрее-то, барышня! – заворчал бородатый мужик. – Не видите разве, как река разлилась, течение какое! Коли быстрее, лошади взбулгачатся, забесятся и нырнут, и нас с вами перевернут!

Леонтий услышал разговор на другом краю длинной барки и поспешил заступиться за барышню:

– Ну-ну, эти не испугаются! Они вишь как устали – им не до нырянья.

– Подняли шум, как будто не Волгу, а море-океан переплываем! – пробурчал в ответ паромщик, и барка продолжала двигаться с прежней скоростью.

Берег оказался пустым, как дикий грот. Единственная живая душа – паромщик не знал, кто такие Ивоницкие и где они живут.

Леонтий повёл лошадей наугад по каменной мостовой улицы.

– Боязно мене, – произнесла Ненила. – А ну как меня не пустят? Ладно Лизавета Андреевна. А я кто? Да ещё и с дитём.

– Полно, Ненила, ты же сама хотела ехать, – ответила Екатерина.

– Ну так, то было в деремне, а таперичи чего-то аж сердце заходится. Боюсь, рады ли нам будут господа эти. Ведь как ни говори – незванный гость хуже татарина.

– Татарина, – повторил Раффаеле.

В ночных окнах и чугунных оградах раздавалось звучное цоканье подков. Мощёная провинциальная улица вела на безлюдную площадь, освещённую фонарями и окружённую арками торговых рядов. Леонтий остановил лошадей возле каменного пятиглавого храма.

Раффаеле открыл дверцу кареты, огляделся. В воздухе растворялся туман, словно пузырьки игристого вина.

У здания напротив храма слышались шорох и хриплые женские голоса.

– Поезжай туда, Леонтий! – приказала Екатерина.

Под аркой у колонны сидели на земле две бабы в грязных телогрейках, лаптях и пёстрых платках.

– Где Ивоницкие живут, знаете? – раздался громкий голос Леонтия.

Досиня пьяные физиономии уставились на него. И заметили в окошке кареты... прекрасное нерусское лицо.

– Царь!

– Да не-е-е! Чего ему, царю-то, делать тут?

– Говорю тебе – царь!

– Так вы скажете али нет? – напомнил Леонтий.

– Так, а тебе чего надобно-то? – заплетающимся языком прохрипела одна.

– Господа – Ивоницкие – знаете, где живут?

– А-а-а, Иво-ниц-кие, – она глотнула из большой бутылки, спрятанной в складках сарафана. – Да не знаем мы таких.

– Тьфу! Питуньи окаянные...

– Мы не знаем, батюшка, не знаем, – наперебой загалдели обе. – А вот вы у этой спросите!

– Да у кого? – Леонтий закрутил головой.

– Вон у неё! Вон она едет!

Раффаеле высунулся из кареты посмотреть, куда показывали они кривыми синюшными пальцами. С конца торговых рядов на площадь выезжал экипаж. В открытом ландо, какие в ту пору бывали только в Европе, сидела молодая дама в широкополой белой шляпе с ярким цветком. Она подставляла волжскому ветру вздёрнутый нос и улыбалась, наслаждаясь прогулкой по ночному туманному городу.

Леонтий свистнул, помахал колпаком. Ландо остановилось.

– Эта женщина... *curtisciana*³⁴? – спросил Раффаеле.

Бабы заморгали опухшими глазами. У одной отвисла губа.

– Это не наш царь... Чужеземный...

– Не ваш, – герцог отгородился рукой.

Лиза и Ненила прыснули со смеху.

– Святы-е угодники! – баба икнула. – А вдруг это Наполеон?

– Окстись! Наполеон не может быть такой красивый – он же злодей! – как отрезала вторая.

– Давайте спросим у этой дамы, – сказала Екатерина. – Вдруг ехать далеко придётся. А я не хотела бы утром задерживать отъезд в Москву.

– Позвольте, я поговорю с нею, – предложил Раффаеле. – Скажите мне, как спросить.

– Спросите, знает ли она дом Евстафия Алексеевича Ивоницкого.

– Йеушта-ксий...

– Ев-ста-фия Алексе-е-ви-ча.

Леонтий прыгнул с козел, выдернул под дверцей ступеньку.

Царственной походкой, постукивая каблуками кожаных сапог по каменной мостовой, герцог направился через площадь к ландо. Дама облокотилась на бортик и накручивала на палец пушистую рыжую прядь. Улыбалась ему наруганными губами.

– Гляди-гляди, ишь как смотрит! – толковала пьяная баба. – Она любит гостей чужеземных. Вон у ней повозка какая! Говорят, немец какой-то подарил, из самого Парижу привёз. Ни у кого в Угличе такой нету!

– А почему эта дама так ярко одета, Катя? – спросила Лиза.

Раффаеле подошёл к ландо, улыбнулся в лицо даме и приподнял на голове шляпу.

– *Bonsoir*, – она глянула из-под ресниц.

– Моё имя – герцог ди Кастеланьо. Я ищу дом господина Ивоницкого.

³⁴ куртизанка (неап.)

– Господа Ивоницкие на Московской живут, – дама кокетливо повела плечом. – Вам надобно до Казанской церкви доехать и повернуть.

– Знаете ли вы, который дом?

– Знатные дома в Угличе я все знаю. Только там нынче одни старики живут – мне они мало интересны. Вот вы – другое дело... Дайте мне вашу ручку.

Раффаеле снял перчатку. Она улыбнулась, найдя у него на ладони серебряную монету, попробовала её на зубок и бросила в ушитый розами ридикюль. Достала баночку с губной помадой, обмакнула в неё палец и принялась выводить на красивой руке герцога адрес.

– Вы умеете писать?

– Я и по-французски говорить умею.

Её пальчик ласково щекотал ему ладонь.

– Вот вам и мой адрес, – она протянула визитную карточку. – Ежели вам вдруг в нашем городе скучно станет – приезжайте.

Раффаеле сел в карету и показал Екатерине морковно-красные буквы на руке.

Четверня развернулась и пошла шагом к Московской улице, в противоположную Волге сторону. Старые купеческие избы здесь перемежались с каменными домами. Имперское величие недостроенных особняков с колоннами вытесняло русскую допетровскую простоту.

Дом Ивоницких стоял в проулке: двухэтажный, с бревенчатым верхом и белым каменным подклетом, за невысоким глухим забором с деревянными простенькими воротами.

Лиза поглядывала на три окошка, на скособоченное крыльцо. Что ждало её за этими стенами? Надолго ли предстояло ей обрести в них приют? До конца войны? Или уже до венца?..

– Что ж, пойдём, – позвала Екатерина. Лиза, не противясь, последовала за нею в холодную тишину городской окраины.

В окнах горел тусклый свет. Костяная ручка дамского серого зонтика поколотила по деревянному крыльцу.

Ухнула дверь внутренних покоев – и послышались шаги по дощатым половицам. На пороге показалась прислужница: бледногубая, в чёрном платке и длинной телогрейке.

– Здесь ли живёт Евстафий Алексеевич Ивоницкий? – спросила Екатерина.

Женщина всмотрелась сквозь темноту в лица девиц, в высокий силуэт господина в шляпе за их спинами, в белый платок Ненилы.

– А вы кто такие и к кому?

– Екатерина Ивановна Чубарова, из Бежецка. Со мною – невеста Михаила Евстафьевича, Елизавета Андреевна Лужнина.

– Подождите здесь, я доложу.

Она скрылась за дверью. Так и не впустив гостей в дом. Шаги затихли.

Вернулась.

– Извольте подождать, барыня к вам выйдет, – проронила она печальным голосом.

Лиза обняла руку Екатерины и прильнула к ней, прислушиваясь к шуму в крыльце.

Дверь открылась, и вышла полноватая дама с длинными морщинами на подбородке, в чёрном платье и чёрном тюлевом чепце на выцветших волосах.

– Софья Фёдоровна, вы узнали меня? Я дочь Александры Павловны Чубаровой...

Хозяйка молчала на пороге. Не дождавшись ответа, Екатерина продолжала:

– Я привезла невесту сына вашего. Не позволите ли вы Лизе остаться у вас? В нашем Бежецком имении ей одной нынче опасно, туда могут нагрянуть французы. А мне надобно в Москву...

Глаза-бусины госпожи Ивоницкой тонули в чёрных морщинах. Не узнала? Она видела Лизу лишь однажды: когда посетила Бежецкое имение вместе с сыном, чтобы познакомиться с нею. Второй раз Михаил приезжал к Чубаровым один из Смоленска в 1811 году, привозил четырнадцатилетней невесте подарки.

– Невеста... Не нужна моему Мишеньке теперь невеста, – Ивоницкая прикрыла платком глаза. – Убили его! Нету его больше!

Лиза перекрестилась.

Раффаеле спустил с головы шляпу.

– Простите, – прошептала Екатерина. – Мы не слышали о вашем горе...

– Ну, почто ты приехала? – накинулась на Лизу Ивоницкая. – Что теперь тебе надо? Где ты была, когда пришло известие? – она беззвучно зарыдала.

И Алёнка в руках у Ненилы зашлась плачем.

– Уходите. Уходите! Я не в силах никого принимать. И видеть никого не хочу. Уходите ради Христа!

Перед лицом Екатерины и Лизы захлопнулась дверь. Бряцнули окна крыльца.

«Уа! Уа-а! Уа-а-а!» – детский плач удалялся за ворота, к карете.

Девушки сцепились объятиями. Раффаеле смотрел на них большими глазами. Он даже рук поднять не мог. Захлопнулась дверь – перед кем? Перед кем? Перед ним – перед герцогом! И это русское гостеприимство? Мать сына потеряла – а чужих детей прогнала и ликёру выпить не предложила!

– Катя... Мне теперь нужно траурное платье.

– Да, Лиза, мы купим. Завтра купим... Нам надо подумать, где переночевать.

Леонтий остановил лошадей перед первым на Московской улице постоялым двором. Нижний этаж занимал шумный трактир. Молодые мещане присвистывали на Екатерину, пока она пробиралась между столами и лавками к хозяину. Когда её догнал Раффаеле, трактирная публика потеряла к ней интерес. Лиза тянулась за ним, как тень.

Хозяин двора, круглолицый и круглобородый купец, вышел из-за стойки:

– Желаете отужинать, господа? Увы, нынче все столики заняты. Но, ежели господам угодно, мы можем предложить отдельное помещение.

– Пускаете ли вы на постой? – Екатерина прижимала к себе зонтик и сумочку-кисет. – Нам нужны две комнаты.

Хозяин развёл руками:

– Понимаете ли, сударыня, свободных комнат у нас нынче нет и не будет. Нам указ дан сверху: отводить жильё обязательным образом для приезжающих москвичей.

– Отчего только для москвичей?

– А вы, простите великодушно, откуда будете?

– Проездом мы, из Бежецкой стороны, едем в Москву.

– Экая диковина! – купец усмехнулся. – Все из Москвы, а вы, надо же, напротив, в Москву... Нет, господа, прошу меня простить, нет свободных комнат.

– Жаль... Что ж, придётся поискать другое место.

– Боюсь, не отыщете, сударыня. Говорю же вам, строжайший приказ от самого губернатора – размещать прибывших из Москвы. Что там постоялые дворы – в домах, в монастырях принимают. Раненых везут. Едва ли, сударыня, вас пустят в городе на постой.

– Позвольте, – вступил в разговор Раффаеле. – Имеются ли свободные комнаты на одну ночь? Я заплачу вам вдвое больше.

Хозяин приложил руку к груди:

– Ваше сиятельство, да поймите же: мы, купцы, народ точный, экономически у нас всё просчитано. Ну да Бог с вами, есть у меня комната! Но вы поймите – свыше указ! Ну пушу я вас, а приедут ночью московские гости... А проверять начнут? Охота ли мне голову подставлять да репутацию себе и заведению моему портить? А?

– Вас накажут, если вы пустите немосквичей? – удивилась Екатерина.

– Пустить первым делом оставшихся без крова и раненых – нынче святой долг перед Россией-матушкой.

– Но и мы на ночь остались без крова!

– Простите, сударыня, Христа ради! – купец поклонился в пояс. – Не могу я вам комнату отдать.

Екатерина вышла на улицу и, топнув ногой, села на ступеньку бревенчатого крыльца. Над головой чернело беззвёздное небо. За углом фыркали лошади. Из светлых окон слышался звон посуды и довольные сытые голоса. Герцог сел рядом, расправив полы каррика. Уложил на колени шляпу и перчатки.

– *Ciutia! Che differenza c'è...*

Лиза и Ненила посмотрели такими глазами, как будто перед ними выросла пальма.

– Простите. Я не умею ругаться по-русски. Почему человек не пустил нас на постоя за деньги? – он собрал пальцы в щепотку и развёл руки.

– Указ у них, – Екатерина подпирала подбородок.

– Мы должны назвать себя... гости из Москвы? Тогда этот человек позволит нам занять комнату, бесплатно? – Раффаеле указал вытянутой рукой на дверь и постучал пальцем по виску. – Я не верю, что в этом городе такие глупые законы!

– У нас везде так на Руси, барин! – Леонтий погладил лошадь по впалому боку.

– А ты откуда знаешь? – спросила Ненила, качая ребёнка.

– Я на своём веку много господ возил и много куда ездил.

Одна Лиза молчала, в обнимку со столбом, подпирающим навес крыльца.

– Надо искать место для ночлега, – вздохнула Екатерина. – Сеньор Раффаеле, та дама в нарядной повозке дала вам визитную карточку. Если поехать к ней...

– Простите, Катерина, но вам и сеньорине Элизе не нужно видеть, как живут такие женщины и чем они занимаются! – он скрестил руки.

– Я понимаю, что эта дама занимается непотребством... Но разве лучше для нас ночевать на улице? Лошади устали, нам далеко не уехать. Да и куда ехать теперь, я не знаю.

– Вы простите, барышня Катерина Иванна, – обратился Леонтий. – Время-то позднее. Не поискать ли где добрых людей? Небось в дом какой и пустят.

– Правда твоя, Леонтий. Поищем дома, где ещё огни не погасли. Всё лучше, чем пороги постоянных дворов напрасно обивать.

Лошади поволокли карету сеточкой Угличских улиц. Белели храмы, запертые на замок. Над фонарями поблёскивали кресты вблизи и вдали. Углич погружался в глубину сна, в окнах затухали свечи. Заунывно, нагнетая ночную отрешённость, в дальней стороне города бессмысленно лаяли протяжной переключкой собаки.

Чуть светилось окно большого побелённого дома со строгими пилястрами³⁵ за глухим тесовым забором.

Калитка под двускатным навесом на столбах оказалась не заперта. Екатерина с опаской приоткрыла её и заглянула в тёмное пространство усадьбы. Ни одна живая душа не отзывалась на скрип калитки, не звенели цепи псов. Шевелились только тени сухих веток дикой яблони. Тусклый огонёк в окне ещё горел.

Ненила с Леонтием потянулись за господами по узкой тропке. Под ногами катались мелкие яблоки. Екатерина поскользнулась на них, но Лиза успела её поддержать за локоть.

Тропинка подвела к крыльцу, и Леонтий тяжёлым крепким кулаком постучал в дверь.

Открыла маленькая женщина с чистым богомольным лицом в мешковатом льняном платье с длинными рукавами. Белый платок, заколотый под подбородком на булавку, скрывал её волосы. Она держала свечу.

³⁵ Прямоугольные плоские колонны, вделанные в стену.

- Мир вашему дому! – Екатерину охватило волной покоя и смирения.
- С миром принимаем, – женщина поклонилась. С ясными синими глазами, она походила на юную неискущённую девицу, если бы мелкие морщинки не ветвились от нижних век.
- Простите, что потревожили вас в такой час. Мы увидели свет в ваших окнах...
- Это у меня лампада горела. Так-то все в доме уже спят. А что вам надобно?
- Мы приехали ночью из Бежецка. А на постой нас нигде не пускают, комнаты отданы москвичам и раненым. Мы постучались в вашу дверь, чтобы попросить приюта на ночь.
- Женщина подняла свечу, словно отгораживаясь от незваных гостей её светом.
- Тише говорите! Кто вы такие?
- Мы дворяне из Петербурга, – ответила Екатерина.
- То, говорите, из Бежецка, то – из Петербурга, – хозяйка поёжилась.
- Так и есть, мы не обманываем вас. Поверьте моему дворянскому слову, я дочь отставного офицера гвардии. Моя фамилия – Чубарова. Под Бежецком у меня имение. Не гоните нас ради Христа!
- А где же родители ваши?
- Мои родители в Петербурге. Мой отец немощен. Это подопечная семьи нашей, сирота, – Екатерина вывела Лизу за руку из-за спины Раффаэле. Тьма скрывала желваки под его скулами.
- А с дитём кто? – женщина посветила в лицо Нениле.
- Прислужница наша. У неё муж на войне погиб.
- Вдовица? – хозяйка оглядела статную фигуру герцога от сапог до шляпы, но о нём почему-то не спросила. – Ладно. Подождите здесь. Я в дом схожу. Только тихо!
- Она вернулась со связкой тяжёлых ключей и в накинутой на плечи душегрейке.
- Домой я вас пустить не могу без позволения мужа, а он уже спит. Ступайте за мной!
- Её белеющий в темноте платок повёл за угол дома. Там оказался двор с горами соломы и деревянными постройками.
- Лошади с повозкой – ваши, там, на улице? – хозяйка обратила к Екатерине ясные глаза.
- Наши.
- Голодные, чей? Гляжу, кусты норовят обглодать.
- Она повернула ключ – отвалился тяжёлый замок с задних ворот. Две высокие калитки распахнулись о стены бревенчатого каретника и конюшни.
- Загоните лошадей сюда! Там овёс есть. Конюх спит, я ему скажу про вас.
- За конюшней деревянная хозяйственная пристройка соединялась со стеной дома. Снова скрежетнул ключ, звякнул замок – отперлась глухая дверь.
- Сюда заходите, тут потеплее будет! Помогаю вам чем могу, покуда муж не знает. Уж не взыщите! Всё ж не под открытым небом.
- Лиза и Ненила с ребёнком вошли в сарай. Привыкшие к темноте глаза различили устланный сеном пол и печную кладку, выступающую из каменной стены.
- Раффаэле остановился в дверном проёме, опершись о косяк.
- Как ваше имя? – спросила Екатерина хозяйку.
- Анна Прокопьевна меня зовут.
- Окажите милость, Анна Прокопьевна. Если осталось у вас что лишнее от ужина, поделитесь с нами...
- Да вы что! Время-то позднее! Грешно в такую пору чрево пресыщать!
- О пресыщении ли нам думать? У нас с полудня маковой росинки во рту не было. С нами бедная женщина с грудным младенцем. И девица юная – совсем ещё дитя.
- Ну, хорошо, хорошо! Коли так, принесу вам еды!

– Каттерина! Мы не должны просить, мы не lazzaroni³⁶! – не выдержал Раффаеле.
Анна Прокопьевна вздрогнула:

– А вы... Вы что же... Кто этот человек с вами? Басурманин нерусский?

– Сеньор Раффаеле – эмигрант из Европы, – объяснила Екатерина.

– Неужто француз?!

– Нет! Я родом из Неаполя, и я не враг русских, – он сделал шаг...

– Не подходите ко мне! – хозяйка выставила обе руки. – Горе мне, что я вас пустила! Я принесу вам еды. Только уходите спать, и чтоб не видел вас никто всю ночь! Сидите тихо! По двору не ходить! И песен не петь!

Она закрестилась. Запахнула на груди душегрейку и побежала к крыльцу. Её маленькие ножки путались в длинном холщовом подоле.

Чёрные глаза из темноты жгли Екатерине лицо. Вот и узнала, какова немилость герцога! Магнетизм – будто рядом вулкан извергается.

– Вы сердитесь на меня, сеньор Раффаеле? Поверьте: не будь я в ответе за Лизу, Ненилу и невинного младенца, я спала бы в карете или отыскала бы заброшенный амбар!

Он молчал. Ненила вышла из сарая:

– Барышня, не принести ли нам одеяла из кареты? Так всё же лучше спать, а не то вся сряда³⁷ завтра в сене будет.

– Принеси, Ненила. И я с тобой пойду. И Елизавете Андреевне скажи, пусть за одеялами сходит. За один раз всё принесём и уложим, чтобы не попадаться на глаза хозяевам, пока нас не выгнали.

Они притащили из кареты дорожный ящик, сложили на него тёплые одежды и шляпы, три шерстяных одеяла разостлали в разных углах сарая. Ненила ушла в дальний закуток и отгородилась санным валом, чтобы не тревожить сон господ, если Алёнка заплачет. Раффаеле сел за ящиком, прислонясь спиной к печной кладке. Рядом с постелью поставил клетку с голубем и положил саблю.

Вернулась хозяйка и оставила на полу большую чашу с пирогами, яблоками, кусками хлеба и завернутыми в салфетку холодными куриными ножками.

– Ненила, Леонтий, подите сюда! – позвала Екатерина.

– Вы кушайте сами сперва, а нам уж чё перепадёт, – Леонтий улёгся на сено перед дверью, как сторожевой пёс.

– Вот ещё, выдумали! В беду мы все одинаково попали! Берите – вот ваша доля!

Ненила перестала стесняться – села рядом с барышнями выбирать куски. И натёртая кучерская ладонь протянулась за ломтем хлеба.

– Идите ужинать, сеньор Раффаеле! – Екатерина с аппетитом уплетала пирог с рыбой и пересчитывала куриные ножки, чтобы никого не обделить.

Герцог сидел в углу у стены, обнимая колени.

– Я не могу принять подавание, полученное из вашего унижения.

– Полно вам, сеньор Раффаеле.

Он молчал.

– Нашли время упрямитесь!..

Ненила посмеивалась: живот при барышнях урчал – аж неловко. Обглоданные косточки так и падали на салфетку. Пироги будто улетали.

Опять пришла хозяйка. Принесла большой глиняный кувшин молока. Дождалась, когда девицы напьются – и забрала вместе с пустой чашей.

³⁶ нищие (неап.)

³⁷ Сряда – одежда (бежецкий диалект)

За плотно закрытой дверью среди ночной тишины раздался звон разбивающейся посуды. Раффаеле переглянулся с Екатериной. И замер с поднятыми бровями.

Он отказался и от молока.

Никто не хотел думать о завтрашнем дне. Никто ни о чём друг друга не спрашивал. Барышни легли рядом, прижались друг к дружке, чтобы не зябнуть. За санным валом сопела Алёнка и похныкивала – просила материнскую грудь. В темноте маленькие глазки Лизы возбуждённо блестели.

– Катя, что будет завтра?

– Придумаем.

– Я должна помолиться за упокой души Михаила Евстафьича, всенепременно.

– Пойдём завтра с утра к обедне. Закажем панихиду по Михаилу Евстафьевичу, как ты хочешь. А потом поищем, где купить траурное платье для тебя.

– А что будет со мною потом?

– Я подумаю, Лиза. Не бойся, я не оставлю тебя.

Раффаеле тоже не мог уснуть. Сухие стебли то тут, то там проступали сквозь одеяло, кололи лицо; и удушливый запах русской травы – любимый запах русских крестьян оседал в носоглотке приторным комом.

«Как же я теперь к Александру поеду?» Екатерина смотрела в темноту на перекрещенные балки крыши, поправляя под головой колючее сено.

«Я должна была сейчас мчаться к нему. Я так спешила! Боялась, что не успеем к Ивоницким до ночи. И всё равно осталась здесь на ночь! И не знаю, сколько ещё часов, а то и суток пройдёт, прежде чем я доберусь до военного лагеря».

Как далеко теперь казался день, когда она в доме княгини Нины Ланевской прочла в письме о его ранении...

Лиза успокоилась, стала согреваться и засыпать.

Завтра надо ехать, не теряя ни минуты. Только позаботиться о ней, решить её участь и – ехать...

Где-то рядом хлопали крылья и надрывался-кукарекал петух. Екатерина открыла глаза, по привычке взглянула на стену, ища часы. Доски, доски... Над головой – копна. Рука поцарапана сухим стеблем. Постоялый двор? Нет, вчера затемно они приехали в Углич. И это не дом Ивоницких – это сарай, куда их, по милости, пустила незнакомая женщина. Точно – так всё и было!

Если пел петух – значит, утренняя Литургия ещё не начиналась!

– Лиза, – Екатерина коснулась её плеча. – Лиза, просыпайся! Пора собираться к обедне.

В стенах лучи сентябрьского солнца находили щели и пробивались в сарай. Ненила уже встала и успела покормить Алёнку за санным валом. Услышала, что в уголке барышень зашевелились, и поспешила к ним – бодрая и румяная, как все крестьянки ранним утром:

– Барышня, дайте я вам помогу волосики прибрать.

Екатерина потянулась за сумочкой. Достала костяной гребень. Надавившие голову шпильки одна за другой выдернулись из растрёпанного узла и ссыпались к Нениле в подол. Затылок задышал под каждой волосинкой, словно его освободили от корсета.

– Леонтий спит?

– Проснулся, – Ненила сноровисто водила гребнем по тёмно-русые пряди барышни. – В сене валяется, ждёт приказы вашего.

– Пусть он карету нашу приготовит. Надо будет отвезти нас с Елизаветой Андреевной в церковь. Скажи ему.

Лиза сонно моргала и вынимала из скатанных волос цепкие сухоцветы и листочки.

От Екатерины пахло сеном, как духами, тёмно-серое платье помялось за ночь. Закончив причёску, она подкралась к ящику – взять редингот... да чтобы не потревожить герцога. Он сел перед ней, потирая виски.

– Вас тоже разбудил петух, сеньор Раффаеле?

– Я не спал.

Леонтий отправился запрягать лошадей. Дверь оставил приоткрытой. Свежий холодок осеннего утра побежал по ногам.

– Умыться бы как, – Лиза потёрла сонные глаза.

Ненила вколола ей последнюю шпильку.

– Я пойду, погляжу на дворе, нет ли где колодца, – и выбежала за дверь, впустив в сарай спящую зарю.

Барышни стянули шнурками сумочки и украдкой выбрались на улицу. Воздух был студёный и влажный. По голубому небу ходили чёрные тучи, не давая солнцу охватить землю. Подувал ветерок – с яблонь летели вихрем жёлто-зелёные листочки, а кривые сучковатые ветви дрожали, словно продрогшие.

– Я нашла тут колодец за домом. Бадью взяла – умыться вам. Только вода уж порáто ледяная, – Ненила огляделась с опаской и поманила барышень за угол сарая.

Струйка обжигающей воды полилась в девичьи ладони. Взбодрила сонные глаза и осталась каплями на ресницах.

Явился Леонтий:

– Катерина Иванна, вы давечи приказали лошадей готовить. А как я ив на улицу вынесу? Хозяюшка-то вечор ворота заперла да ключи с собой забрала. А конюфа-то нету.

– А мы тогда пешком пойдём. Кто нас тут знает?

– Как же вы, неужто одни, Катерина Иванна? Дайте я пойду с вами.

– Зачем, Леонтий? Город маленький, не заблудимся.

– Боязно мене за вас, вон вечор одна только шушера по городу бродила!

– Так то было на ночь глядя. Не тревожься, Леонтий. Оставайся сеньору Раффаеле служить.

Барышни повязали на головы шёлковые платки. Ну, вот – то ли дело! В платке куда как удобнее, нежели в шляпе, – Екатерина улыбнулась.

– Ждите нас здесь! – она погрозила пальцем Леонтию и Нениле из-за угла дома. И потянула Лизу за руку к калитке.

Углич был тихим и пустынным, словно время в нём остановилось. Барышни шли к площади узкими немощёными улочками. Атласные туфли тонули в мягкой дорожной пыли, в тонкие подмётки впивались мелкие камешки. Домашняя простота уездного городка успокаивала душу. В провинциальных местечках всегда кажется, что никуда не надо торопиться и бояться опаздывать, и не за чем гнаться – потому что всё вокруг замерло. Проходят дни, месяцы, иногда годы – а город тот же, и жизнь в нём не меняется, храня связь с воспоминаниями.

Площадь оказалась шире, чем представлялась туманной ночью. Четыре храма венчали её углы, соединённые длинными рядами зданий с арками. Солнце поднималось за спиной – и золотые кресты на храмах горели пламенем зари. У торговых рядов то тут, то там стояли подводы, лошади с мохнатыми копытами смирно ждали хозяев. А народ стекался в храмы.

Трижды крестясь и кланяясь, Екатерина и Лиза вошли в Успенскую церковь с голубыми куполами, у стен которой ночью стояла их карета. Вошли за мужичками в серых подпоясанных рубахах.

– Уф гроза-а – наша барышня! – усмехнулся Леонтий. – Пошли, Ненила, обратно в сарай. Как бы на глаза кому не попасться.

Сидел-сидел он без дела. Час прошёл. На дворе никто не появлялся и не спешил их выгонять. С вечера незапертой осталась одна конюшня.

– Пойти лошадей накормить что ли... А то издохнут.

– Поди-ка, Леонтий, – оживилась Ненила. – Я тоже пойду – голубку с пелёвы чего в конюшне пособираю. Ведь тоже тварь Божья – тоже есть охота.

Она притащила в подоле пригоршню овса. Просунула воркующему голубю в клетку широкую ладошку.

– Отчего к нам никто не заходит? Ненила! – Рафаэле смахнул прилипшую траву с белых панталон.

– Не заходят – и хорошо, барин! Зато не гонят. А не то бы мы потеряли Катерину Иванну с Лизаветой Андреевной. Где бы мы с ними повстречались?

– В карете. У ворот.

Застенчивые глаза пробежали в угол, где сидел герцог, прислонясь к печной кладке.

– Вы бы сказали, чего нам с Леонтием делать, покудова барышни не воротились. Вы чего прикажете – мы вас и будем слушать.

Он улыбнулся доверчивой покорности её голоса.

– Ничего не надо делать, Ненила. Только ждать.

– А вам не угодно ли чего?

– Мне ничего не нужно. Голова болит сильно-сильно от сухой травы...

– Ох!..

Как же быть?

– Леонтий! – Ненила кинулась к двери и столкнулась с ним при входе в сарай. – Леонтий! Чего делать-то? Беда! У господина нашего герцога голова болит, помогать надо!

– И чё же? – ответил раскатистый голос на её шёпот.

– Слышь, Леонтий, ведь у нас капустой всегда лечатся! Где бы достать-то её?

– Ишь ты... Ненила! У нив же, у господ-то, и болячки другие – не как у нас. Мигрени у них всякие. А ты говоришь, капустой!

– А ну и чего? А вдруг поможет?

– Ну... Кхм... и чё же?

– Сходи, спроси у кого-нить.

– У кого?..

– Поищи...

Леонтий погладил бородку:

– Ну, ладно. Ежели надо... Чё же делать? Пойду добывать капусту.

Он обошёл двор. Заглянул в решетчатое окошко курятника: белый петух с королевским гребнем уставился на него одним глазом.

Да петуха-то не спросишь... Хозяйка оставила их здесь, словно пленников, – даже лошадей за ворота не вывести. И пропала. А рыскать по чужим огородам – грех на душу брать.

Возле бревенчатого каретника стояла покрытая рогожей копна соломы. Рядом – высокая ровная поленница. За копной вела на крышу приставная деревянная лестница.

С оживлением утра кто-то закопошился в конюшне. Проверив все закутки двора, Леонтий вернулся и нашёл там конюха с длинной рыжей бородой в холщовой некрашеной рубашке.

– Ты чьих будешь? – спросил конюх. – Тех господ, что хозяйка на ночь пустила?

– Я кучер ихний. Слушай, добрый человек, помоги! Принеси нам капусты.

Конюх посмотрел на него, как на чудака.

– Да ты чего? Кто мне её даст? Нас знаешь как наказывают за безвременное ядение? До обеда – никакой капусты!

– Слышь, нам простой кочан надо, да хоть листья одни! К голове привязать барину нашему!

– А ежели меня накажут?

– Да ты потихоньку! Спроси у кого-нить. Век те благодарны будем!

– А мне-то чего с вашей благодарности?

– Ну я тя как доброго христианина прошу! Ну не мене же в дом идти!

Ненила выглядывала из-за сарая. «Вот недотёпа-то мужик! – она хихикнула в ладошку. – Небось думает, Леонтию капусту погрызть захотелось! Иди, давай! Бросай помело своё!»

– Согласился! – она вбежала к Раффаэле в сарай. – Уговорил Леонтий!

Герцог всё так и сидел, как прибитый к стене. Держался за голову.

– Вам бы выйти да водичкой холодной умыться.

– Хозяйка просила не выходить. Мы гости и обязаны уважать её волю.

– Я повню, что барынька приказала, а я к колодцу всё ж сходила ради барышень. Никто не заметил. Да тут и не видать из окон. Пойдёмте, я и вам водички принесу.

Раффаэле улыбнулся через силу:

– Подай из ящика мой... *borza 'a viaggio*.

Ненила захлопала глазами: простите ради Христа... Он вздохнул и подвинулся к ящику за несессером, морщась и потирая лоб.

Алёнка сладко спала в сене, укутанная пелёнками.

За углом под глухим забором рос колючий куст шиповника. На него уложили фрак. Ненила в крепкой руке принесла полное ведёрко воды.

– Вы б лучше разбыгнулись...

– Что?

– Да уж порато рубашечка у вас белая. Жалко будет, ежели замочится.

Раффаэле завернул рукава и расстегнул пуговицы на груди. Холод промёрзлой земли пополз ему под мышки.

Плеснулась струйка из ведра. Колодезная вода растворила в ладонях мандариновое мыло. Ледяная пена, как из январского моря, пощипывала лицо. И таяла. От смелой струи хотелось закричать...

«И-и-и!» – визгнул девичий голос.

За углом дома мелькнул мышастый сарафан. Зелёная голова хряпнулась об землю и подкатилась к ногам герцога.

Ненила поставила ведро, кинулась подбирать отколотые листья.

– Она к нам приходила? – спросил Раффаэле. Вода капала с его чёрных ресниц и носа.

– Ой, чего таперичи будет! Это ведь конюф, чай, девку к нам прислал, с капустой-то!

Герцог приподнял за плечики фрак, чтобы не порвать подкладку о шипы, набросил себе на спину и, пригибаясь, как от вражеских пуль, побежал за Ненилой в сарай.

Она распотрошила на коленях разбитый кочан. Открыла ящик и оторвала полоску полотна для раненых.

Кончиками пальцев Раффаэле ощупывал холодные, мятые листья на висках. В Неаполе никому на ум бы не пришло лечить головную боль таким способом. Белая лента круг за кругом обвивала его голову.

– Вот та-ак, ваше величество, сейчас у вас всё-ё пройдёт...

– Почему ты так называешь меня, Ненила?

– А мене Лизавета Андреевна про вас рассказала, что вы королевич заморский.

– Но я не «величество».

– Вы простите меня глупую, а я правда не знаю, как вас называть. Имя ваше мене не выговорить, – она хихикнула.

За стеной в курятнике распевал петух. Леонтий похрапывал за копной, спустив колпак на нос. Время близилось к полудню.

И вдруг — сначала вдалеке, а потом ближе и, наконец, надо всем Угличем раздался колокольный звон.

Глава IV

Лиза раздавала милостыню нищим на паперти в память о погибшем женихе. Из-за парящих над куполами туч заигрывало холодное солнце то одним, то другим краешком. За храмом синела Волга, и речной ветер толкал выходящих с обедни в спину к площади, наводненной народом. Под каждой аркой кто-то копошился. Через площадь двигались гружёные обозы. Отовсюду слышался гомон, цокот, скрип – всё гудело и кричало.

Медный звон колокольной над Успенской церковью завибрировал в осенней чистоте воздуха. Соседние подхватили перезвон. Понедельник продолжал празднование Рождества Пресвятой Богородицы. Народ крестился. И четыре храма с разных концов площади слились колоколами в единый оркестр. Светлый православный оркестр.

Екатерина и Лиза с паперти оглядывали кишашую народом площадь. Кобыла тащила телегу с мешками. Шли три молодые монахини с корзинами овощей, кланялись знакомым лицам. Навстречу ползла низенькая горбатая старушка. Справа возле арок работники в серых подпоясанных рубахах и коричневых гречневиках, перекрикиваясь, выгружали из телеги мешки с мукой, бухая их так, что в воздух взлетало белое облако. Ругань приказчика заглушала зазывания торговцев из-под арок.

– Пойдём, Лиза, – Екатерина потянула её за руку.

– Мы будем искать модный дом?

– Нет, мы купим ткань и сошьём тебе платье сами. Так скорее будет. За день управимся. У модисток кроме нас полно заказчиц.

Они прошли к ряду лавок, где стоял гвалт и торговцы не успевали собирать выручку. Запах колбасы напоминал, что пора бы позавтракать. Но здесь никто не глядел, что две девицы в платочках – дворянки. А титул давали одни бойкие локти. Толпа в армяках и чуйках не пустила барышень к прилавку и вынесла их из сумасшедшего колбасного легиона.

Екатерина схватила Лизу за руку и потащила на свободное пространство – в середину площади. Мимо пролетела тройка – едва их не сшибла.

Кого бы спросить? Кого спросить?.. Вот – какая-то дама с зонтиком в европейском платье опиралась о локоть плечистого господина во фраке. Барышни поспешили к ним.

– Не скажете ли вы, где здесь торгуют тканями? – спросила Екатерина.

Дама, вся в кудряшках, указала на дальние здания с арками под зелёной крышей:

– Вон там, у холщевников спросите.

Поклон-благодарность – а ноги уже бежали, подладились к ярмарочной суматохе.

– Кто такие холщевники?

– Не знаю, Лиза, идём скорей!

За арками десять прилавков подряд ломились под тканями. Чего здесь только не было! И муслин, и бархат, и креп, и шёлк, и разные холсты.

– Дымка, тюль, батист, кисея! – зазывала полная круглолицая торговка с коралловыми бусами. Ей вторили из-под соседних арок. По ушам били рыночные словечки, каких ни Екатерина, ни Лиза никогда в жизни не слыхивали.

– Чего желаете, барышни? Есть шелка самые разные, кружево. А быть может, вам батисту? – обратился постриженный полукругом купец.

– А есть ли у вас чёрный траурный креп? – спросила Екатерина.

Торговец перестал улыбаться.

– Погодите, матушки, поищем. А, быть может, вам лучше шёлк? Наталья! – крикнул он за плечо белокурой, одетой по-европейски девице с зеркальцем в руках. – Чова любоваться! Позонь, поверши, что у нас есть из траурного?

Девица лениво поднялась и нырнула под занавес разноцветных шалей.

– Вам сколько отмерить? – спросил купец.

– На платье для барышни, – Екатерина указала на Лизу. – Думаю, четыре аршина будет достаточно.

Девица вынесла охапку чёрных свёртков полотна, уложила на прилавок. Купец принялся их раскатывать:

– Вот шёлк с мериносовой шерстью – для осени как раз. Шёлк-сатин! Для платья грубоват будет – зато не порвётся. А вот креп...

– А не скажете ли, где мы можем купить шляпку, перчатки и сумочку? – привычные к шитью пальцы Екатерины щупали зернистую креповую ткань.

– А это на второй этаж надобно подняться...

Они снова шли угличской немощёной улочкой, согреваясь последним солнцем бабьего лета. Мимо бревенчатых старых домов в три окошка на каменных подклетах. Екатерина тащила под мышкой рулон материи, завернутый в бумагу. Коробка со шляпой выскальзывала у Лизы из рук. Вдоль обочин подсыхала застарелая трава. Кое-где виднелись запоздалые хилые цветки нивяника. Но особенно удивляла здесь лесная рябина у каждого дома. Нигде больше не видели ни Екатерина, ни Лиза таких крупных ягод.

Из-за крыш вдали блестели кресты храмов. Противоречивый город был – этот Углич. Казалось, в окружении церквей – он благословлен Богом. Но кто не знал, что в этом городе убили Царевича Дмитрия? И память об этом навевала что-то мрачное... хоть и люди здесь казались счастливыми.

– Катя, а где мы будем платье кроить? На полу в сарае?

– Дождёмся хозяйку, и я попробую упросить её пустить нас в дом до вечера, – она перехватила на ходу тяжёлый сверток.

– Прости, что из-за меня ты не поехала в Москву.

Екатерина вздохнула.

– Скажи, Лиза, ты доверяешь сеньору Раффаэле?

– Да!

Слева за купеческим домиком показался угол белого каменного особняка. Они украдкой пробрались через калитку в сад, объятый монастырским покоем. Обошли дом. Екатерина, держа Лизу за руку, приоткрыла дверь сарая.

– Венчались мы – мене всего севнадцать годков было, – слышался шёпот в дальнем углу за ящиком. – И вот Мирона мово отдали в рекруты, а я была на сносях...

Ненила сидела рядом с герцогом на одеяле у печной кладки, прижимая к груди спящую дочку.

– Катерина Иванна, Лизавета Андреемна! Наконец! – она вскочила на ноги. Белый платок её сполз на затылок, открыл пробор в льняных волосах. – Тут такое было, Катерина Иванна!..

Она принялась рассказывать про конюха и про девку с кочаном.

Раффаэле поднялся, отряхнул с одежды сухие травинки. Уже без капустной повязки.

– Мы ждали, что барынька придёт и нас выгонит, – говорила Ненила. – Вот и сидим тут тише воды. А хозяйюшки-то до сив пор нету!

– Вы голодны? – спросила Екатерина. – На площади ярмарка. Жаль, что мы не купили колбасы.

– Не вам, барышня, колбасу на базаре покупать! – вылез из-за копны Леонтий. – Дело ли? Послали б меня. Всё рамно ворота заперты – не уехать.

– А мы пока что никуда и не едем. Надобно Елизавете Андреевне траурное платье пошить.

Лиза смотрела, как провинившийся ребёнок, обнимая коробку со шляпой.

– Позвольте мне поговорить с вами, сеньор Раффаеле, – Екатерина оперлась о его локоть и повела к двери.

Отрез чёрного крепа остался лежать на крышке ящика, упакованный в серую пергаментную бумагу.

– Сеньор Раффаеле, только вы знаете, зачем я еду в Москву. Вы понимаете, как дорог мне каждый день пути. И вы знаете, как трудно мне сейчас. У меня никого нет ближе вас в нынешних обстоятельствах, и потому я смею просить вас о помощи.

– Я с вами, чтобы помогать вам, – он коснулся ладонью груди и воздуха перед нею.

– Я прошу вас позаботиться о Лизе. Я не могу отправить её назад в имение и оставить там одну. Гувернантка уволена. Тверская губерния близка к театру войны. Я не могу отправить Лизу в Петербург к моим родителям. Ей придётся признаться им, что я не в имении. Мне не сделать для неё больше, чем вверить её судьбу в ваши руки. Я понимаю, что рискую её репутацией, но лучшего я не смогла придумать. Я прошу вас остаться с Лизой. Отвезите её в имение и наймите для неё компаньонку. Вы можете обратиться за помощью от моего имени к Нине. Вести с войны подскажут вам, что делать. Если придут французы, тогда иного не останется, как ехать в Петербург.

– А что вы будете делать?

– Я поеду в Москву одна. Мы с вами простимся здесь и поедem разными дорогами.

Раффаеле сдвинул брови, зашипнул пальцами воздух, поднял руку... Опустил.

– Вы хотите, чтобы я оставил вас – одну?

– Я прошу вас понять моё положение. Я в ответе за Лизу. Но вы же знаете, что я не могу сама с нею остаться. Я думала ночью, думала в церкви, и я не нашла иного решения. Быть может, его видите вы?

– Ваше положение! – он надавил рукой на лоб. – Но в какое положение вы – меня ставите? Я не могу отказать вам и не могу согласиться!

Ненила баюкала ребёнка и смотрела на господ, приоткрыв рот. Лиза за санным валом переминалась с ноги на ногу и покусывала губы.

– Сеньор Раффаеле! Я могу сама о себе позаботиться, – сказала Екатерина. – Лиза больше нуждается в вас.

– *Maronna!* – он воздел руки и принялся ходить по кругу. – *Comme fà? Comme mm'aggi' 'a spartere?..*

– Катя! – Лиза не выдержала и кинулась к ней. – Прошу тебя, не мучь сеньора Раффаеле! Я поеду с тобой в Москву.

Строгие серые глаза замерли на её лице.

– Лиза! Для того ли я увезла тебя из имения?

– В имении я была бы одна. А с тобой и с сеньором Раффаеле не так страшно.

– Понимаешь ли ты, что под Москвой французы, Лиза? Мы не знаем последних вестей! А вдруг я не смогу уберечь тебя?

– Но сеньор Раффаеле не будет знать покоя, если ты поедешь одна.

Он ходил взад и вперёд, поглядывал на барышень и держался за виски.

– У вас снова болит голова, сеньор Раффаеле? – спросила Екатерина.

– Нет! Я хочу её оторвать!

– Когда ты вернёшься оттуда в Петербург, Катя? – Лиза заглядывала ей в глаза.

– Я не могу тебе ответить. Я еду в русский лагерь к офицеру! Он тяжело ранен и находится в госпитале при полку.

– Он твой жених?

– Нет... Но он мне дороже собственной жизни и репутации.

Лиза перевела внимательный взгляд на Раффаеле. Он остановился к ним спиной и молчал.

– Я готова рисковать своей жизнью, – произнесла Екатерина. – Но твою, Лиза, я не вправе подвергать опасности.

Детская мягкая щёчка прижалась к её плечу:

– Катя! Позволь мне самой отвечать за свою жизнь. Ты не виновата, что Михаил Евстафийч погиб и я не могу остаться в Угличе.

– Сеньор Раффаеле! – позвала Екатерина. – Вы хотите, чтобы Лиза поехала с нами? Вам легче станет? Ненила! А ты? Куда ты поедешь? Не бойся, отвечай! Ты свободна.

– Я за Лизаветой Андреевной. Куда мене ещё, ежели не за барышней? У меня никого больше не осталось.

– Куда же ты младенца повезёшь?

– O Ddìo!³⁸ – Раффаеле закатил глаза.

Один Леонтий с невозмутимым видом сидел на сене в углу и кусал сухой стебелек мятлика. Дело кучерское немудрёное: куда прикажут – туда и повезёт.

Скрипнула дверь – вошла маленькая женщина в большом белом платке, заколотом под подбородком. Хозяйка Анна Прокопьевна. Желтовато-серый повойник прятал её лоб и волосы.

– Что за шум вы подняли?

– Простите, – ответила Екатерина.

– Я за вами пришла. Пойдёмте в дом, муж мой знает о вас! Я ему рассказала, потому как грех от мужа тайны иметь. Это он велел привести вас, потому как обедать пора. Как-никак, а отпустить людей голодными – не по-божески.

Несмотря на благодушие, говорить она старалась строго, как игуменья монастыря. Хотя, будь у неё дети, никто бы не принимал всерьёз её строгость – настолько безобидно-простым казался её облик.

Перед парадным крыльцом хозяйка обернулась и оглядела Леонтия: в коричневом сермяжном зипуне, серых потёртых онучах и войлочном колпаке.

– Поди в людскую, тебя там накормят!

Ненила же, как свободная солдатка, с ребёнком на руках проследовала за господами в дом.

За крыльцом оказался тёмный тесный коридор и узкая лестница в углу с резными деревянными перилами. По лестнице Анна Прокопьевна привела гостей на второй этаж. Потянула за чугунное кованое кольцо – и отворила тяжёлую дверь. Через светлую комнату с обитыми деревом стенами они прошли по широким отбелённым половицам, заметив здесь маленький столик с самотканой скатертью и старинным медным самоваром, длинные лавки и ткацкий станок у стены.

В жилых покоях вместо дверей зияли низкие и тесные проёмы. Пахло льном. Хозяйка завела гостей в просторную комнату с белыми в цветочек занавесками на окнах. Вдоль половиц здесь стоял ряд дубовых обеденных столов и тяжёлых деревянных стульев. Писанные маслом иконы на полке украшало вышитое полотенце и венчал восьмиконечный крест, а с расписного потолка спускалась большая лампада. На почётном месте под иконами сидел бородатый... старик – не старик. В тёмно-синей шёлковой рубаше с кушаком. Желтовато-русые, постриженные полукругом волосы его разделял пробор.

Анна Прокопьевна поклонилась:

– Вот они, батюшка.

Позади неё на чистом лоскутном половике выстроились Екатерина, Лиза и Раффаеле, а за их спиной – Ненила с младенцем. Как на эшафоте – под оценивающим взглядом хозяина.

³⁸ О Боже! (неап.)

Длинный ряд столов наполнялся. Щи в чугушке, пшеничная каша на молоке, холодные рыбные пироги... К столу из соседних комнат выходили дряхлые старухи в чёрных одеждах. С десятков.

Сервировкой занималась девка в серой косынке. Повернулась лицом... Раффаеле и Ненила переглянулись: она приносила капусту к сараю. Точно! Она.

Хозяин поднялся со стула, как с трона. Выкатил живот. Половицы заскулили под его сапогами.

Он подошёл к гостям. Взгляд его остановился на чёрных, подкрашенных ресницами, глазах герцога.

– Тебя утром наша прислужница у сарая видела? – напрямик спросил он, глядя из-под насупленных светлых бровей.

– Да, – ответил Раффаеле, не шелохнувшись.

Хозяин обернулся к девке:

– Феодора! Ведро из колодца уברי. Скотину поить из него будем.

Та беззвучно поклонилась.

– Ты из еллинов будешь?

– Я подданный Неаполитанского королевства, – ответил герцог деликатным тоном. – Это Апеннинский полуостров, к югу от Рима.

– Знаю. Город твой еллины основали. О том и спрашиваю.

– Я католик.

– Всё одно – еретик!

Хмурные глаза обратились на Ненилу:

– А твой муж где?

– Убили на войне, – она ткнулась носом в макушку ребёнка.

– Ты что же, Анна Прокопьевна, их вместе – в одном сарае, всех поместила?

Хозяйка сжала плечи и наклонила голову.

– Ладно. После каяться будешь! Пора обедать садиться.

Хозяйские дети – три мальчика и две взрослые дочери отличались среди домочадцев русскими разноцветными косоворотками и сарафанами: синим и красным на льняных рубахах. У девиц шёлковые ленты обвивали голову, подвязанные под косой. Широкие рукава собирались узкими манжетами на запястьях.

– Феодора! Отодвинь стол еретикам, – приказал хозяин. – В угол поставь – вон в тот.

– Батюшка, Иван Васильич, да неужто мы с еретиками будем обедать? – с поклоном прошептала Анна Прокопьевна. – Не лучше ли их в другую комнату отправить.

– Я сказал – стол для них поставить здесь! Пусть зрят истинную веру!

Феодора поволокла тяжёлый стол в тёмный угол. Поставила перед Раффаеле миску щей, поглядела на него, как на сатану, – и пошла-пошла бочком.

Он смотрел на Екатерину ошалелыми глазами:

– Почему этот человек назвал меня *eretico*?

– Не разговаривать! Молча пообедайте! – пригрозил хозяин.

Герцог сдвинул брови на деревянную некрашеную ложку.

Все встали перед иконами и положили три поклона. Пропели молитву. Перекрестились – и заняли места за столом.

– Они по-другому крестятся, – шепнула Ненила.

– Они раскольники, – ответила Екатерина.

– Что значит «раш-кольники»? – спросил Раффаеле.

Хозяин и хозяйка обернулись на шум. Екатерина прикрыла губы платком:

– Я вам потом расскажу.

Старушки обедали с хозяевами. За длинным рядом столов не осталось свободных мест. Ели строго молча.

Во время трапезы любопытные синие глаза хозяйской дочки – той, что в красном сарафане, выглянули на гостей из-за головы сестры.

– Марья! – отец ударил кулаком по столу. – А ну вон ступай! Без обеда будешь! Ступай в молельню, двести поклонов положишь!

Девушка безответно встала, поклонилась отцу и тихо вышла, оставив недоеденные щи.

– Катя, – прошептала Лиза, – Они не позволят нам остаться.

– Я попробую упротить.

После трапезы и благодарственной молитвы старушки в чёрных одеждах покинули комнату. Пустые тарелки собирались матрёшкой в Феодориных руках.

Екатерина поправила на голове платок и подошла к хозяйскому столу.

– Могу ли я говорить с вами?

– Агафья, Мишка, Митька, Алёшка, выйдите! – приказал Иван Васильевич. От мощного его дыхания пахнуло хлебным квасом.

Старшая дочь с соломенной косой вывела мальчиков в соседнюю комнату.

– Позвольте поблагодарить вас за приют и за обед, – сказала Екатерина.

Хозяйка поклонилась в ответ.

– Не стоит того, – супруг её глянул из-под светлых бровей. – Что хотели-то?

– У нас в Угличе нет знакомых, кроме вас. И просить о помощи некого. Моя подопечная, девушка благочестивая, вчера узнала о гибели жениха на войне. Ей нужно сшить траурное платье.

– Так подите на площадь, там есть заведения, где вам сошьют, – проворчал хозяин, закрывая душу скрещенными руками.

– Полотно у нас куплено, и нитки. Платье должно быть готово уже к вечеру.

– Помилуйте, матушка, мы такие заведения сроду не посещали. Откуда нам знать, как скоро они шьют? – Анна Прокопьевна глядела ясными глазами.

– Мы не можем задерживаться в Угличе. Я спешу в Москву – там находится человек, тяжело раненный в бою.

– Ты скажи нам, барышня, чего ты от нас-то хочешь? – хозяин скрипнул дубовым стулом.

– Нам надобно снять мерки и раскроить платье. Позвольте сделать это в вашем доме.

– А шить вы где будете? – спросила Анна Прокопьевна.

– Нам некуда идти. Я понимаю, что в вашем доме правила не располагают принимать людей вроде нас...

Екатерина замолчала, не находя слов. Иван Васильевич оглядел её тёмно-серое дорожное платье с длинным рукавом. Посмотрел ей на ноги. В лицо. Тонкие пряди выбились из-под шёлкового серого платочка и спутались с ресницами. Щёки – устало-бледные, глаза – тусклые и строгие, как у измождённой постом схимницы.

– Жаль мне их, Анна Прокопьевна. Девушки-то хоть и еретички, а честные. Погляди: лица чистые, не напудренные, каблуки не носят...

– Позвольте им остаться, Иван Васильич?

– Пускай займут комнату. Только с этим чужеземным господином как быть?

Хозяйка наклонилась и зашептала ему на ухо.

– Чтоб мои дочери шили бесовское немецкое платье?! – взревел Иван Васильевич. Анна Прокопьевна сжала плечи, склонила голову и снова принялась шептать.

– Агафья! – он отстранил локтем жену.

Девушка в синем сарафане выскочила из соседней комнаты, как будто стояла за дверным проёмом и подслушивала. За нею высунулась жёлтая мальчишечья голова.

– Ступай, приведи Марью, – отец притопнул широким носом сапога.

Обе дочери показались перед ним. Марья, глазами похожая на мать, хлопала ресницами.
– Сейчас пойдёте помогать еретичкам шить платье. Анна Прокопьевна, и ты ступай с ними. Будешь следить. С еретиками не разговаривать! Когда будут платье примерять, тело нагое руками не трогать! И не глядеть!

Лиза за столом напротив Раффаеле зарделась.

– А поклоны, тятенька? – спросила Марья.

– Поклоны потом положишь! А сейчас – помогать! А то они, ей-Богу, так никогда и не уедут от нас. Принесло же их на нашу голову... Но прежде с Анной Прокопьевной сходите в молельню, от бесов молитвою защититесь.

– Благодарю вас, – произнесла Екатерина. – Позвольте мне стакан воды...

Губы пересохли. Она справилась – уговорила хозяев. Осталось определиться с участью Лизы и Ненилы.

Феодора проводила гостей в светлицу с обитыми тёмом стенами. И тотчас ушла, сторонясь Раффаеле, как чумы. Под окнами здесь стояли лавки, у стены против окон – пастельно-голубой мягкий диван. Над ним висела полка с рядом старых икон. На маленьком дубовом столике лежали пяльцы с полотном и серый шерстяной клубок.

Екатерина разложила чёрную ткань на чистом полу, разгладила руками складки. На белёных половицах здесь обронённая иголочка не затерялась бы. Раффаеле подошёл к окну. Отодвинул льняную шторку. Окна светлицы выходили в сад. Вид на улицу и соседний купеческий дом закрывался глухим забором, яблоней и высоким дубом, вдали выглядывали голубые купола с крестами.

Из-за шторы в дверном проёме показались хозяйка и две её дочери. Вернулись с молитвы. Обе девицы посмотрели на герцога, потупили взгляды – и щёки их зарумянились.

– Скажите моим дочерям, госпожа Чубарова, что делать надо. Агафья, Марья, найдите иглы и ножницы. А вы, милостивый государь, – Анна Прокопьевна строго взглянула на Раффаеле, – пойдёте-ка за мной!

Она вывела герцога из светлицы за жёлтую цветастую занавеску.

– Вот что, милостивый государь! Пошли бы вы, погуляли по городу что ли! Не к добру вы тут! Дочери мои из-за вас стали рассеянны! Слова молитв забывают! Такого с ними отродясь не бывало!

Чёрные глаза смотрели невиновато. И как у Бога такая красота получилась?... Тьфу-тьфу-тьфу! Анна Прокопьевна отвернулась и в спешке ушла, пряча улыбку.

Екатерина сняла мерки и раскроила на полу платье.

Трудно строилась работа с хозяйскими дочками: им строго-настрого запретили разговаривать. Сидя на лавке рядом, Ненила подсматривала, как девица стачивала рукав ровными стежками.

– Ишь ты, как ладно вы шить умеете! Хорошие жёны вашим мужьям достанутся!

– Что ты говоришь, матушка! – испугалась Агафья. – Тятенька нам даже думать про это запрещает!

– Почему? – спросила Екатерина.

– Тятенька говорит, что замуж выходить грешно, – Агафья с опаской глянула на жёлтую занавеску.

– А как же родители ваши?

– Тятенька с маменькой не сразу к истинной вере пришли, – подняла голову Марья.

– А чего будет, ежели вы замуж захотите? – спросила Ненила. – Вдруг полюбите кого?

Она пожала плечами:

– Верно, уходить надобно будет от родителей и никогда с ними не зняться.

– Господи сохрани! Не говорите нам такое! – закрестилась Агафья. – И ты, Марьюшка, думать не смей! Права маменька, что говорить с вами не позволила!

Ненила прикусила язык: не подвести бы барышень под монастырь с недошитым-то платьем. Алёнка гулила на диване, шевелила ручонками из-под белых пелёнок.

Через час вернулась хозяйка и взялась помогать. Заняла место рядом с Агафьей: Ненила то и дело вставала покормить, покачать, поменять мокрый подгузник. И каждый раз Анна Прокопьевна цыкала на дочек, когда те заглядывались на младенца.

Дело спорилось до первой примерки – матушка вывела дочерей из светлицы и запретила им прикасаться к смётанному платью, осквернённому телом еретички. Агафья и Марья так и не вернулись.

Солнце краснело огоньком на горизонте, рассеивался в вечерних сумерках фиолетовый свет, когда Екатерина пришивала последнюю полоску кружева к лифу. Лиза без дела смотрела, как её рука пронизывает иглой чёрную ткань. Ненила баюкала Алёнку.

Из-за жёлтой занавески послышался голос – мягкий, как гретое сливочное масло:

– М-мн'е позволили быть зд'есь. М-могу ли я остаться'я с вам'и?

– Конечно, можете, сеньор Раффаеле, – отозвалась Екатерина. – Где вы были?

Он приклонился, чтобы войти, и сел на диван рядом с Ненилой.

– Гулял – по городу. Его можно обойти за один час. Здесь есть красивая набережная. Церквей больше, чем в Пьетробурге. В этом городе убили вашего царевича в шестнадцатом веке. Я видел дворец, в котором он жил.

– Кто вам рассказал про царевича?

Раффаеле улыбнулся:

– Я встретил эту женщину, которую мы видели ночью на площади. Она начала вечерний променад. Она узнала меня и показала дворец.

Платье было готово. Лиза смотрела на своё отражение в старом напольном зеркале в углу светлицы. Чёрный креп, длинные рукава, высокий воротник – будто юная вдова, кроткая и боязливая. Екатерина поправила на ней кружева и плечевые швы. И вышла бесшумной поступью в соседнюю тесную комнату, где ждал Раффаеле.

– Пора собираться. Лиза и Ненила едут с нами – положимся на волю Божию.

Он взял её руку. Подушечки пальцев у неё разгорячились от работы иглой.

– Катерина... Где есть война – будут другие правила. Вам придётся забыть, чему учили вас в деревне и Пьетробурге, к чему вы привыкли.

– Да. Придётся позабыть... Только за Лизу боязно.

Большие ворота возле каретника отперли, и Леонтий подогнал экипаж к передней калитке. Хозяйка вышла проводить.

– Поезжайте на Московскую улицу, – посоветовала она Екатерине, – а оттуда на Мирносицкую дорогу – этот путь короче будет. А до ближайшего постоянного двора – около двадцати вёрст.

Раффаеле взглянул из-под поля шляпы на дом. На втором этаже хозяйские дочки толкали друг друга, чтобы отвоевать место на узком подоконнике. Заметили, что герцог смотрит, – заулыбались. Он не успел приподнять шляпу – девицы исчезли, как разогнанные мухи. Вместо них в окошке показалась бородатая плечистая фигура. Когда карета за четвернёй покатила по узкой немощёной улочке, обсаженной рябинами, Иван Васильевич проводил её благословляющим взглядом.

Старая Московская улица сверкала фонарями и домашними огнями из окон разновековых строений. Леонтий подогнал лошадей к трактиру, с виду спокойному и немногочисленному.

Столики, накрытые белоснежными скатертями, стояли вдоль окон с зелёными шторами. За одним обедал в одиночестве купец третьей гильдии. У стены напротив ряд столов без скатертей с небранными крошками предназначался для низших сословий. Буфет манил ароматом свежезапечённого мяса и солений. На стойке красовались два больших начищенных самовара и ряд гранёных стаканов. Хозяин трактира в подпоясанной рубаше и полосатых штанах сновал туда-сюда мимо полок с фарфоровыми чайниками и расписными подносами. Густым кудрявым белым чубом он напоминал матёрого быка.

Подбежал половой – подстриженный полукругом малый в белой рубаше. С полотенцем на локте. Раффаеле попросил столик в укромном месте, чтобы спрятать дам от чужих глаз.

– У нас только вот этот столик куплен господином Меховым, а из остальных можете выбирать, – сообщил половой. – Вон тот, в уголке, не устроит ли? Пожалуйста сюда.

Барышни протиснулись к стене. Лиза положила на стол чёрные перчатки. Расстегнула редингот: старенький, поношенный, отороченный коричневым плюшем. Широковатый в плечах. Ненила села с краю. Видел бы Петербург: солдатка за столом – напротив герцога!

Три неопрятных мужика в холщовых рубашах вошли, покосились на барышень и уселись по-соседству с обшарпанным столиком Леонтия.

Половой принёс для господ фарфоровые тарелки. Суп из осетрины с кореньями и зеленью, икра, телячьи отбивные в сметанном соусе, ватрушки с творогом, чай в белых чайниках и кусочки сахара на блюдах.

– Это и для меня тоже? – робко спросила Ненила.

Раффаеле улыбнулся:

– Благодарность за капусту!

– Для меня?.. Стол-то какой – прямо-таки царский!

– Королевский! – поправила Екатерина.

Из другой половины доносился звон ложек и мужицкие разговоры. Скрипнула дверь – и пахнуло, как из нечищеного коровьего стойла. Человек в затёртом длинном кафтане, прикрывая лицо поднятым воротником, прошёл к буфетной стойке. Не удосужился даже снять колпак.

– Чего пришёл? – раздался голос хозяина трактира.

– Поесть. И выпить налей.

– Тут тебе не питейный дом! А ну уходи!

– Хоть хлеба дай. Шури ты мне как-никак...

Екатерина не ела. Помешивала суп, поглядывала на Раффаеле. Он отворачивался, зажимая ноздри платком. Мужики рядом с Леонтием басили, как ни в чём не бывало.

– Хлеба ему... Тоже мне, зять... Татьяна одна ребятишек подымает, а ему – хлеба. Доколе ещё прятаться собираешься по болотам?

– Тихо ты! Дай пожрать-то!

– Пришёл... У меня тут люди приличные сидят, а ты моё заведение срамишь! Я вот сейчас квартального позову...

– Не позовёшь. Дай хлеба – и уйду!

На стойку упал сухой ломоть. Посетитель оглянулся на столики.

– Этих господ карета на дворе стоит? – тихо спросил он хозяина.

– Не твоё дело! Уходи!

– Мне не нравится эта таверна, – Раффаеле поморщился и покрутил рукой.

– Зато у них хорошие повара, и даже Тверской фарфор подают, – заметила Екатерина. – А подобных лиц везде хватает. Давайте ужинать. До полуночи мы успеем проехать два десятка вёрст до почтового стана.

– Барышня Катерина Иванна! А куда нам ехать? Барынька нам про какую-то дорогу толковала, – спросил Леонтий через проход.

– Про Мироносицкую. Говорят, по ней быстрее.

– Ну, дело.

Посетитель, как назло, замедлил шаг, проходя к двери мимо господского стола. Замешкался: совал краюшку хлеба за пазуху. Рафаэле, морщась, отклонился к плечу Екатерины.

Все, кто входили в трактир, мещане или иные «подлые люди», как по указу, косились на барышень. Виданное ли дело, чтобы дамы ужинали в таком заведении? Да ещё и Алёнка попискивала на руках у Ненилы. Только купец, как благовоспитанный человек, неспешно попивал чай и рассматривал бумаги.

Бывало, в Петербурге дни пролетали как один: посещения, выезды, вечером – великосветские салоны или театры, днём – чтение книг и рукоделие. Один день бывал похож на другой – так и год мог пролететь в одних и тех же занятиях, поедающих время. Но последние два дня в Угличе, а особенно нынешний, 9-е сентября, казался длиннее Петербургского года. Утро не предсказывало вечер, как левый глаз не видит правого. Но день ещё не кончился, и вечерние потёмки скрывали впереди долгую эпопею...

Глава V

Четверня понесла карету по Московской улице на Мироносицкую дорогу. За кузницами на окраине Углича в свете каретного фонаря замелькали терракотовые стволы сосен, утопающие в паутине лещины. После получаса езды они перемешались с елями, берёзами и осинами. Стало темно. Дорогу было бы не разглядеть, если бы не расступились тучи и не открыли мелкие огоньки созвездий.

Пять вёрст... Десять... Екатерина научилась считать вёрсты интуитивно, не узревая дорожных столбов.

Одиннадцать вёрст...

Карету тряхнуло – и замшевая тулья Лизиной шляпки ткнулась ей в подбородок. Ненилу кинуло на герцога, он подхватил солдатку под локти – и Алёнка едва не выкатилась из рук. Послышалось ржание лошади – странное, надрывное. И чужие голоса.

Вскрикнул Леонтий.

И карета остановилась.

В полудрёме Лиза не успела испугаться. Екатерина смотрела вопросительно в её хлопающие глаза. Это был сон? Откуда – незнакомые голоса на дороге среди леса?

Первым сообразил Раффаеле – схватился за рукоять сабли. Дверца открылась – и показала руку с топором.

– Всё, баре, приехали, – сказала обросшая голова в дырявой шапке. – Не рыпаться – нас всё одно больше. Выходим из кареты!

Раффаеле подбодрил взглядом забившихся в угол барышень, перекинул через плечо португею и, не отпуская сабли, спустил ногу из кареты. Множество рук, как змеи Медузы Горгоны, просунулись в его карманы. Карету окружали люди: обросшие, грязные, с топорами и дубинами. Сколько их было? Пять? Шесть? Больше? Волосы, бороды висели слипшейся паклей.

Екатерина прижала к себе свёрнутое шерстяное одеяло и зонтик – и шагнула, как в яму: подножку никто не выдвинул. Удержалась на ногах – ухватилась за руку Раффаеле. Сумочка-кисет с деньгами стала на локте неощутимо-лёгкой, и отрезанный шнурок упал на землю.

Грязные руки противно ощупывали складки рединготов её и Лизы. С Ненилы брать было нечего – но и белый узелок с детскими пелёнками оказался располосован ржавыми лезвиями.

Обросшие чудища, как муравьи, копошились у экипажа. Трогали лошадей и колёса, сидели в карете и заглядывали под господские сиденья. Лиза спряталась за клетку с голубем, вцепилась в прутья. Раффаеле закрыл спиной барышень и Ненилу.

В лицо ему сунули топор.

– Слышь, барин. Саблей своей не маши. Убьёшь одного нашего – другие тебя зарубят. И твоих баб. Коли будешь тихо стоять – будешь жив. Нам нужна повозка и лошади. Понятно?

Герцог свысока смотрел на топор, пачкающий его гладкий подбородок, и молчал.

Вонючая масса издавала дикое рычание, железный смех и скверную брань, какой никогда не слыхивали барышни, Раффаеле не понимал; и только Ненила закрывала глаза, прижимала к груди головку дочери и шептала молитву.

Двое открыли ящик, прикреплённый к карете, и на землю полетели полосы белого полотна.

– Ты чё делаешь? Это нам сгодится! – рыкнул кто-то.

Запóлзали – стали подбирать простыни, перепачканные дорожной пылью.

– Отдайте нам одеяла. Только их. Пожалуйста, – попросила Екатерина из-за высокого плеча Раффаеле.

Волосатые головы повернулись на неё и загоготали.

– Тёплые одея-яла? А может, они и нам сгодятся!

– Нам нужны одеяла, – Екатерина дрожала, как в ознобе. – Без них мы замёрзнем в лесу. Отдайте нам одеяла! – её голос сорвался.

– Ты гляди – нет бы жизнь просить, а она просит одеяла! – скалил зубы обросший с топором.

– Слышь, барин! – произнёс вблизи чей-то гнилой рот. – Дай нам одну бабу? Куда тебе столько? А мы тебе одеяла! А?

– Не подходите! – пригрозил Раффаеле. За его спиной сжались в беспомощный клубок три женские души.

Шерстяной ком бросился ему в лицо.

– Забирай! Тут и так добра хватает.

Они облепили карету, как августовские мухи: набились внутрь, расселись на крыше, на козлах и ящиках, прикреплённых сзади. И помчали лошадей в неволю – лучших Чубаровских лошадей, вскормленных бежецкими лугами.

Раффаеле замер, сжав кулаки. От нелепой радости, что они остались одни на дороге. Лиза кинулась к Екатерине на шею.

Они огляделись: бескрайность леса давила со всех сторон. Как яма, из которой в жизнь не выбраться; как беспощадные объятия трясины. Закричать до хрипоты, звать на помощь – никто не услышит, потому что за далью леса – мир, не подозревающий о существовании этого места.

«А где... Леонтий?» – стуча зубами, выдавила из себя Ненила.

Глаза различали в темноте силуэты: на дороге, где остались растоптанные следы от подков, лежал распростёртый человек.

Екатерина одна никогда не видела смерти. Но первая кинулась к нему. Наклонилась над его лицом, дотронулась до макушки. Войлочный колпак был горячий и мокрый, пар от него растворялся в морозном воздухе. На пальцах осталось что-то липкое.

– Леонтий! – хрип в горле заглушил её голос.

Подбежал Раффаеле, с неаполитанской расторопностью потормошил его за плечи и руки и приподнял под спину. Леонтий охнул. Из темени его на утопанный песок вытекала тёмная кровь. Екатерина смяла колпак и попыталась промокнуть.

– Чем перевязать? – спросил Раффаеле.

– Погодите! – Ненила уложила Алёнку в траву на обочине. – Погодите, я найду!

Она развязала узелок, вытащила чистую пелёнку и разорвала пополам. Они втроём склонились над Леонтием, стоя на коленях на влажном песке.

– Потерпи, голубчик, – прошептала Ненила, обматывая ему голову.

– Пробили череп, – сказал Раффаеле. – Нужна тугая повязка. Но прежде – удалить осколки кости.

– Вы сможете? – спросила Екатерина.

– Без света и чистого ножа...

– Нам неоткуда ждать помощи, сеньор Раффаеле. Углич в одиннадцати верстах. Нам не дойти туда ночью с раненым человеком.

– Ближе деревни могут быть, – он покрутил над коленями немеющими руками.

– Если пойдём искать, мы заблудимся, – сказала Екатерина. – Надобно дожидаться расвета.

Лиза дрожала. У неё в ногах в траве сопела Алёнка.

– Который час? – Раффаеле сунул руку в карман. – Dannazione!³⁹ Они украли мой берег!

– Чего делать, Катерина Иванна? – всхлипнула Ненила. – Будем ждать на дороге чюнить повозку?

³⁹ Проклятье! (неап.)

– Мы не сможем стоять на дороге неведомо сколько. Нам не остаётся иного, как ночевать в лесу. Как рассветёт, так и подумаем, как выбраться отсюда.

– Вы правы, Каттерина. Мы должны уйти с дороги. Ночью проезжают не только хорошие люди, – Раффаеле не признавался, какая усталость одолевала его после бессонной ночи в сарае. Сколько бы он отдал теперь, чтобы туда вернуться...

Он приподнял Леонтия под шею. Повязка промокла, почернела – хоть отжимай.

– Н-надо остановить кровь.

Ненила оживилась:

– Подорожником! Я пойду поищу!

– По-дорожь-ни-ком. Что это?

– Это круглые полосатые листья, – Екатерина ползала по обочине, ощупывала слизкую траву. – Не то, сеньор Раффаеле, это лопухи! Подорожник меньше.

Ненила нащипала листьев в подол. Не жалея пелёнок, туго примотала их к голове Леонтия. И Раффаеле понёс его в лес. Ветка схлестнула ему шляпу, и она пропала в пространстве ночного леса – но это было теперь не важно.

Екатерина шла впереди, раздвигая тенёта ольхи, лещины и молодых берёз. Под ногами шуршало, трещало и ломалось. Нашли сухое место под двумя осинами. Уложили Леонтия на покрывало опавшей листвы.

– Смотрите, как бы ссыканцы не бегали! – беспокоилась Ненила. – Да не замёрз бы, страдалец, на голой-то земле! Ишь как сентябрит!

Держа на одном локте Алёнку, другой рукой она повесила клетку с голубем на сучок.

Повсюду пахло сыростью, болотом и еловой смолой. Кто-то хлюпал носом. Раффаеле, на коленях перед Леонтием, откинул с глаз прядь волос: Лиза дышала на руки – вот-вот посинеет.

– Мы можем зажечь огонь? – обратился он в небо, будто к самой Деве Марии.

Пока Ненила отламывала безжизненно висячие ветки ольхи, а Екатерина собирала хвост, он завернул Лизу в шерстяное одеяло. Как скульптуру Святого Ианнуария, привезённую после реставрации... А Лизе вспомнилось слово старой няни: «кузовенька». Когда после бани зимой её, четырёхлетнюю, кутали в толстый платок, а он ей оказывался до пят. Ласковое, домашнее и тёплое слово...

Сложили костёр пирамидкой. «Ог-ниии...», – стонал Леонтий.

– Огниво! – догадалась Ненила.

А он всё тянул дрожащую руку к груди, открывал сухие губы, издавая слабые стоны. Раффаеле наклонился к нему, приставил к уху ладонь... «За... па-зуфой».

Ненила сообразила – расстегнула большие пуговицы его старенького зипуна и нашла огниво.

Кучка хвороста вспыхнула. Пламя озарило лица оранжевым рассеянным светом. Все встали вокруг костра и с удовольствием стали греть руки.

Затихло. Влажная свежесть болотного воздуха смешалась с запахом дыма. Тоненькие веточки корчились в огне, тихо потрескивая. С деревьев, шелестя, скатывались листья. Ни одно птичье крыло не задевало покойных крон над головой. Лес спал.

– Повните того мужика в трактире? – шёпотом заговорила Ненила. – Мне кажется, он был среди них. От него смердело так же.

Барышни молча посмотрели на неё, высвеченную мигающими всполохами.

– Я не думал, что русские злые, – произнёс Раффаеле. – Когда надо защищать свою землю от врагов, они сами – враги друг друга. Нападают, убивают, грабят... Ненавидят... Мне жаль вашу страну... У нас в Неаполе тоже есть разбойники... Неаполитанцы, как русские, могут ненавидеть... Теперь они предали короля и свергли его...

– И наши однажды предадут и свергнут царя. Как я говорю, так и будет! – ответила Екатерина.

Леонтий блестящими глазами смотрел на умиротворяющее пламя. Не привык он лежать в присутствии господ, когда они так нуждались в его верном служении. Он силился найти в себе прежнюю мощь, но здоровье уходило из тела, и боль дробила седую голову.

От дороги их закрывала огромная пушистая ель. Нижние тяжёлые лапы её лежали на земле. Поверх осыпанной хвои Екатерина расстелила одеяло.

– Кто-то из нас должен смотреть за костром и стеречь от опасностей, пока другие будут спать, – сказала она.

– Вы сможете уснуть – на земле? – Раффаеле ткнул пальцем под ноги.

– Сеньор Раффаеле, в военный лагерь мы с вами едем тоже не на перинах спать!

«Едем, – повторила она шёпотом, развязывая шляпные ленты. – Знали бы мои бедные родители... Знала бы Нина, где я этой ночью. Знал бы Александр...»

Под осинами покоился толстый ствол древнего дерева, заросший мягким мхом и лишайником. Раффаеле сел на него, уже не думая о чистоте белых панталон, – сейчас бóльшим несчастьем мог бы быть только дождь. Саблю ротмистра Чубарова он вынул из ножен и воткнул в землю перед собой.

Барышни повесили шляпки на сучья и легли рядом, чтобы греть друг друга. На своём одеяле оставили место и для Ненилы. Она пряталась за деревьями – кормила Алёнку.

Странно было лежать на земле, чувствовать её неровности, видеть плывущую бесконечную даль чёрного неба – словно на плоту посреди штилевого моря. Спать не получалось. И Лиза, и Екатерина молчали, наблюдая едва уловимое кружение земли. Облака то и дело закрывали и открывали небесные светила. А вдали виднелась особая звезда – словно зависшая в своём падении, с маленьким золотым шлейфом. Её тоже то скрывали, то освобождали движущиеся тучи. Это было прощальное блистание кометы, дивящей Россию последний год.

Екатерина отвернулась к костру: слёзы не поддавались воле и не могли остановиться. Лиза тряслась и жалась к ней, как птенец.

– Ложись ближе к костру, – не дрогнув голос, ни всхлипа не выдала Екатерина, против воли захлёбываясь горячими слезами.

– Я боюсь спать возле костра.

И она отдала Лизе свой редингот – укрыться. Ей было жарко. И не жалко.

«Бай-бай-бай, А-а-А-а-А», – за деревьями мелькал Ненилин белый платок. Девочка беспокоилась, хныкала. Разгорячённое тельце сквозь ватное одеяло калило матери руки.

Тихо похрустывал сгорающий хворост. Лиза согрелась и уснула. С закрытыми глазами лежала и Екатерина – силой воли нагоняла на себя дрему. А за костром в тишине слышались подавленные вздохи Леонтия.

Раффаеле сидел один на поваленном дереве и усердно строгал палочку позаимствованным у Леонтия ножом, чтобы побороть усталость. Ненила подошла, села рядом на мшистый ствол.

– Не спит. И не плачет. А глазки-то открыты.

Герцог глянул на неё, затачивая палочку под гусиное перо.

– Вы позволите здесь сидеть? – робко спросила Ненила. Брови чернели у барина уж больно сурово...

– Да. У огня теплее, – в его голосе звучало обычное дружелюбие.

А лицо бессонные ночи исказили.

От жара костра щёчки ребёнка покраснелись. Ненила поцеловала дочку в горячий лоб. Она верила, что волшебство материнской ласки способно побороть любой недуг.

У Раффаеле кончались силы облачать мысли в русскую речь. Но он искал способы развеять силы Морфея и старался говорить.

– Тоскуешь ли ты по своей деревне, Ненила?

– Как не тосковать? Всё ж выросла там. Только о тамошней жизни вспоминать горестно. А в дороге горе-то, оно как-то и забывается.

Он рассмотрел в руках соструганное остриё. Лесные звуки ночной тишины располагали к беседе.

– Ненила. У тебя красивое имя. В Неаполе есть слово, похожее на твоё имя. Так мы называем любимую женщину. Nennella...

Задумался Раффаеле. Не нашёл у русских подобия этому неаполитанскому слову. Хотя и говаривал Ломоносов, что в одном русском языке – «великолепие испанского, живость французского, строгость немецкого, нежность итальянского», «мудрость греческого и латыни».

– Нен-нел-ла, – Ненила, как ребёнок, показала маленькие, словно молочные, зубы. – Надо же! Вот бы Мирону сказать. А он и не знал, как меня звать ласково.

Она замолчала, и уголки рта её опустились. Как дитя, не умела она притворяться.

– А этот ваш Не-а... Не-а-поль далеко? – неграмотные губы забавно раскрылись на звуке «а».

– Неаполь – далеко... Это по-русски «Неаполь», а мы его называем «Napule».

– На-пу... А каков он, ваш город? Он, чай, не похож на наши города?

Раффаеле сунул нож за голенище сапога, как делал Леонтий, и бросил палочку в костёр.

– Неаполь... – он улыбнулся и прикрыл глаза. – Неаполь – это «кусочек неба, упавший на землю». Так сказал один писатель. В Неаполе сейчас тепло... Солнце яркое, рано встаёт и быстро заходит. Ночи в Неаполе в сотню раз темнее, даже когда звёзды и луна светят. В Неаполе воздух пахнет цветами. Ты не знаешь, Ненила, какие там сады! Какие там розы... Магнолии... Дерево – другое. Листья жёсткие, как кожа сапога. Там олива растёт с вкусными плодами – из неё делают масло. И пальма. Нашу сосну зовут «пиния». Она похожа на зонт. Мы прятались под ними от солнца.

– Под соснами???

– Они другие, Ненила. Они не похожи на русскую сосну. Без них древний город Помпеи был бы как пустыня. Теперь на месте этого города руины и песок.

– А чего с ним случилось?

– Этот город погиб в давние времена, когда люди не знали Бога и верили в Юпитера. У нас есть большая гора. Из неё всегда выходит дым. Гору зовут Везувио. Когда из неё извергается огонь, земля дрожит, и Неаполь озаряется огненным светом. Огонь залил города Помпеи и Эркулану, и они остались под камнями.

– Как страшно там! – Ненила поёжилась. – Это ж и Неаполь ваш может залить огнём! Как же вы не боялись там жить?

– Мы давно привыкли жить рядом с вулканом, Ненила. Русские не боятся жить в деревне среди частых лесов с медведями – и мы также не боимся. У всех неаполитанцев особое состояние души: мы каждый час готовы к неожиданности и опасности. И даже имеем к этому вкус.

– А как туда добраться?

– Можно по земле: через Австрию и Италию. И можно морем на корабле.

– Море... А какое оно – море?

Раффаеле сладко вздохнул и улыбнулся:

– Море всегда разное. Когда солнце светит и небо прозрачно – море синее. Как небо, но темнее и ярче. Когда погода пасмурная, море серое или белое. Мы не видим, где кончается море и начинается небо. Зимой, когда идёт дождь, море зелёное.

– Ишь ты! Зимой – дождь. Вот диковина какая!

– Море шумит, как живое, и волны плещут на берег. Вода морская – солёная, как слёзы.

– А правду говорят, будто море такое широкое, что за ним берега не видать?

– Далёкая земля не видна. Но в Неаполе с берега мы видим остров Капри.

– Кап-ри... Надо же! Вы как будто сказку рассказываете. Аж не верится. Неужто такая жизнь где-то есть?

– Сейчас и мне не верится, – Раффаеле вздохнул, глядя на русские породистые ели.

– Ох... Вот бы увидеть, хоть одним глазком. Чего за море такое...

– Это возможно, Ненила. Ты молода и свободна.

– Нет, – она покачала головой. – Моря я никогда не увижу.

– Ты не можешь знать, что будет.

– Не увижу...

Раффаеле откинулся к осине, прислонился к стволу спиной. Из леса слышались одинокие клики ночной птицы. С верхушек деревьев спадала листва с тихим шелестом – как воск с горящей свечи. Изредка трещали ветки, будто ломались сами собой, – звук, всегда пугающий идущего лесом человека.

Ненила потянула подбородок – заглянуть, не спит ли герцог. В темноте бодро шевельнулись его чёрные ресницы.

– За лесом есть деревня, – сказал он. – Где-то воют собаки.

– Да?.. Ой... Батюшки! Да это ведь не собаки... Это волки уландают!

– Оставьте меня волкам, – послышалось вымученное бормотание Леонтия. – Я уж не жилец... А сами спасайтесь...

– Чего ты, голубчик, будто господи наши нелюди какие! – запричитала Ненила.

– Не говори это, Леонтий! – Раффаеле потряс молитвенно-сложенными руками. – Не бойтесь. Спите. Я не позволю волкам подойти к вам, если они появятся.

Если бы это в самом деле оказались волки!.. Лучше было не знать бедным русским людям: ведь в Неаполе водилось поверье, что слышать вой собак – к чьей-то скорой смерти...

Ненила не уходила. Баюкала Алёнку на груди.

– Иди спать, Ненила. Иди. Я буду держать ребёнка.

– Вы покачаете? Правда? – она с простодушной благодарностью посмотрела на герцога.

Подгузник поменяла. Подбросила хворосту в костёр. И приткнулась на край одеяла рядом с Лизой.

Горячее дыхание Алёнки пахло материнским молоком. Раффаеле первый раз видел близко дочь Ненилы, её младенческое личико с большими голубыми глазами, как у матери, и пухлой верхней губкой. К нежному подбородку присохли слюнки и молоко. В белом платочке на маленькой головке, она с любопытством смотрела на чужого «дядю» и хлопала пушистыми ресничками. Он улыбнулся. Маленькие пальчики высунулись из-под одеяла и тянулись в рот.

Барышни и Ненила затихли – как бабочки засыпают со сложенными крыльями. Шорох пробежал по верхушкам осин. Дождь?.. Нет, это был ветерок. От него содрогался каждый листок, как монетки лёгкого монисто. Время замерло. Часы остановились. Облака скрыли луну. Только луна могла известить, сколько осталось от ночи – длинной и бесконечной ночи с 9-го на 10-е сентября 1812 года.

Екатерина забылась на мгновение... и открыла глаза на глубину фиолетового неба с гуляющими тучами. Костёр ещё горел. Над ним веялись искорки пепла. Казалось, вечность воцарилась на земле, поглотив течение времени.

Леонтий спал затылком к костру. Его грудь поднималась и опускалась от мирного сонного дыхания. Раффаеле всё так же сидел на поваленном дереве, склонив голову. Прижимал к груди Алёнку. Чёрные пряди спадали ему на лоб.

Хрустнуло – возле его сапога! Он вскинул полуспящие глаза: это Екатерина споткнулась о корявую ветку, затаённую под ковром листьев.

Она села рядом, расправила на коленях тёмно-серое платье. Протянула руки за Алёнкой. Раффаеле уступил ей. Молча. Говорить не оставалось сил.

Девочка спала, разрумяненная и горячая. Екатерина стала качать её, строгими неподвижными глазами глядя во мрак леса за белеющими стволами берёз и осин. «Николай Чудотворец, помоги нам...»

Раффаеле приклонился виском к её плечу – почерпнуть силы для борьбы со сном. Шёлковые волосы коснулись её щеки, пронизанные тонким ароматом морской свежести и мандариновых цветов, ароматом его душистого мыла. Он так и не поднял голову. И Екатерина замерла, боясь потревожить его неловким движением. Не шевелясь, с безмятежно спокойным лицом держала она Алёнку. Образец невиданного терпения...

У Лизы замёрзли ноги. Она села на одеяле, потирая плечи: до боли отлежала их на жёсткой земле. Натянула на коленки Катин редингот и затихла, с нежностью глядя на Раффаеле. Отсюда ей было удобно любоваться им. И Ненила враз с барышней вскочила – по привычке. Села рядом.

– Глядите-ка, Лизавета Андреевна, – прошептала она. – Господин наш герцог спит, как дитя.

– Храни его Господь. Пусть спит.

– Не выдержал-таки ночь.

– Ещё бы, Ненила. У него же королевская кровь.

– То и видно, барышня!

Ненила на цыпочках подкралась забрать ребёнка. Малютка спала, причмокивая и сопя влажным носиком.

Уставшие руки освободились – и слабость разлилась по всему телу. Екатерина прильнула щекой к гладкому лбу Раффаеле и прикрыла тяжёлые веки...

Глава VI

Ей снилось холодное море и варенье из розовых лепестков. Пока в сладкое забытье не вмешались навязчивые звуки, голоса. Кто-то тряс её за руки, настойчиво пытался разбудить. Екатерина разомкнула веки. И увидела другой лес, другие деревья, не узнаваемые под рассветным небом. Раффаеле рядом с нею сонно хлопал чёрными ресницами.

Кучка золы на месте костра дымила. Ненила бегала туда-сюда: складывала одеяла, раскидывала тупоносыми лаптями тлеющие кристаллы углей.

– Вы слышите? Слышите? Просыпайтесь! Просыпайтесь же скорей!

Лиза в чёрной шляпке держала под мышкой зонтик и снимала с сучка клетку с голубем. Леонтий не шевелился.

– Слышите? – повторяла Ненила. – Колокола! Слышите?

На востоке сквозь тишину леса раздавался звон благовеста.

– Собираемся! – Екатерина стянула с её локтя редингот.

Второпях они похватили разбросанные и развешанные вещи – всё, что у них осталось: шерстяные одеяла, дамские шляпы, зонтики; Лиза – клетку. Ненила обняла Алёнку.

Раффаеле перекинул через плечо португую сабли и поднял обессиленного Леонтия. Раненая седая голова в окровавленном полотняном венце упала к герцогу на плечо.

Они стали пробираться друг за другом в лес – на восток, пока колокола не замолчали. Дорога осталась позади.

– Это были собаки, Ненила! Не волки! – Раффаеле шёл впереди, перешагивая в высоких сапогах через коряги, пни, бурелом и низкий колючий можжевельник.

Ненила семенила за ним, придерживая перед барышнями гибкие кусты, петляя между стволами. Ветки хлестали в лицо. Екатерина путалась в длинном платье, шляпка её болталась сзади на лентах, волосы растрепались, развитые пряди повывергались из причёски. Барышням приходилось поднимать ноги, перешагивать через ветки, склонённые к земле, нагибать голову, пролезая под арками роскошных еловых лап и ирги. Отжившие свой век ели в лишайниках больно царапали нежные щёки голыми сухими ветками. Лиза шла последняя, цепляясь подолом за сучки, колючки и колья сломанных стволов. Чёрная шляпка у неё съехала на затылок – и, незаметно, потерялась. Узел светлой косы развернулся спутанным жгутом. Кружево на новом платье порвалось.

– Подол мы починим, – ободряла её Екатерина, но сама спотыкалась и падала на колени, хватаясь за деревья.

Раффаеле оглядывался, когда барышни отставали. Порывался оставить Леонтия на земле и подойти помочь Екатерине.

– Мы справимся, сеньор Раффаеле, – выдохнула она, поднимаясь. – Вы несите Леонтия... Больше никому...

Необитаемая земля леса сплошь состояла из ямок и горок. Вместо опоры под руку совалились колючие хвойные ветки. Около полудня они преодолевали дебри крушины, ирги и елей. Под ногами дробился сухолом. Древесный запах дразнил желудок – Лиза украдкой собирала в рот бруснику, заедала горчинку тислявой переспелой черникой. Губы и пальцы её стали фиолетовыми. В пестроте лиственного ковра атели мухоморы; живучие, быстро плодящиеся поганки пугали ноги в порванных чулках липким лягушачьим холодком.

– Красноголовик! Чёрный груздочек! – Ненила то и дело приседала под ёлки и поднималась с грибными шляпками в подоле. – Ежели заблудимся, голодными не останемся!

Они пошли в гору. Земля, посыпанная длинными иголками, стала твёрдой, но рыхлой. Рыжий песок налипал на ноги. Лес разределся – и превратился в девственный сосновый бор. Между стволами корабельных сосен идти стало легче и просторнее. Но нежные ступни бары-

шень натыкались сквозь тонкие подмётки на выпотрошенные и вспученные шишки. Перед Раффаеле промчался испуганный барсук.

Они преодолели сосновую горку. За спуском болотный запах вернулся. Смешался с ароматом хвои и смолы. Среди густого ельника стали встречаться берёзы и осины, осыпанные листьями папоротники, кочки мятлика и звёздочки лапчатки. Пушистые хвощи щекотали девичьи щиколотки. Под ними прятались берёзовые стволы, как вкопанные трубы. Подмётки туфель с них соскальзывали.

Лес не кончался.

Земля стала мягче, гуще становился зелёный мох, затмевая травянистую растительность суши. Воздух наполнился сыростью ветхих пней. Раффаеле остановился с Леонтием на руках и посмотрел под ноги: сквозь мох из-под сапог сочилась чёрная вода.

– Мы, кажись, полторы версты прошли, а не видать ни одного селенья! – Ненила сморщила лоб. – А таперичи уж и обратно дорогу не найти!

– Мы заблудились? – испугалась Лиза.

– Может быть, мы идём на другую сторону? – предположил Раффаеле.

Леонтий молчал. Лицо его стало бледно и осунулось, нос заострился. Он словно высох, уменьшился за ночь.

– Колокола слышались на востоке, – ответила Екатерина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.